

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
"ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ"

2000

ЭЛС

84 (2loc = 14ч) 6
1754 - 113

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
"ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ"

2000
ЛТ

Таймырская
окружная
библиотека

175390

Издательство
«РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва

Таймырская региональная писательская организация

Литературно-художественный альманах «Полярное сияние-2000»

Альманах издан по заказу Управления культуры
Администрации Таймырского округа.

Издание альманаха ставит своей целью
популяризацию творчества
прозаиков и поэтов,
драматургов и литературных критиков,
проживающих на полуострове Таймыр
или пишущих о нем.

Составители: *Елена Джафарова, Елена Ягумова*
Редактор: *Юрий Градинаров*

«Русская литература»
Москва

70-летию Таймырского автономного округа посвящается

*Издание альманаха «Северное сияние» на краю земли
не только отрадное явление, но и обнадеживающее.
Там, где живо слово, жива жизнь и дышит культура свежим воздухом.
Альманах хорошо формируется и оформляется, желаю ему держать высокий,
чистый тон и сохранять признаки того,
что он издается на Таймыре, а не в Бразилии.
Здоровья, сил, терпения и скорой весны вам, северяне!*

Виктор Астафьев

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Оэдо АКСЕНОВА

Кто ты есть?	5
Талая вода	5
Признание в любви	5

Любовь НЕНЯНГ

Моя земля	6
Я тебя белокаменной вижу	6
Командировка на Родину	6

Виктор САВОЧКИН

О прерванной песне	7
А. С. Пушкину	7
«Рухнет плен ледяной...»	7
«Спросили вы...»	7

Евгений ТОЛМАЧЕВ

Память	8
--------	---

Сергей ПОПУГАЕВ

Тебе	9
------	---

Светлана КЛИМОВИЧ

«Вот какой он бывает...»	10
«Толи в Питере, то ли в Самаре...»	10

Геннадий МЕДВЕДЕВ

«Давно унеслась моя юность под звезды...»	11
«Брошу все и уеду!..»	11
Шторм	11
Осень	11

Валерий АБАШОВ

Счастливый	12
«Родился в ташежной деревне...»	12
«Я зорною строкою проявлюсь...»	12

Алевтина ЩЕРБАКОВА

«Небо опустило в море луч багровый...»	13
Пурга	13

Марк ХАСДАН

Памяти Николая Гумилева	14
Агапы Енисея	14

Нина КО ВАЛЬЧУК

Ночь над Таймыром	15
Хатангский причал	15
На острове Диксон	15

Ася РУДИНСКАЯ

«Новорыбинский вальс»	16
Разговор с землей	16

Валентина ЗАВАРЗИНА

«Где-то есть на свете кто-то...»	17
Недоразумение	17
Полярный день	17
«В ночной тишине я сегодня одна...»	17
«Солнце ресницы путает...»	17

Виктор ВОЩЕНКОВ

Любимой	18
«Я не знаю, простишь ли ты снова...»	18
«Родная, помнишь тот приход зимы?..»	18
«Я отыскал тебя, родная...»	18

Анатолий ЛЕВЕНКО

«Удача в жизни — только эпизод...»	19
------------------------------------	----

Елена ГАТИЛ ОБА

Старик	20
--------	----

Владимир КАНТАРИЯ

Антиветушенко	21
Что-то вроде песенки	21
«Ну что мне ночь очередная...»	21
«Снова, снова и снова...»	21

Татьяна ШАЙБУЛА ТОВА

«Я потерялась где-то в сентябре...»	22
-------------------------------------	----

Сергей ЛУЗАН

Заклинание духа зимовья	23
-------------------------	----

Галина ЛЕТЯГИНА

Взаимодействие	24
Затмение	24
«Шел дождь...»	24

Елена ЯГУМОВА

Изгнание	25
«Стоваттная бессонница...»	25

Юрий БАРИЕВ

«Я каюсь, хоть каяться не в чем...»	26
«Беспошадно проходят года...»	26

Леонид САФР О НО В

Чичиков	27
Татаро-монголы	27

Дебютанты

Вера КОЛЬЦОВА

«Распоясалась зима, разметелилась...»	28
«Я так жила бы и до смерти...»	28
«Как сладостно мечтать в ночи!..»	28

Виктор КУЗЬМИН

Времена года	29
Краски осени	29

Денис ТЕРЕХОВ

«Я поступки любые привык принимать за знаменья...»	30
--	----

Наталья БЛОХИНА

«Дождь ли хмурый за окнами льет...»	31
-------------------------------------	----

ПРОЗА

Анатолий САВИНОВ

Время мечты. Рассказ	32
----------------------	----

Виктор САМУИЛОВ

Филимон. Рассказ	35
------------------	----

Татьяна БЕГЛЕЦОВА

Прости меня, мой ангел... Рассказ	38
-----------------------------------	----

Маргарита БОЯРСКАЯ

Кукла. Рассказ	40
----------------	----

Елизавета БАРУКОВА

Прощальная симфония. Продолжение повести	42
--	----

Татьяна ШАЙБУЛАТОВА

Петрович и мышь. Рассказ	48
--------------------------	----

Юрий ГРАДИНАРОВ

По собственному желанию. Окончание повести	50
--	----

Юрий МИРОНОВ

В таймырских далях. Окончание повести	63
---------------------------------------	----

Николай ОДИНЦОВ

На перепутьях тернистых дорог. Продолжение повести	67
--	----

ЗЕМЛЯКИ-КРАСНОЯРЦЫ

Виктор АСТАФЬЕВ

Яшка-лось. Рассказ	70
--------------------	----

Роман СОЛНЦЕВ

Улыбка за стеклом. Рассказ	74
----------------------------	----

Эдуард РУСАКОВ

Короткое замыкание. Рассказ	80
-----------------------------	----

Виктор МИЗОНОВ

Красная смородина	82
«Не хватает единственной малости...»	82

ПОЭЗИЯ ЮНЫХ

Анна ВОРО

«Грустная осень...»	83
«О чем я гадаю...»	83
«Не спится...»	83
«И снова жестокий ветер...»	83

Сергей КУЛАЕВ

Предраассветное время	84
Жизнь на севере	84

Саша ПАНОВА

Разговор	85
Сон	85

ДЛЯ САМЫХ МАЛЕНЬКИХ

Евгений КЛИКУН

Северные загадки	86
------------------	----

Геннадий КУЗНЕЦОВ

Снегирь	87
Отчего и почему?	87
Зебры на скамейке	87

ПУБЛИЦИСТИКА:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Владимир ЭЙСНЕР

Таймырский мамонт. Очерк	88
--------------------------	----

Нина ПРЕДЕТЧЕНСКАЯ

Из истории освоения Таймыра (XVII - XIX вв.)	90
--	----

Ирина СОТНИКОВА

Аргиш в один день. Зарисовка	94
------------------------------	----

ФОЛЬКЛОР НАРОДОВ ТАЙМЫРА

Казимир ЛАБАНАУСКАС

Загадки истории нганасан. На основе фольклора	95
---	----

Огдо АКСЕНОВА (1936 - 1995)

Родоначальник долганской письменности, сказочник, переводчик. Первый профессиональный писатель из долган. Ею написаны книги для детей и взрослых: «Бараксан» (1973), «Таймырские сказы» (1982), «Признание в любви» (1996) и многие другие.

КТО ТЫ ЕСТЬ?

Кто ты есть? Почему ты такая?
 Потому что я с правдой иду против лжи,
 Потому что верней, чем оленьи чижи,
 Дружба греет меня, если вдруг запуржит.
 Как и ты, каждый день на работу хожу,
 Как ребенка, стихи я под сердцем ношу,
 Я долганскими песнями сладко дышу,
 Понимаю душой реки Хатанги шум.
 С буквы Д начинается имя долган,
 Дорожу каждым звуком, что тундрой мне дан.
 Я ловлю их, как ловит оленя аркан.
 Я люблю их, как музыку любит барган.
 «Счастье» — «дьол» по-долгански звучит с давних пор,
 Слово «дружба» звучит по-долгански «догор».
 Дуся — имя мое, так о чем разговор,
 Если я вобрала в себя тундры простор!

ТАЛАЯ ВОДА

Приезжайте в тундру к нам,
 К белым тающим снегам.

Тундра щедро вас напоит
 Стылой талою водой.
 Силой вас вода наполнит,
 Легкой силой молодой.

Говорят, летят к нам птицы
 По весне со всех концов,
 Чтобы вкусно водицей
 Им, усталым, насладиться,
 Чтобы талая водица
 Помогла им опериться,
 В тундре вырастить птенцов.

Приезжайте в тундру к нам,
 К белым тающим снегам.

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ

Таймырские снега.
 Мой север — бараксан.
 Просторно, высоко
 И сердцу и глазам.
 Еще и оттого
 Душа моя поет,
 Что древние хранит
 Обычай народ.
 Не выветрились, нет,
 Не сгнули в золе
 Обычай... Пускай
 Народы на Земле
 Узнают их... Улов
 Богат иль не богат —
 Тем, что поймал, рыбак
 Делиться с каждым рад.
 А если полон дом
 Достатка и тепла,
 Живи и грейся... В нем
 Не упрекнут тебя.
 Бывает, улечу
 На день или на год.
 Мой древний поводирь —
 Язык мой — приведет
 Обрато на Таймыр...
 Без материнских слов
 Мне будет тесен мир
 И край любой суров.
 Разлуки не терплю.
 Вперед, вперед, вперед,
 Как будто тороплю
 Упряжку — самолет.
 Долганка я.
 Я дочь

Седых озер и рек.
 Но на большой Земле
 Я новый человек.

Любовь НЕНЯНГ (1931 - 1996)

Известная ненецкая писательница, журналист, собирательница фольклора. Ее стихи, рассказы, повести и очерки печатались в журналах, альманахах и коллективных сборниках. Ее перу принадлежат книги «Ячитаю следы» (1980), «Огненный суд» (1981), «Зов тундры» (1997) и многие другие.

МОЯ ЗЕМЛЯ

В лихолетье лютующих вьюг
Я не верила в слово «весна».
Помню мачехой землю свою:
Как была ты ко мне холодна,
Моя снежная родина.

Я так мало на свете живу,
Но так много вместила судьба:
И кочевье отца, и Неву,
И сознание, что ты не раба,
Моя снежная родина.

Над тропую моих стариков,
Разбудив вековечную тишь,
Разом сквозь вереницу веков
Белым чудом-оленем летишь,
Моя снежная родина!

Я счастливую песню пою,
Свою землю я не узнаю:
Не старуха в морщинах-рубцах,
А невеста в нарядных песках —
Моя снежная родина.

Есть земля, где поют соловьи,
Есть земля, где не вянут цветы,
Но прими, как признание в любви:
Вся Россия моя - это ты,
Моя снежная родина!

Я ТЕБЯ БЕЛОКАМЕННОЙ ВИЖУ...

Хоть и древняя наша
Дудинка,
Триста с лишним на свете
Живет,
Хорошеет, звенит, словно
Льдинка,
Выше в гору, вперед
Все идет.
И живут здесь мои
Северяне,
Трудовой, с добрым сердцем
Народ,

Корабли с дальних рейсов
Встречает.
По-таймырски. Всегда.
Круглый год.
Я тебя белокаменной
Вижу,
В парках тундровой зелени
Всю...
Молодой, звонкий голос твой
Слышу
И с тобою о счастье
Пою.

КОМАНДИРОВКА НА РОДИНУ

Стойбище проснулось без меня.
Стыдно мне, бывалой тундровичке,
Поутру тарелками звеня,
Завтракать по городской привычке,
Думать не о деле, а о том,
Что сейчас в квартире очень жарко,
Что остались в доме городском
Электроплита и кофеварка...
Рядом соплеменница моя,
Видно, до зари сегодня встала,
Настирала две горы белья,
Принесла воды для чая талой.
Вот меня приветствует кивком
И опять усердно и понуро
Первобытным костяным скребком
Молча обрабатывает шкуры...
Я опять попала в старый плен
Неуютных дум моих угрюмых.
Никаких заметных перемен
Много лет не замечаю в чумах.
Тот же чад от печки жестяной,
Так же иней на стене не тает,
Будто век не атомный, иной,
Мимо вместе с жизнью пролетает.
Слезы бесполезные утру,
Зашагаю к берегу скорее.
Стынет чум на ледяном ветру.
Рация молчит без батареек...
Плачет чья-то юная жена.
Жизнь одна,
Всегошеньки одна...
Горько слышать слово «перестройка».

Виктор САВОЧКИН (1947- 1998)

Родился в Пензенской области в 1947г. На Таймыр приехал в 1970 году. По профессии — строитель. В числе первых строил наш город.

О ПРЕРВАННОЙ ПЕСНЕ

* * *

Спокойно, брат!
Тревога сердце жжет?
А ты тверди:
«Все хорошо на свете!».
И верь в удачу,
Ведь тому, кто ждет,
Жизнь отпускает день,
Который светел.
И верь в себя,
Тори нелегкий путь.
Что взял в труде,
То и душе услада.
Пусть ветер жизни
Бьет упруго в грудь.
И боль — через себя,
И долг — со словом «надо!»
Ведь надо, брат,
Не позабыть свой долг.
Все дело в том —
Тебе никто не должен.
Прервали песню,
Чей-то голос смолк —
И до рассвета
Тот певец не дожил...

А песнь, как знамя,
Не должна упасть.
Не допусти,
Чтоб в грязь ее втоптали!
И твердо знай,
Что солнце не украсть,
Не зачеркнуть свободной дали.

А. С. ПУШКИНУ

Добротой питаешь мир земной.
Песни напеваешь о любви.
Ну, а ты попробуй быть со мной,
Если не могу, с собой зови.
За мечтой зови, за красотой,
За своею правдою великой.
Оступлюсь, схвати своей рукой,
Осади назад смертельным криком.
Криком осторожности друзей
Там, где только выбор не на случай.
Может, ты особый, может, лучше
Нас, живущих на земле людей.

Рухнет плен ледяной
И засилье снегов.
Только память моя
Сохранит все, что было.
Жизнь — река, что бежит
Между двух берегов.
Я любил безоглядно,
А ты не любила.

Не любила, когда
Черный ворон беды
Надо мной пролетел,
Равнодушие пророча.
Левый берег и правый,
Лавина воды,
Перекинулась радуга —
Мост был не прочен.

Ты сказала «дружки»,
И водой ледяной
Их обдало.
И память забыла.
Ты любовь, словно данью,
Огромной виной
Моей страсти к тебе
Обложила.

* * *

Спросили вы,
Зачем стихи слагаю?
Зачем судьбу
Веду своей рукой?
Пишу ли я —
Смеюсь я и рыдаю
С тех трудных лет
Над пушкинской строкой.

Как вечен мир.
Вселенская отвага
В груди иной
Ведет на эшафот.
Не терпит гнета
Белая бумага,
Как нестерпим огонь,
Что сердце жжет.

Евгений ТОЛМАЧЕВ

*Родился в 1949 году в Жданове Донецкой области.
На Таймыр приехал в 1981 году. Работает в
«Норильскгазпроме». Живет в поселке Тухард.
Публиковался в окружной газете «Таймыр», альманахе
«Полярное сияние — 98».*

ПАМЯТЬ

Жене посвящаю

У ног разбился снежный ком,
Тобой неловко брошенный.
Он мне напомнил о былом
Негаданно, непрошенно.

То ль наяву, то ли в бреду
Опять за мною гонишься,
Снежки бросая на ходу,
В пальтишке темном школьница.

Сквозь дней метель, сквозь этот снег,
Застывший вдруг над крышами,
Ловлю я твой задорный смех,
Далекий, едва слышимый.

До сей поры забыть не смог,
Как улочкой знакомою
Из школы вечером, в мороз,
Шел вместе с ней до дома я.

Снег обжигал лицо мое,
Бесил меня и радовал,
Я для ботиночек ее
В сугробах снег протаптывал.

Ах, юность, юность... Дни бегут,
Зима наша растаяла.
От следа давнего в снегу
В душе следы оставила.

Сергей ПОПУГАЕВ

*Родился в 1958 году. По профессии обувщик-модельер.
В Дудинке с 1972 года. В 1983 году после травмы
потерял слух. Публиковался в альманахе «Полярное
сияние».*

ТЕБЕ

Ты когда-нибудь долго смотрел в облака?
Ты мелодию слушал в дожде торопливом?..
Да, дружище, дорога у нас нелегка,
Но не стоит совсем забывать о красивом.

Знаешь, часто смотря на желтеющий лист
Или птиц наблюдая в свободном полете,
Начал я понимать, что душою я чист,
Что не стал я другим в повседневной заботе.

О глоточке воды и о хлеба куске,
О нехитрой одежде и обуви грубой,
И о том, что блестит седина на виске,
И все больше морщин, и все скорбнее губы.

Что прошедшие годы назад не вернуть,
И чтоб выжить, кидаешься в полымя первый,
Что судьбой не дано наперед заглянуть,
И все больше морщин, и натянутой нервы.

Друг мой, летнюю синь и осенний опал
Это нужно уметь ощутить и увидеть.
Ты ведь можешь, иначе бы я промолчал,
Побоявшись тебя ненароком обидеть.

Ты попробуй, коль в сердце застрянет тоска,
Или грустные мысли тобой овладеют,
Ощутить, как трепещется плоть лепестка,
Как искрится роса, небеса голубеют,

Как сверкают зарницы, и пахнет нектар,
Как поют, разбежавшись, весенние воды...
И послушай совет: не теряй этот дар,
Перешедший к тебе от волшебной Природы.

Светлана КЛИМОВИЧ

*Окончила Норильское медицинское училище.
В литературном объединении «Водолей» занимается с
1994 года. Публиковалась в газетах «Заполярный
вестник», «Заполярная правда», литературном
альманахе «Водолей — 99».*

Вот какой он бывает
Солнечный сон зимой:
Опять пожарная лестница
Сталинской пятиэтажки.
И радиоточка в углу,
И Леха — сосед слепой,
И синий прозрачный дым,
И конвой, журавлик на промокашке.

И ты — сознанием между мирами
живой,
Летишь куда-то, ангел крылатый.
Стой!

Нервный, призрачный город,
Волчьи глаза — фонари.
Рваная линия крыш: то ли дождь,
То ли холодный пот.
И в небе славянские боги
Жгут голубые костры,
Только моя душа не горит,
Я, разумеется, мертв.

И ты — сознанием между мирами
живой,
Летишь куда-то, ангел крылатый.
Стой!

То ли в Питере, то ли в Самаре,
То ль на Волге, то ль на Неве,
Разгоралось созвездье пожара
В запредельной больной синеве.

Юный бард, провожающий лето,
Заплетавший осеннюю нить,
В небо мелкие сыпал монеты —
Он надеялся чудо купить.

Может, крылья, а может, бессмертье,
Может, право на вход в никуда...
Расцвела в изумрудном букете
Облаков молодая звезда.

Тихо пели печальные струны,
Не мигая, смотрели вокруг
Фонари - бесконечные луны,
Ободренные ласкою рук.

Геннадий МЕДВЕДЕВ

Родился на Урале в 1949 году. В 1972 году приехал на Север, живет в Дудинке. Работает в «Норильскгазпроме». Публиковался в газетах «Таймыр», «Вечерний Челябинск», журнале «День и ночь», альманахе «Полярное сияние».

Н. Рубцову посвящается...

Давно унеслась моя юность под звезды,
И тополь развесил вширь крону ветвей.
Как жаль мне, что годы схватило морозом,
Что видел так мало красивых церквей.

Растите до неба, церковные своды,
Прекрасное зодчество пойте в веках.
Останьтесь, как песня душевной свободы,
В серебряном звоне, в цветных куполах.

Боюсь я, что рано надломит усталость.
Прервет вечер строчку в заветных стихах.
Хочу после смерти душа чтоб летала
Невидимой птицей в родных облаках.

Я буду летать над озерною синью
В загадочном свете вечерних ночей.
В лучах согреваясь над утренней стынью,
Будить вместе с солнцем звенящий ручей.

И если я жил вдруг не так, что, быть может,
Кому-то не сразу обиду простил,
Пусть люди поймут и плохим не тревожат:
Как звон колокольный, я всех вас любил.

Брошу все и уеду!
Пусть под крыльями стелется ночь.
Одержу над собою победу.
К черту Север, сомнения прочь!
С легким сердцем куплю в Алыкеле
Свой билет — и лети самолет.
Пусть кружат над Таймыром метели.
Пусть другим выюга песни поет!
Все, уеду!.. Но выйдет, что даром
Мерз я здесь заполярной зимой.
Брел в пургу на мелькнувшие фары.
Строил. Жил. Обзавелся семьей.
Бросить все и уехать? Просто
Сдаться в середине пути?
Но как жить без полярного лета?
Как полжизни с собой увезти?
...Лпожало окно, сотпясяся.

Трепало прохожих за ним.
Гудела пурга, усмехаясь
Растрепанным мыслям моим.

ШТОРМ

Тревожно Енисей скользил.
Катились с плеском волны прочь
К нависшим тучам мрачным, в ночь.
Не оставалось больше сил
Смотреть на муть свинцовых вод...
Шторм приближался грозным валом.
И вдруг обрушился обвалом...
И точно рухнул небосвод!
Как плеткой небо обожгло.
Змеясь, взорвался в туче шар,
И с треском бешеный удар
Взломал небесное стекло!
Дождя низвергнулась стена.
Гром, точно камни рассыпая,
Метнулся в горы, затихая.
Злой коброй вздыбилась волна,
Безумной силы ветер — шквал —
Примчался, берег очищал,
Весь в пене, камни сокрушал.

ОСЕНЬ

Гонит листья над тундрой ветер.
Первый снег грустно ловит рука.
К горизонту ушедшего лета,
Вдаль, уныло плывут облака.
Покидаю я край, ставший милым.
Взглядом берег реки обвожу.
И, прощаясь у лиственниц хилых,
Сам себя в никуда провожу.
На воде мрачной вечера блики.
Катера одиноко стоят.
В небе гаснут печальные крики:
К югу серые гуси летят.
Вот и все. Отошли от причала.
«Прощанье славянки» звучит над реюй.
И эхом над берегом вдруг зазвучали
Гусиные крики, звенящей тоской.

Валерий АБАШОВ

*Родился в Межово Красноярского края в 1944 году.
Закончил Иркутский госуниверситет, факультет
журналистики. Публиковался в газетах «Советская
Хакасия», «Заполярный вестник».*

СЧАСТЛИВЫЙ

Поругавшись в юности с любимой,
Укатил в далекие края...
Может, потому я стал счастливым,
Что несчастлив в этой жизни я.

Долго жизнь меня волчком крутила,
Вихрем горя всех земных мастей.
Наконец, устала — отпустила,
Стал теперь спокойней, веселей.

В дом родной вернулся, полон силы,
И навечно сделал здесь причал.
Правду я ногами по России
Строчкой жизни людям написал.

Ни о чем прошедшем не жалею,
И прошедшей юности не жаль.
Только жаль, что сердцем не умею
Позабить любви своей печаль.

Родился в таежной деревне,
Где дышат нектаром леса,
Где спят на вершинах деревьев
Родные в тиши небеса.

Где умерли мать и мой отчим,
Которого батю звал,
Который любил меня очень
И в путь, как отец, провожал.

Вернусь в дом родной по утранке,
И грянет в деревне опять
Любимый всегда «Марш славянки»,
Что некому было играть.

Я зорьною строкою проявлюсь
В своей домашней старенькой тетради.
И, как смогу, прославлю лирой Русь...
Мне не читать ее с большой эстрады.
Когда уйду навечно в мир иной,
Достанут сыновья мою тетрадку,
Прочтут стихи, наверное с тоской,
И вспомнят, как играл я марш «Славянку».
Пусть вспомнят, как сидел ночами я,
Писал стихи и рвал, в ведро бросая.
Как мать ворчала тихо на меня,
Вставая с койки на ноги босая.
И я спокойно в мир уйду иной,
Друзьям и сыновьям стихи оставив.
Пусть шепчет грустно ветер надо мной,
Что Русь святуго так и не прославил.

Алевтина ЩЕРБАКОВА

Родилась в Норильске. Ее стихи публиковались в коллективном сборнике норильских поэтов «Гнездовье выюг», в альманахе «Полярное сияние».

Небо опустило в море луч багровый,
На подходе ветры, к сроку бы успеть
Залатать свой парус ниткою суровой,
Так чтобы о прошлом больше не жалеть.
Я свою суровость с нежностью сплетала,
Но недоставало морю соли слез.
Крутобоко волны море подымали,
И летел мой парус курсом на утес.
И на чуждый берег клочья выносило,
Шепот утешенья в пене нес прибой,
Я в узлы морские связывала жилы,
Починяя снова штопанное мной.
Над волной мой парус вновь взлетал упруго,
Далеко бывал он от родимых мест.
Вод едва касаясь, нес меня по кругу,
Нес меня по свету мой плавучий крест.
Подо мной — пучина, надо мной — кручина
Чайкою крикливой, крылья распластав.
Полнится, ветрами дышит парусина—
У морской стихии беспощадный нрав.

ПУРГА

Январь зачем-то в клочья рвет
На небе белые полотна,
Над тундрой вместо самолета
Ветров безудержный полет.
Все измеренья снесены,
И белый ад их поглощает,
И ничего не возвращает
В мои мучительные сны.
Встречаю утро по часам —
Здесь верить можно только стрелкам,
И даже время стало мелким
Внезапно рухнувшим снегам.
На завтра — слышу разговор —
Неутешительная сводка.
Собака пьяною походкой
Пустой пересекает двор.
Блуждают в поисках пути
Автомобильные сигналы,
Опять колонна где-то встала —
Просвета нет у белой тьмы.
И только ветер, только снег
Права имеют на движенье,
А думы тихое скольжение
Определило их разбег.

Марк ХАСДАН

*Кандидат технических наук. Родился в местечке Новобелицы Гомельской области в 1926 году.
Его стихи публиковались в сборнике «Гнездовье выюг»,
в альманахе «Полярное сияние».*

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

Скрыли воды лик Земли прекрасный.
Мой ковчег набит зверьем бесчисленным.
Будет путь и долгим, и опасным,
если рядом чистые с нечистыми.

Сыплет время свой песок угрюмо...
За свободу, что в конце обещана,
проводить я должен в темном трюме
ночи душные и дни зловещие.

Ежедневно только в час рассвета
двери ненадолго раскрываются,
грудь наполнить свежестью и светом
мне однажды в сутки разрешается.

Я гляжу с надеждой в даль морскую:
может быть, лучи восхода нежные
розовой пастелью рисуют
долгожданных гор вершины снежные?

И лохмотья тьмы бесследно тают,
и звенит душа мечтами юными...
В этот час в ладони мне слетают
две голубки с розовыми клювами.

АГАТЫ ЕНИСЕЯ

Ежегодно в конце июля
от Дудинки до Усть-Порта
под тяжелым мешком сутулится
пешеходная маята.

Среди гальки, что устилает
енисейские берега,
радость редкая душу пленяет:
сердолик и узорный агат.

Под косыми лучами восхода,
между длинных вечерних теней
наградят за терпенье похода
яркой вспышкой теплых огней.

Где-то там есть Великий Камень,
ярче сна и прекрасней мечты,
тот, который еще не найден,
камень сказочной красоты.

Он таится средь гальки серой
от Дудинки до Усть-Порта...
Только короток свет вечерний,
скоро — полная темнота.

Нина КОВАЛЬЧУК

*Работает в Хатангском аэропорту. Публиковалась в
окружной газете «Таймыр», альманахе «Полярное
сияние».*

НОЧЬ НАД ТАЙМЫРОМ

Уже наступила «полярка».
И ночь уничтожила день,
Как будто бы темную шапку
Надела Земля набекрень.

Как будто планета устала
И очи прикрыла зимой,
Лишь звезды горят неустанно
Над круглой головой.

И кажется Хатанга спящей —
Покой сердцу и мир!
Лелеет настоящий
Царь-батюшка — древний Таймыр.

ХАТАНГСКИЙ ПРИЧАЛ

Люблю я хатангский причал,
С его журавликами кранов,
Судов коротким караваном,
Несущим в рейс разлук печаль.

Темна холодная река
Средь берегов, крутых и диких,
А в солнечных слепящих бликах
Волна свободна и легка.

Стоишь над Хатангой-рекой
Один — наедине с простором:
Уходят горести, и скоро
Ложится на душу покой.

К душе мне истинный простор,
Такой нигде не сыщешь боле -
В пустыне иль в степи привольной
Совсем иной его узор.

Люблю я хатангский причал,
Реки сверкающее лето,
Где волны будоражит ветер,
Где чайки белые кричат.

НА ОСТРОВЕ ДИКСОН

На острове Диксон
Погода - не мед:
Пурга по прописке
В поселке живет.
Спит Карское море,
Укрытое льдом,
Припрятало волны
До лучших времен.

Здесь небо темнее
От дыма печей,
И славится время
Сезоном ночей.
Когда нам не спится,
Рассвету невмочь,
У власти царица —
Полярная ночь.

Но хвалится Диксон
Одним из чудес —
На Север струится
Сиянье небес.
Бесшумно сверкает
В движенье своем,
Чарует далеким
Холодным огнем.

И пусть навалилась
На остров метель,
Здесь держится все
На душевном тепле.
За контуром круга
Погода - не мед,
Чуть слышен сквозь выюгу
Гитары аккорд.

Ася РУДИНСКАЯ

Родилась на Таймыре в 1959 году. Окончила Восточно-Сибирский государственный институт культуры.

Публиковалась в местной печати, альманахе «Полярное сияние». Живет в Хатанге.

«НОВОРЫБИНСКИЙ ВАЛЬС»

Я назначу свиданье у Трех Маяков,
В Чистом Поле нарву я полярных цветов.
Ты увидишь, как тают вдали облака,
Как река бьет о берег крутые бока.

«Новорыбинский вальс» наши судьбы связал,
«Новорыбинский вальс» нас волной укачал,
«Новорыбинский вальс» — моей жизни причал.

Поведу свою лодку по гребню волны,
Не волнуйся, родная, с рекой мы дружны,
Ты встречай меня лучше у Трех Маяков,
Где рыбачки встречают своих рыбаков.

«Новорыбинский вальс» наши судьбы связал,
«Новорыбинский вальс» нас волной укачал,
«Новорыбинский вальс» — моей жизни причал.

Засыпает поселок, погасли огни.
Только некогда милой досматривать сны.
Ты детишкам решила поведать о нас,
И приходит на ум «Новорыбинский вальс».

«Новорыбинский вальс» наши судьбы связал,
«Новорыбинский вальс» нас волной укачал,
«Новорыбинский вальс» - моей жизни причал.

Я назначил свиданье у Трех Маяков,
В Чистом Поле нарвал я, как прежде, цветов,
Только лодку мою не качает вода,
Время годы уносит. Но с нами всегда

«Новорыбинский вальс» наши судьбы связал,
«Новорыбинский вальс» нас волной укачал,
«Новорыбинский вальс» — моей жизни причал.

РАЗГОВОР С ЗЕМЛЕЙ

Звалась ты родиной метелей,
Землей нетающих снегов,
Страной невьюченных оленей,
Неугасаю щих костров.

И нет конца земле той древней,
И нет предела снежным снам,
Но не осталась она прежней,
Другой она досталась вам.

Ночей полярных взгляд холодный
Пронзает душу, а снега
Невытканным цветным узором
Ласкают сердце иногда.

Ее ранимость, тягу к свету
Ценила каждая душа,
И вот простую мудрость эту
Мы жили, медленно круша.

По быстрым рекам покоренным
Струится мутная вода,
Не зарастает мхом зеленым
Следов машинных борозда.

Притихших ив тугие ветки
Обвила ржавая струна,
Цивилизации отметки
Увидев, хмурится луна.

И вот, отбросив дух кочевий,
Сижусь на камне у огня,
Бросая в пламя жир олений,
Я говорю с тобой, земля.

Валентина ЗАВАРЗИНА

Родилась в 1947 году на Алтае. Закончила факультет журналистики Киевского университета. Публиковалась в окружной газете «Таймыр», альманахе «Полярное сияние», сборнике «Белый олень Сэрэко».

Где-то есть на свете кто-то,
Кто-то меня давно уже ждет,
Кто-то сердечно любит
Не один прошедший год.

Где-то солнце над горою
Светит только для меня,
И сиреневым запоем
Дышит сад на склоне дня.

Ходит счастье по-над речкой,
Конь пасется на лугу...
Но заветного словечка
Я услышать не могу.

Чересчур далеко где-то,
Расстояния кляня,
Одает тоску рассвету
Тот, кто, верно, ждет меня.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Дороже всех сокровищ света
Улыбка на лице твоём,
Слова сердечные привета,
Когда с тобою мы вдвоём.

В глазах от встречи нашей радость
И жест, что нежность выдает.
Прикосновенье, как награда,
Как счастья мимолетный взлет.

Но ты молчишь, глаза потупя.
Слова - что слиток золотой.
Твой замок слепо неприступен.
И я прошу: глаза открой!

И я молю: меня послушай,
Пойми — роднее в мире нет.
Твой замок не согреет душу...
Но мне молчание в ответ.

Моя атака захлебнулась.
Ну что, искать для петли сук?
Сжимаю зубы — больно скулы...
И вновь стучу: открой, мой друг!

ПОЛЯРНЫЙ ДЕНЬ

Солнце в небе — а все уснуло.
Ветер шепотом сквозь тальник.
Енисейских изгибов скулы
Лижут волны, вспенив язык.
День полярный без перерыва,
Как без отдыха путь реки.
Заполярного лета дива —
Цвет багульника и жарки.

В ночной тишине я сегодня одна.
Речушку сковали студеные клешни.
В чадру облаков завернулась луна,
И только звезда ободряюще блещет.

Короткая осень поспешно ушла,
Деревья отплакали, листья теряя.
И новенький снег, приняв статус посла,
Ложится на землю от края до края.

Белеют холмы, примеряя наряд.
Морозец несмело хватает за руки.
И длинных ночей начинается ряд.
С тобою и с летом начало разлуки.

Солнце ресницы путает,
Влагой туманит взор,
Трубы для дыма — ступами,
Графикой — теней узор.

Даль будто вымыта чистою
Из родника водой.
Вовсе не надо пристально,
Словно твоя ладонь.

Ветер, как цвет акации,
Ласково по щеке.
Пуховиковые грации
Лунки сверлят на реке.

Птичий базар, и только,
Как в огород, — на лед!
Там, под хрустальной коркой,
Снова зубатка идет...

175390

Виктор ВОЩЕНКОВ

Член Союза журналистов России.

Родился на Смоленщине. Печатался в периодических изданиях Ямала, Якутии, Прибалтики, Таджикистана, Кемерово, Забайкалья.

Автор поэтического сборника «Три судьбы».

ЛЮБИМОЙ

Инне

Что мне делать? Как быть? Я не знаю...
 Что об этом дочурке сказать?
 Где сейчас наша сказка лесная?
 Кто теперь в ее тонет глазах?
 Неужели ушла? Так неожиданно?
 Да и будет ли вновь приходить —
 Грустным взглядом своим из тумана
 И шемящую болью в груди?..

Я не знаю, простишь ли ты снова,
 Что родные до боли глаза,
 Цвета озера, неба лесного,
 Вновь туманит обиды слеза?
 Взгляд с укором, печальные губы...
 Почему, безнадежно любя,
 Был с тобой я, любимая, грубым?
 Почему я обидел тебя?
 Меня редко балует удача,
 Но я все же надеюсь до слез,
 Что однажды приду и вздохмачу
 Теплый дым твоих нежных волос.
 Встречу солнечный взгляд с удивленьем,
 Все обиды и боль отведу
 И к твоим загорелым коленям
 Я усталой душой припаду.
 Ну а большего мне и не надо,
 Лишь бы снова остаться вдвоем,
 Замирать от любимого взгляда
 И дыхание слушать твое.

Родная, помнишь тот приход зимы?
 Где все светилось, словно в божьем
 храме,
 И снег, как ангел с белыми крылами,
 Спускался в мир, где проходили мы.
 Где память стыла в призрачной тиши,
 Под снег ложились давние печали,
 И наши две изломанных души
 Свои пути к сближению искали.
 Как тяжело давался каждый шаг,
 И как тревожно сердце твое билось,

И мне казалось, что твоя душа
 В испуганную птицу превратилась.
 И как потом оттаяла она
 В застенчивых объятьях снегопада,
 Чтоб в нем неожиданно вспенилась весна
 Метельным белым яблоневым садом.
 И яблоневый цвет, и белый снег
 Дарили мне родные губы, руки,
 И задышался в поцелуях смех,
 Забытый в пору долгую разлуки.
 И ты как будто снова родилась,
 Смахнув наветы, жгучие, как плети,
 Девчужка из сибирского села,
 Которой лучше не было на свете.
 Девчужка та была во всем права,
 Наивная, не знавшая обмана,
 И чистая, как росная трава,
 Омытая сентябрьским туманом.
 ...Так почему же снова ты ушла
 И горький лед обид неразделенных
 В глазах своих, по-детски удивленных,
 Опять с собой куда-то унесла?

Я отыскал тебя, родная.
 Но ты была и не была,
 Моя небесная, земная,
 С душой, сгоревшею дотла.
 Мы говорили и молчали,
 Все было смутно, как во мгле,
 И лишь глаза твои мерцали,
 Как угли в стынувшей золе.
 Я был и счастлив и несчастен,
 Осознавая, почему,
 Своей любовью стал причастен
 К беде и горю твоему.

Анатолий ЛЕВЕНКО

*Родился в Чернигове. Окончил Киевский университет.
По образованию журналист. Живет в Дудинке.
Вышли сборники стихов: «Северная мудрость» (1991),
«Вишня Арктики» (1992), «Тридцать три», «Млечный
путь» (1996).*

Удача в жизни — только
эпизод.
Важнее устремление,
служенье.
А ты сумел взглянуть
за горизонт.
И оттого судьба твоя —
движенье.
Ты, как ручей, кипуч и быстр,
влеком пунктирами
оленьих
многоточий.
И выверен в полотнах
каждый
штрих.
И росчерк четок
и предельно
точен.
Тот, кто с тобою рядом,
тот введом.
И навсегда в мечтах твоих
мадонны.
Полярная звезда,
храни
твой
дом!
И жизни родники
всегда
бездонны!

Елена ГАТИЛОВА

*Родилась в Якутии. Окончила Норильское педучилище.
Учится в Литературном институте им. Горького.
Работает в библиотеке. Живет в Норильске.*

СТАРИК

Ястребом черный дождь
Кинулся к черной земле.
Ты плачешь, веришь и ждешь
В жесткой тугой петле.
Дымом седой туман,
Ветром гарь и озноб.
Время — сплошной обман,
Звезды — что искр сноп.
Колокол, вой волков,
Запах сена и плач,
Скрежет стальных зубов...
Страх - вот кто твой палач.
Только серебряный крест
Жжет грудь сильнее огня.
В проклятиях дьявольских мест
Он охранял меня...
Старик, ты меня обучал
Раны лечить землей.
Твой шепот мерно звучал,
Как треск поленьев зимой.
Теперь покидаешь свет,
Бросаешь меня в нем...
Старик! Как же твой обет
Про крест, каленый огнем?
Кинулся к мокрой земле
Вороном черный снег.
В жесткой тугой петле
Дикий сухой смех.
Толпы босых мужиков,
Бабы и дети — в крик.
Колокол — песнь волков.
Ты умираешь, старик?!

Владимир КАНТАРИЯ

Родился в Грузии. Печатался в окружной газете «Таймыр», альманахе «Полярное сияние». Автор сборника стихов «Верните мне мое...» (1994). Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой за 1998 г.

АНТИЕВТУШЕНКО

Есть трагедия трупов.
Есть удача ничья.
Жизнь платила не скупю,
Как удар палача.

Не любил, не любимый,
Глянь, какой поворот.
Донесут меня мимы
Аждо скорбных ворот...

Пролечу, как и все,
Я от Бога до тьмы.
У судьбы на косе
Мои вещи сны.

ЧТО-ТО ВРОДЕ ПЕСЕНКИ

В сентябре осталась ты.
Ну, а я бреду по лужам.
Ухожу я к зимним стужам,
Уношу твои цветы.

Ухожу я в город дальний,
В город-порт, и бабьих слез
Уношу уют двуспальный,
Хлебный запах твоих кос.

Этот город мне за ворот
Звезд холодных сыпанет.
На груди рвану я ворот:
Подходи, честной народ!

Я дарю вам звезды эти.
Я дарю вам просто так.
Чтоб смеялись вы, как дети,
И кричали: «Вот чудак!»

* * *

Ну что мне ночь очередная,
Где в шубах лисьих бродят девы,
Транквилизаторы глотая.
Ну что мне ночь разбитых склянок
И пухлых пальчиков уборы,
Когда душа твоя — подранок
И под пятою нет опоры.
Тоска — ужасная наука
Потустороннего предела —
С цепи сорвется злою сукой
Или завьюжит дамой белой.
Пусты и жалки тротуары.
Зашторены дремотой лица.
Жжет на подносе мемуары.

* * *

Снова, снова и снова
Поиск, похмелья бред.
Слова, как воздух, слова
Просит у Бога поэт.

Бледные пальчики света
Через прокуренный зал
Тянутся к сердцу поэта,
Словно безумья оскал.

Фауст хохочет над кружкой,
Воблой по стойке стуча.
Время — в руках игрушка
У моего палача.

Татьяна ШАЙБУЛАНОВА

*Родилась в 1960 году. С 1991 года живет в Норильске.
Выпускница Литературного института им. Горького.
Публиковалась в журналах «День и ночь», «Юность»,
альманахе «Полярное сияние», в поэтическом сборнике
«Гнездовье вьюг». Автор книги стихов и прозы «Мой
ангел».*

* * *

Я потерялась где-то в сентябре,
А за окном уже зима лютует,
Холодный ветер в щели окон дует,
Пометью — декабрь в календаре.

А я осталась где-то в сентябре,
Там, где листва морковным соком рдеет,
И холодом стальным река синеет,
И воздух чист, и тихо во дворе.

Я где-нибудь в последнем тихом дне,
В плену у листопада и спокойствия.
Есть в сентябре пленительное свойство:
Спокойным быть и быть послушным мне.

Как по утрам хрустит на лужах лед.
Не лед — ледок. И тополя, как свечи.
Живу не встречей, ожиданьем встречи
И тем, как что-нибудь произойдет.

Что первый снег нагрянет в октябре,
И что зима не будет слишком долгой...
Уже декабрь, и в доме пахнет елкой.
А я осталась там. Я в сентябре.

Сергей ЛУЗАН

Член Союза писателей России. Автор сборников «Волчи звезды», «Долина семи солнц». Лауреат литературной премии имени Огдо Аксеновой за 1997 год. Живет в Норильске.

ЗАКЛИНАНИЕ ДУХА ЗИМОВЬЯ

Серебряная борода, серебряные волосы,
Маленький, как горностай.
В бокарях из мха...
Хозяин моего зимовья, гнезда над озером,
На продувном холме, зову тебя!
Уже кипит котел, и пар, как снег,
Когда откроешь крышку...
Зайчатины отведай, хлеб горяч!
И чай, и сахар я делю с тобой, хозяин моего гнезда.
...Чужих изводишь...
И если каменные лыжи ко мне проложат след,
Их раскроши на мелкие осколки.
Когда на лед нога плохая ступит,
Лед разломать проси сестер прозрачных.
Плохого человека отправь в снега за черной костяникой.
А солнечные бабушки
Друзей моих
Пусть встретят весело,
Как будто человек пришел сродниться.
Согрей моих друзей под мышкой,
Если будут мерзнуть,
Как греешь ты меня у печки звездной ночью.
Достань из пазухи моим друзьям удачу и не твори им зла.
Зайчатины отведай. Хлеб горяч.
И чай, и сахар я делю с тобой.
Послушай музыку сияния, хозяин,
И шепот звезд со мной послушай в полночь.
Я знаю, ты танцуешь на ресницах моих,
Когда приходит в черной шкуре время
В золе горячей печки лапы греть...
Я все делю с тобой, хозяин моего гнезда седобородый!
Даруй покой, а счастья мне не надо!
Даруй покой, а счастья мне не надо!
Даруй покой...

Галина ЛЕТЯГИНА

Член Союза писателей России. Публиковалась в местной печати, альманахе «Полярное сияние». В 1998 году вышел сборник ее стихов «Акварели, срисованные с дождей». Живет в Норильске.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Как тяжела усталость в темноте.
 Закроешь дверь и, света не включая,
 Почувствуешь, как дом тебя качает,
 Выплескивая в белую метель.
 Ты затеваешь новую игру.
 И я по напряженным нитям слуха
 Молчание твоё в себя вберу.
 И, может быть, качанье не потухнет.
 Как редко здесь бывает не зима,
 Неведомо какое время года,
 Но невозможно спрашивать с природы,
 Ведь я могла напугать все сама.
 Две стороны дороги...
 На одной — безумное паденье снега.
 Вечер.
 С другой же стороны дороги — ветер
 Деревья гнет,
 Тебя несет ко мне...
 Хотя, неправда, нас там вовсе нет.
 Бывает так, наверное, на свете.

ЗАТМЕНИЕ

Безумное слово подарит затмение.
 Мой сумрак нежданный пахнет первородным
 Инстинктом языческих гульбищ свободных,
 И, голову мне положив на колени,
 Он черные кудри на пальцы нанижет...
 Касаньем тебя узнаю неумело,
 И пахнет каштаном горячее тело...
 Как страшно.
 Я чувствую все, но не вижу.
 Парим.
 И беззвучно сминая пространства,
 Как зреющий плод в материнской утробе...
 И мы неделимы,
 Мы целое в танце,
 И мы подчиняемся нашей природе.
 Мой сумрак, прощай!
 Скоро утро наступит.
 И голову северный ветер остудит.
 И слово разумное сердце откроет.
 И солнцем наполнит, и чистой водою.

* * #

Шел дождь.
 Он шел, смывая белый свет,
 В один сосуд сливая наше тело,
 Как терпкое вино
 Из бочек разных лет,
 А я тебя любила и хотела.
 Как виноградник солнцем и землей

владеет,

Я тобой владела.
 Над недозревшей ягодой соска
 В гусиной коже скрещенные руки,
 На мокрых прядях молнии и звуки
 Сквозят у оглушенного виска,
 Но мы не разливали молока.
 Усилим дождя обернуты колени
 И пятипало жизни колесо...
 Мой милый!
 Неужели это все,
 Все смоем дождь?
 Или потоп вселенский?
 Приманим ночь
 И дом,
 Тепло огня,

Мы из воды с тобой сухими выйдем.
 Мы черных кошек ночью не увидим,
 Они все спят,
 Напившись молока.
 Не хватит нам единого глотка.

Елена ЯГУМОВА

*Родилась в 1949 году. В Норильске живет с 1986 года.
Самая известная за пределами округа поэтесса, ее
стихи публиковались в журналах «Октябрь»,
«Москва», «Новый мир», в альманахах «Енисей»,
«Полярное сияние».*

ИЗГНАНИЕ

* # *

В блаженное жалкое лето
я к вам от Москвы до Урала
туманом, прожилками света
тянусь от вокзала к вокзалу.
И душно, и страшно в вагоне —
в убогом ковчеге плацкартном.
И злой проводник на перроне
нам судьбы тасует, как карты.
Как Ной, на галдящие толпы
взирает провидческим взглядом,
и грезит грядущим потопом,
грозит безбилетникам Адам.
И поезд уходит в туманы.
С тургеневской музой печали
мы прячем нерусские тайны
в сырые поблеклые шали.
В поблеклые ткани кочевий
упрятаны древние свитки.
В Сибирь — без охраны и свиты —
струятся мольбы повечерий:
исчезнуть, исчезнуть, исчезнуть,
в тургеневском сгинуть тумане.
Певцом шестикрылым воскреснуть
и петь о дорожном бурьяне.
Зверьком в потаенной пещере
лежать чуть тлеющий запах.
Мы, мудрые древние звери,
пыль рая уносим на лапах.
Мы — смертные певчие дети —
изгои Пречистой Вселенной.
Но если вскрывают нам вены,
пыль рая в крови нашей светит.

Стоваттная бессонница
в тисках полярных вьюг,
ночная лампа молится,
вышептывая круг.
Там белая бумага,
как черная дыра.
Посверкивает влага
на кончике пера.
Пушится оперенье
стоваттного венца.
Богиня вдохновенья
ждет дерзкого жреца.
Холодные кометы
пересекают лик.
На веках — по монете,
в устах запекся крик.
Безмолвное величье —
полярное вдвойне...
Но древний профиль птичий
качнулся на стене
по потолку, по креслу —
дощечка и стило —
движеньем перекрестным —
чело, рука, крыло.
Живьем со дна забвенья,
из енисейских вод,
из нильских вдохновенья
принес в гортани Тот.
И дрогнули монеты,
и потекли с лица.
Глазницы, брызнув светом,
нащупали жреца.
И, пав в колени друга,
прозрев на краткий миг,
здесь, за полярным кругом,
в снегах вещает Сфинкс.

Юрий БАРИЕВ (1948 - 1998)

*Закончил Литературный институт им. Горького.
Автор трех поэтических книг «Северная почта»,
«Очертания ветра», «Морозные метаморфозы».*

* * *

Я каюсь, хоть каяться не в чем
И нету особых причин.
Не станет от этого легче,
Кричи, не кричи...

И день, мимо нас проходящий,
Никак уже не утишить.
Настрою на тон подходящий
Свой звон. Так и следует жить...

Однажды вкусив своей доли
От доли всеобщей Руси,
Как жить нам без воли и боли?
Себя самого расспроси.

Уже и не важно, как выглядишь.
Признаюсь вам, как на духу,
Что жизнь — бесполезный мой выигрыш —
Нужна ли сегодня стиху?

* * *

Беспощадно проходят года,
Не обходят и нас стороною.
Заклубились уже облака
Над твой и моей головою.

Мир не станет над нами иным.
Те же зори в снегах розовеют.
Нашу молодость, словно бы дым,
Ветер времени в поле развевет.

Ветер времени наши мечты,
Безмятежные наши надежды
Заметет, как снегами следы
Заметали метели и прежде.

Сохранит ли людская молва?
Отзовутся ль в грядущие годы
Наши судьбы и наши слова,
Безотчетное чувство свободы?..

Леонид САФРОНОВ

Родился в Кировской области. Стихи публиковались в коллективных сборниках, «Литературной газете», журналах «Москва», «Юность», альманахе «Енисей». Член Союза писателей.

ЧИЧИКОВ

Чудным звоном наполнило уши,
Прозвенело и смолкло опять —
Это Чичиков мертвые души
Снова едет на Русь покупать.

С неба съехала бойкая тройка —
Воронье, как черт, легаши.
Посмотрел - а кругом перестройка
На живую из мертвой души.

Подтянул ремешки гужевые,
Поумерил у меринов пыл —
И готовые души живые
За красивые речи купил.

Прохрипела крылатая тройка
И пропала за Лысой горой.
«Перестройка моя, перестройка», —
Напевал про себя наш герой.

ТАТАРО-МОНГОЛЫ

Зароптали татаро-монголы:
Мы-де нынче ни щука, ни гусь;
Наши юрты дырявы и голы,
Наши бабы безгруды и полы,
Не пора ли нам ехать на Русь.

Вылез хан из просторной кибитки,
Оглядел косоглазую тьму:
«А ответите мне за убытки?» —
«За убытки заплатим в избытке!» —
«Коль заплатите, быть посему!»

Доскакали до русской границы,
Укатали на мыло коней:
На Руси ни овса, ни пшеницы,
На Святой ни коня, ни куницы,
Только нищие бродят по ней.

Приарканили старца в проказе
И такую узнали молву:
«Обобрали нас местные князи,
Наши князи, что вышли из грязи,
И уехали править в Москву».

Вылез хан из просторной кибитки,
Злой, как овод в кобыльем хвосте:
«Ну, платите теперь за убытки...»
Обобрал свое войско до нитки
И уехал в родимую степь.

Вера КОЛЬЦОВА

*Родилась в Чите. На Таймыре живет с 1963 года.
Работает в торговле. Публикуется впервые.*

Распоясалась зима,
Разметелилась,
Ты со мною рядом был —
Мне не верилось.
Взгляд мой бережно ловил,
Угождал во всем.
Страстно ты меня молил
Позабить про все.
Но зашла соседка к нам
Синеглазая.
На нее ты лишь взглянул —
Ясно сразу мне.
Разгорелся жадный взгляд
Вожделением.
Стала вдруг она твоим
Наваждением.
И горят твои глаза
Для нее теперь.
У меня в глазах слеза —
Ты ж глядишь на дверь.
Не желаю я ей зла
Ну ни чуточки.
Только нет покоя мне
Ни минуточки.
Изболелось, извелось
Сердце нежное.
Как хочу я, чтобы было
Все по-прежнему.
Распоясалась зима,
Разметелилась,
Ты со мною рядом был —
Мне не верилось...

* * *

Я так жила бы и до смерти,
Улавливая жизни стиль.
Кружился, словно в круговерти,
Событий мелких водевиль.
Но ты пришел, и словно спала
Чар колдовских хмельная власть,
И сердце громче застучало,
И радость песней разлилась.
И солнце яркое, большое
Не умещается в груди.
И столько радости, покоя,
И столько счастья впереди!

* * *

Как сладостно мечтать в ночи!
Когда тебе никто не нужен,
Лишь трепет пламенной свечи
И мрак судьбою тебе сужен.
И в мыслях, словно сгоряча
Иду по лезвию кинжала.
Но меркнет, гаснет та свеча —
И времени осталось мало.
Лавина планов и надежд
Снежинкой кружит бестелесной.
А наяву — полно невежд,
И оттого мне в жизни тесно.
А мысли, словно кутерьма,
Ворожат солнечный пролесок...
Все знаю про себя сама.
И суд мой тяжек, честен, весок...

Виктор КУЗЬМИН

Родился 1949 году в поселке Голубая Красноярского края. Закончил Иркутский сельхозинститут по специальности охотовед. На Таймыр приехал в 1973 году. Живет и работает в Дудинке.

ВРЕМЕНА ГОДА

В тундру пришло долгожданное лето.
В зените стоит круглосуточный день.
Вся она в красках, цветами одета,
На северных склонах лишь белая тень.

То вечного снега виднеются пятна,
Что летом не тают в суровом краю!
Животному миру — простор необъятный,
Там дичи — приволье и жизнь, как в раю.

Пройдет незаметно короткое лето,
И птицы с гнездовой потянут назад.
И ночи наступят без солнца и света,
И сменит природа осенний наряд.

Покроется тундра белой фатою,
Закружит, завьюжит снежная метель.
И зимняя стужа стучится пургою,
Не жди теперь скоро весну и капель.

КРАСКИ ОСЕНИ

На лесной полянке
Вырост белянки
Из пролитых слез
Под листвой берез,

Рыжики — средь сосен,
Грузди и волнушки,
Значит, близко осень,
Спрячутся веснушки.

Хороша грибная
Осени пора,
Сердцу дорогая,
Хоть дожди с утра.

Листья пожелтели,
Собран урожай.
Птицы улетели,
«Здравствуй и прощай!»

Денис ТЕРЕХОВ

С 1993 года занимался в литературном объединении «Водолей». Сейчас работает телекомментатором телерадиокомпании «Северный город» Норильска.

О. Л.

Я поступки любые привык принимать за знаменья,
Даже те, что так будничны или банальны порой.
Я не верю ни Богу, ни черту, но вот провиденье,
Как мне кажется, слишком уж часто играет судьбой.
Я задумаюсь мнительно, что будет завтра к рассвету,
Если нынче закат был как будто совсем не в себе,
Даже в памяти, как в записнушке, поставлю помету,
Говоря в сотый раз, как в последний, себе: «Не робей».
Разделяя уюты дворцов и последних бараков,
Размышляя о том, что первично: талант или рок,
Я всегда полагал, что нет лучше на свете дензнаков,
Тех, что отдали как-то за пару рифмованных строк.
Ненавидя, но все-таки в чем-то, наверно, смиряясь
С утверждением — жизнь полосата (извечный вопрос),
Я старался заранее предугадать, опасаясь
Полосы слишком черной, взамен грязно-белых полос.
Я за каждой минутой, порой мимолетного, счастья
Ожидал разоренье, чуму, гонорею, друзей,
Отбивающих девушек, смену привычной мне власти,
И разруху еще, и назойливый местный музей.
Как мне дико считать, что возможно жить просто

спокойно.

За улыбкой в толпе получать гонорар, а не втык.
Целоваться, когда тебе хочется, крепкую «Дойну»
Пить с лимоном вприкуску и классно монтировать встык.
Ни за что, никогда я теперь не хочу где-то между
Черно-белой банальности полос брюзжать и брезжить.
Потому что мне случай случайно дал зерна надежды,
А из них, между прочим, пытаются веру растить.

Наталья БЛОХИНА

*Студентка Московского института психологии.
Живет в Норильске. Публикуется впервые.*

* * *

Дождь ли хмурый за окнами льет,
Или солнце встает на заре,
Освящается имя мое
На незримом твоём алтаре.

Как бальзам для души, как нектар,
Как родник, удивительный свет —
Твоих строчек мистический дар
И на сердце живительный свет.

Сколько сил, неземного тепла,
Истекает от рук твоих, глаз.
О, как щедро природа дала,
Мудро выбрав рождения час.

Для того, чтоб запеть я смогла
И слова не искать в немоте,
За спиной два ненужных крыла,
Чтоб расправить и снова лететь.

Это сна золотая смола.
Я Всевышнего благодарю.
Будь и ты, чтоб в тебе я была —
Я склонюсь к твоему алтарю.

Анатолий САВИНОВ

*Работает на Норильском медном заводе.
Одержим литературным творчеством. Публиковался
в газете «Заполярная правда», в альманахе «Полярное
сияние».*

БРЕМЯ МЕЧТЫ

Рассказ

В тот день шел дождь. Редкие прохожие суетливо спешили в свои дома, к тапочкам, халатам, фартукам и прочим элементам одомашненности. Кого-то с нетерпением ждали, кого-то не ждали совсем, но и те, и другие, в общем-то, счастливые люди — им есть куда спешить, идти, мчаться, чего ждать и на что надеяться. Я, в этом смысле, прямо пропорционально отличался. У меня не было ни теплых тапочек, ни дома, в прихожей которого они бы меня дожидались. Иногда я даже сомневался во внешнем сходстве с обычными людьми. Порой мне казалось, что я лишь тень, скользкая меж ними, и именно поэтому так неприметен — почти невидим. Я переходил из города в город, и всюду со мной происходило одно и то же — ничего не происходило. Города жили своей жизнью, я довольствовался своим... Не то существованием, не то отсутствием такового. Как-то остановил одного из прохожих и спросил:

- Скажи, мил человек, видишь ли ты меня?
- Нет, — ответил он, — но запах ощущаю вполне.

В голосе его не прозвучало иронии или куража, проходной был абсолютно искренен. Он не мог меня видеть, я попросту не существовал для него. Что до запаха, так здесь ничего особенного — я не мылся с полмесяца, если не больше.

В тот слякотный день я по обычаю своему стоял у грязной забегаловки и просил милостыню. Дела шли из рук вон плохо. За полдня не собрал на пачку сигарет. Раньше я побирался у церкви, там народ добрее, пораскошелистее, но как-то подошли ко мне двое парней с мордами стаффордширских терьеров и потребовали, чтоб либо платил им, либо «рвал когти» в другое место, подальше от их территории. Я не дурень, сопротивляться не стал (нет смысла писать в лицо ветру — его не замочишь, а свои штаны не отстираешь), но и на дядю пахать с детства не был приучен. Тогда-то и перебрался к шалману этому. Но это так — отступление.

В самый момент, когда я уж решил уйти и поискать ночлега (чего без толку мерзнуть), к забегаловке подошел мужичок. Его длинное, слегка полинявшее демисезонное пальто, фетровая шляпа, из-под которой на плечи стекали белые волосы, не обещали для меня заработка. Пропустив его к крыльцу, я вознамерился идти своей дорогой.

- Остановись, человек! — окликнул меня незнакомец.

Я застыл, как вкопанный. В голосе его было что-то, заставлявшее повиноваться и ощущать при этом такую легкость души, что впору лететь. Но именно эта легкость, свобода тяжким бременем легла на плечи. Оторопевший, я глядел на него, выпучив глаза, не понимая причин этих ощущений. Остатки памяти сохранили в мозгу понятие «причинно-следственной связи», только именно этой «связи» я и не мог найти. Что такое в этом субъекте заставило меня онеметь, почувствовать невообразимый всплеск эмоций? Эмоций, о которых я и вспоминать забыл. Нет ни слов, ни красок, ни чувств, чтобы описать бурю мыслей, пронесшуюся в моей голове. Остатки ее еще бушевали во мне, когда я, собрав всю свою любовь к независимости, которую некоторые называют наглостью, отсутствием гордости или совести и т. д., спросил:

- Чего надо, приятель? Хочешь угостить меня ужином?

— Отчего же и нет? Пойдем.

— Шутишь?!

— Нисколько.

— Тогда за чем же дело встало! — и я, вконец обезумев, подхватил его под руку и почти втащил в кафешку, опасаясь: «Не дай бог, передумает».

— Эй, Надюха, — кликнул я дородную подавальщицу, — принимай гостей! Все, что есть в печи... ну и так далее... Сама соображай.

— Разбогател что ли?

— Покуда есть на свете добрые люди, я миллионщик. Поняла, глупая баба?

— Ой, умный нашелся. Вы зря на него тратитесь, — обратилась она к моему благодетелю, — пусть бы поголодал, как следует, может, на работу устроится.

— От работы кони дохнут. Не смущай человека.

«Человек», покуда шла наша с Надькой перепалка, молчал и смотрел куда-то в стык между потолком и стеной.

— Ты что, таракана увидел? Так то ничего, бывает и похуже, — заметив направление его взгляда, сказал я и заказал две двойные порциипельменей и двести грамм водки.

Усевшись за стол, я поднял свой стакан и «со здоровьем» его опрокинул. Закусив, я обратил внимание, что мужик не пьет и не ест, а только смотрит на меня своими синими глазами, да так, что ей-богу — водка внутри застывала. Буря, улегшаяся было, начала собираться сызнова и с

еще большей силой. Тем не менее, я постарался не показать вида охвативших меня сомнений и эмоций.

— Эй, ты чего не ешь и не пьешь?

— Не хочется.

— Ну и зря. Слышь, может, ты тогда погуляешь или отвернешься для разнообразия. А то кусок поперек горла становится, — все же, не выдержав, попросил его я.

— Не заработанный хлеб не насыщает.

— Вот ты что... А какого же хрена ты меня сюда привел, нотации читать?

— Нет.

— Тогда в чем дело?

— Ни в чем. Ешь скорее, и пойдем отсюда.

— Куда?

— После узнаешь.

— Слышь, а ты не маньяк часом? Я тут недавно кино видел, у кореша знакомого телевизор есть. Так там один козел бомжей кормил, поил, а после убивал. Ты не такой? Не то, смотри у меня... — Я потряс в воздухе своим тощим кулаком.

Ни слова, ни угроза не произвели на него никакого впечатления. Он сидел и смотрел мне в глаза. Он сверлил меня электродрелью своего взгляда, и я ничего не мог с этим поделать. Я ел и не чувствовал вкуса пищи. Я выпил его порцию водки, но не ощутил ни привычной горечи во рту, ни тепла внутри себя. Со мной происходило что-то странное, чего не передать. Покончив с пельменями, я вышел из-за стола, вытирая рот о подклад плаща, и направился следом за ним, уже спускающимся по лесенке, ведущей на улицу. Так, послушного как собаку, он привел меня в расположенный неподалеку скверик, и мы сели на одну из мокрых скамеек. Их еще не убрали на зиму.

— Ты догадался — кто я? — спросил он, первым нарушив молчание.

— Нет.

— Врешь! — с искренним недоумением воскликнул он.

— Послушай, чего тебе от меня нужно? Я не знаю тебя, впервые вижу и все такое...

Внезапно охватившее беспокойство не давало мне говорить. В какое-то мгновение оно едва не задушило меня. Попытавшись уйти, я не смог оторваться от скамейки.

— Ты боишься?

— Да, мне страшно. Ты доволен?

— Тебе нечего бояться. Я пришел, вернулся сюда ради тебя. Но тебя прежнего. Не такого, как сейчас. Ведь ты желал этого?

— Мне непонятно, что ты говоришь. Мне страшно и холодно. Я пошел.

— Куда?

— Без разницы... Скажи, наконец, кто ты?

— Христос, — с лукавой улыбкой ответил он. — Устраивает? Неужели так и не догадался?

Ответ прозвучал громом среди ясного неба. («Издевается что ли?») Я отшатнулся, но он смотрел на меня своими синими глазами, и тысячи холодных игл пронизывали меня насквозь.

— Ты не врешь?

— Вру, конечно. Но у тебя такой вид, будто ты и впрямь поверил.

Да, я поверил, вернее, почувствовал его власть и свою готовность идти за ним на край света. Только бог, явившись вот так — невзначай, — может сотворить с человеком подобное. Он встал и, улыбнувшись чему-то, ни слова больше не говоря, пошел прочь. А я послушно поплелся за ним, не обращая внимания на лужи, на падающие за ворот первые снежинки. Мне было холодно, но я не замечал этого. Так как был совершенно очарован, поработен. Я видел впереди только его силуэт и шел, и шел, и шел...

Порой что-то внутри меня скептически спрашивало: «Ты, парень, с ума спятил? Ведь образованный же человек, даром что бомж, а проходимцу какому-то доверился. Загляни в местный дурдом: там каждый третий — «бог» и каждый второй — «ангел небесный». Очнись, пока не поздно...»

Надо сказать, что некоторые сомнения он все же посеял во мне. И я, устремив взгляд в спину незнакомца, пытался прочесть его, понять, кто он и что в действительности ему от меня нужно.

— Оставь сомненья! — обернувшись, приказал он.

— «Всяк сюда входящий»... — мысленно добавил я и едва не лишился рассудка, проведя некоторую аналогию между своим состоянием и внутренним состоянием Данте.

А незнакомец все шел и шел, не оборачиваясь больше. Я, несмотря на сомнения, продолжал следовать за ним, все чаще и чаще ощущая себя собачонкой на привязи. Поводок находился в крепкой руке незнакомца.

Вскоре мы вышли из города. Шагая по автострате, я вдруг заметил, что за все время мимо нас не проехала ни одна машина. Несмотря на вечернее время, трасса должна просто кишеть автомобилями, мчавшимися как в одну, так и в другую сторону. Что заставляло меня так безропотно идти за этим человеком? Отсутствие воли, любопытство или наплевательское отношение к себе? Что?!

В движении прошли и вечер, и ночь. Наступало утро. Солнце с трудом отвоевывало каждую пядь грешной земли, пробиваясь сквозь плотную завесу тумана. Ночью я не видел своего поводыря, так как ни одна звездочка ни разу не взглянула на землю. Но присутствие его ощущал непрерывно. Не ведая усталости, в абсолютной прострации, я шел и уже не казался себе собачонкой на привязи. Нет! Я чувствовал себя ягненком, следующим туда, куда укажет пастух. Мне было холодно. Мне было страшно. Мне...

Туман не рассеивался. И на то, что где-то взошло солнце, указывала лишь серость, пришедшая на смену черни. Но уже одно знание того, что солнце существует, вселяло в меня некоторый оптимизм. Хоть и очень слабый. Я боялся останиться. Боялся пастушьего бича. Мне казалось, что как только я поступлю иначе, чем так, как предначертано (пусть неизвестно кем), и в воздухе раздастся свист... Не предполагаемая боль страшила меня, а лишь подтверждение собственных опасений. Потому как тогда не останется ничего...

Вдруг из тумана вышел человек!.. Это был юноша лет шестнадцати. Он шел прямо нам навстречу. Обыкновенная джинсовая курточка поверх футболки, протертые на коленях джинсовые брюки... Это все, что должно было согреть

его от холода. При одном виде столь легко одетого человека в такую стужу по моему телу прошла дикая дрожь, и я спрятал голову поглубже в воротник своего пальто. Но едва он поравнялся со мной, как тут же меня словно бы окунули в теплую воду. Приятная истома разлилась по телу, а следом и душа отогреваться стала. Потом произошло невообразимое: туман окрасился в золотой цвет, и вихрь немислимой энергии закружил надо мной. Я слышал голоса, зовущие меня. Я чувствовал руки, тянущие меня в разные стороны, и едва не сошел с ума от всего этого. Неожиданно, все прекратилось... Я стоял посреди туманного круга, половина которого была серой и от которой веяло, уже ставшим привычным для меня холодом. Другая половина имела золотую окраску, и веяло от нее теплом. В свою очередь, в каждой половине общего круга, находились еще два — поменьше. Оба они были цвета своей половины, только ярче, и оба, краями своими, делили меня напополам. В центре же каждого из них стояли седой незнакомец (в сером) и золотой юноша в круге соответствующего цвета. Они оба смотрели так пристально, что я смутился. На меня глядели всего два человека, а казалось, что смотрит, по меньшей мере, вся Вселенная. И тут, краем сознания, я понял — мне предлагался выбор. Не задумываясь, я шагнул в желтый круг. Почему, не знаю до сих пор. Едва шаг был сделан, как туман исчез, и солнце, ослепительное, почти белое, окутало меня своими лучами.

Юноша зашагал по шоссе, и я засеменял следом. Поначалу радости моей не было границ. Я купался в тепле, я чувствовал такой прилив энергии, что чуть не обогнал своего проводника. Но по мере того, как солнце поднималось над линией горизонта, силы мои иссякали. Скоро я возненавидел светило, и юношу, и изливающий жидкое стекло асфальт дороги. Кульминация наступила в тот момент, когда солнце заняло место в зените. Я почувствовал, что, расплавляясь, скоро растекусь по асфальту и испарюсь, слившись с миражами. Как только сознание стало покидать меня, на встречу вышел седой незнакомец...

Поравнявшись, он принес мне прохладу. Словно родник посреди пустыни, он казался мне желанней всего на свете. И снова образовался круг... На сей раз я, не задумываясь, вошел в серую часть.

Радость прохлады оказалась недолгой. Свой плащ и свитер я бросил, когда изнывал от жары, а потому вскоре почувствовал холод. Зубы мои танцевали степ. Кожа посинела. Ноги начала сковывать судорога. И вновь разыгралась буря...

Я несколько раз сменял поводырей, кидаясь, таким образом, из крайности в крайность, и скоро мне это надоело. Как только в очередной раз образовался круг, я, словно капризный ребенок, уселся прямо на границе, разделяющей цвета проводников. Что тут началось... Земля и небо стали меняться местами, превращаясь в адскую карусель или в «чертово колесо», вращающееся с бешеной скоростью. Посреди всего этого хаоса я. Словно щепка, брошенная в гигантский водоворот, и оставалось только зажмуриться... Картинки, появившиеся черт-те знает откуда, захватили мое сознание. Кто-то крутил обратное кино, где задом наперед двигались люди, машины, летели облака, садилось и вставало солнце. В какой-то момент я увидел себя в окруже-

нии толпы, которая вовсе не стремилась избить меня или что-то, тому подобное. Нет, они смотрели мне в глаза и цвели от счастья, которое им принес я. Да и сам я тоже был счастлив и, что самое главное, свободен! Но все это удалялось от меня с невероятной скоростью...

Буря улеглась неожиданно. Осторожно открыв глаза, я понял, что сижу на ступенях забегаловки. Рядом со мной лежит моя шляпа, в которой поблескивают три пятикопеечных монеты. И только теперь пришла в голову мысль о том, что я так и не узнал — чем бы все закончилось, пройди я тот или иной путь. А может, и не было никаких путей, и все лишь бред размечтавшегося не в меру бича? Если это так — то что стоит человек, не вынесший — даже в грехах! — бремя своей мечты?..

Виктор САМУЙЛОВ

Родом из Тверской области, по профессии — военный вертолетчик. Сейчас работает на трассе газопровода. Печатался в альманахе «Полярное сияние», газете «Заполярный вестник».

ФИЛИМОН

Рассказ

Как-то в середине лета по срочным делам я был вызван в Норильск. В то время мне и в голову не приходило, что самый простой способ добраться до места, — это связаться по радиисвязи с диспетчером, и пролетающим вертолетом был бы доставлен если не сразу в город, на «Валек» — местный аэропорт, то до вахтового поселка «Факел» — точно. А я ничего лучшего не придумал, как по-материковски, выйдя «к дороге» на берег реки, голосовать проходящим лодкам. Часа за два пронеслось их в нужную сторону штук пять, но ни одна не клюнула на робко вытянутую руку. Водилы разводили руками: мол, перегружены, вроде как спешу. Досадую на такую дремучую неблагодарность — сам не раз выручал поселковых — не на шутку приуныл: дело к вечеру, досаждали комары и мошкара. Все, кто прошел вверх по течению, вернулись в поселок.

Поднимаясь от реки к домику, мельком кинув взгляд на тундру, порядком опостылевшую мне за вахту своим далеким, ровным однообразием. Вздохнул и, опустив голову, побрел вверх. Сделал несколько шагов тропкой, выбитой до чавкающей жижи, дегтярного сиплого цвета, подошвами пудовых заколеников, и остановился... Что-то не так. Стоял... Поднял голову, внимательно обвел взглядом окрестности.

В бирюзовой льдистой дымке, миражем сверкающего дорогого металла, повис крашенный серебрянкой вагончик. Ниже, как из другого мира, кровавыми ляпами, шурились кусты тальника. А по щетинистому, за ночь побуревшему, еще вчера сочной зелени длинному осочному спуску, багрово пламенели метелки иван-чая. Потом я заметил и нежную желтизну, ласково обсыпавшую молодой листвой, редко натканный по далекому высокому берегу. Как тихо... Я вздрогнул от далекого, тоскливого, зовущего крика — не привыкну, это бакланы. Такие большие, такие наглые, такие бесцеремонные, а кричат, как уставший от плача, одиночества, маленький ребенок. Кричат или плачут?.. Мой напарник хватается за ружье в таких случаях: не переносит, он слышит по-своему резкие, скрежещущие, своеобразные голоса этих птиц.

— Ну, как серпом по..., — матюгается он, паля одновременно из двух стволов. Потом, плюясь и потирая ушибленное отдачей плечо, оглядывается на меня.

— Ну, чего застыл? Я же не по ним, это не чайки, в этих чертях, наверное, души самых растуды-туды их тещ... — Задумчиво добавил, — если они у них были.

Это он говорил вчера, а сегодня мне обязательно нужно в город. Я горестно вздохнул, смахнул с сердца тягучую грусть и решительно пошагал к домику. И опять остановился, наострил ухо. Издалека выплыл надсадный звук лодочного мотора. Вернулся на берег, с верховья со скоростью черепахи ползла под «Ветерком» лодка. Сидела она так низко, что создавалось впечатление: по зеркальной поверхности самостоятельно скользят две бочки и мужик, как пенек из воды за ними. Даже голосовать не стал: и так по самые борта в воде. Я еще присяду килограмм на сто... Но лодка потихоньку направила нос в мою сторону, и через минут пять я был приглашен занять место на этом носу.

— Куда тебе? — прохрипел старик, оказавшийся тем пенечком.

— На «Факел» нужно.

— До Семеновского...

— Да хоть до Семеновского, — согласился я, — там дойду.

Полулежал, боясь шевельнуться: почти по обрез бортов вода — так загружена была утлая посудина. И, самое удивительное, — тащил движок. Пыхтя, дымя, потихоньку прошли Семеновское, и так, незаметно, подремывая, доползли до «факельского» причала.

— Выходи! — крикнул старик, — толкни.

Отпихивая от берега лодку, успел спросить:

— Как зовут тебя, дед?

— Филимон.

Вот так я познакомился с первым местным жителем Таймыра, ненцем. Потом он частенько навещал меня, несколько раз заходил на точку заправляться топливом, обогреться, попить чайку.. Считал меня своим чуть не лучшим другом и на правах старшего товарища даже пытался эксплуатировать.

Хитрющий, настырный дед. Еще в хорошей силе, плотный, в раскорячку он быстро семенил от лодки к домику: завидев его низкорослую фигуру, я начинал лихорадочно соображать, что прятать в первую очередь. Все, что попадало в поле зрения Филимона, нужное и ненужное, он считал, что лучше бы это находилось у него в чуме, чем у меня в домике, уж он-то бы нашел этому применение... Я

пытался с дедом торговаться: и по-хорошему, и кричал, — бесполезно, себе в убыток, издегаешься только.

Говорю ему:

— Филимон, ты все обещаешь: «я тебя выручу, выручу», ну, привези килограмм пять мяса, надоела рыба.

— Сейчас жарко, лето, нельзя, испортится.

— Не успеет, я его съем, у меня собаки, кошки, помогут.

— Нет, не хорошо. Нельзя, оленей мало, лемминга много. Пусть кормятся.

Как заладит одно и то же... Ну, ладно, думаю.

— Ну, привези рыбки.

— Ты сам ловишь, зачем тебе много!

И так постоянно. А то скажет: «Плохо слышу». Если начнешь наседать на него: «Плохо вижу, болею, совсем старьей».

Как-то в марте, под морозы около пятьдесят, с утра, мимо точки прогрохотал ГАЗ-71, не остановился. Так и просвистел по зимнику, оставив после себя облако снежной пыли, сизого, вонючего дыма и долго не затихающего, оглушительного звона. Минут через двадцать — стук в дверь, открываю — Филимон, в сосульках, в куржаках, с трудом проковылял к столу. Лицо, дубленое ветром, морозами до цвета мореного дуба, посерело, в уголках рта — кровавая короста.

— Раздевайся, — предложил я ему.

Отвечает:

— Не могу, ноги не чувствую. Чай дай!

На третьем чайнике Филимону стало плохо, по-нашему, блевать начал. Ругаясь на чем свет стоит, ухаживал за дедом.

— Нажрался, хрен старый, куда пьешь!

— Не ругайся, — просил он. — Плохо мне!

— Ну, что случилось?

— Дай поесть, потом расскажу.

Пока я собирал на стол, Филимон приободрился, привел свою дубленую рожу в порядок, пару раз чесанул огромными ручищами по лицу. Потом пошивырялся в своих закромах под малицей. Достал чуть отпитуемую бутылку водки.

— Можно? — хитро скосился на меня. — Ног не чувствую, совсем замерз, на реке ночь спал.

— Как спал?! — открыл я рот. — Не может быть, в такой мороз!

— Да, чуть не замерз, ветврач на вездеходе ехал, разбудил, укол сделал тут.

Филимон задрал малицу, ткнул себе в ногу заскоружлым пальцем, показывая, куда его укололи.

— Совсем ног не чувствую. Чуть выпью.

За пьянку я ругал деда, но тут особый случай, кивнул:

— Пей!

Водка робко булькнула в зубастый рот: все зубы у Филимона на месте, как у молодого, хотя ему под семьдесят.

Я смотрел на него, удивляясь и восхищаясь не только им. Нганасаны, долганы, ненцы и все другие, как они живут тут? Зачем, для чего? Не укладывалось в голове, что это такой же человек, как и все мы — волею случая заброшенные в этот суровый край. Смотрел на руки Филимона — огромные, натруженные, перевитые вздутыми венами, какая-то нечеловеческая плоть. Но какие они ловкие, живые; четкие, точные движения, быстро приготовят строганину, мясо — ножом возле губ. Все могут эти с виду чугунные ру-

ки со скрюченными узловатыми пальцами: хоть мотор перебрать своего многострадального «Ветерка», забитого оленья разделать ловко, одним ножом длиннющий хорей, как зубочистку, отшлифовать или без единого гвоздя домик-чум или оленью санку собрать, — у

Опять стрельнул в меня глазами:

— Чуть выпью?..

— Да уж, выпей.

— Вот, вот, ноги уже пошли, чуть-чуть, совсем тепло будет.

— Хитер, — хмыкнул я. — Еще на рюмку меня готовишь.

После третьей стопки дед завел старую песню:

— Дай хлеба!

— А ты зачем на «Факел» ездил?

— Пенсию получал, продукты надо!

— Хорошо, — начинал я горячиться. — Получил деньги?

— Да.

— Где же продукты?

— Магазин закрыт.

— А водку где взял?

— В магазине водки нет.

— Так значит, магазин был открыт?

— Нет, закрыт.

— Тыфу, черт, — ругнулся я, сходил за хлебом.

— Дай картошки.

Принес картошку. И началось: сахар, соль, крупа, спички. Спротивляться и спорить — себе дороже. Всматриваясь в эту щелястую, непроницаемую рожу, думаешь: да чурка он деревянная, ничего не чувствует, ничего не понимает. И очень ошибется тот, кто так подумает. Как опытный шахматный игрок, старик прекрасно владеет ситуацией. Дитя природы или пасынок... Конечно, знаний нашего уровня у него нет, но этого и не требуется. Интуиция, или какое-то другое чувство, нам незнакомое, позволяет ему легко соперничать с представителем цивилизации. Стратег, да и только: никогда не делает резких движений, давит туда, где слабо. Если тут не проходит, меняет направление, потом опять назад, и так — до победы. Начинаю нервничать, возмущаться.

— Почему я должен тебя кормить. У меня самого припасы на исходе.

— Денег дам, — знает ведь, что не возьму, — смотри, сколько!

Достаёт увесистую пачку банкнот, быстро опять прячет под малицу, но я вижу, что это мелочь.

— Богач! — усмехаюсь я. — Место только занимают.

— Да, я богатый!

Филимон любит это слово, среди многочисленных родственников, разбросанных по тундровым поселкам, есть учителя, есть продавцы. Он ими гордится и считает: если богатый, то, значит, и умный. Ну а тут он заявил:

— Учитель умный, очень богатый!

Наверное, он прав. Меня он тоже считает и богатым, и умным, но что ставит на первое место, не знаю, хотя подозреваю. Ведь уступаю ему, а как будешь упорствовать, когда последний аргумент неотразим:

— Мамка клюшкой бьет, вот, смотри — шрам, — дед тыкает пальцем в сморщенную щеку.

Шрам там или борозда морщины, не разберешь. Мать у него слепая, Филимон ее побаивается — и бьет его, это я знаю. Особенно достается сыну, если он придет без продуктов и без вина. Бывало и так, терял он по дороге бесценный подарок. Приходилось наливать деду чекушку в этих случаях: тогда старик особенно был настырен.

По поводу богатства, конечно, я с Филимоном не спорил, куда уж мне. Тундра — огромная, безбрежная, конца и края нет, все — его, все не мое. Он — одиноличный, полновластный хозяин всего, что есть в земле, и всего того, что бегает, прыгает, летает, плавает или растет на его родине. Но в жизни чуть не так.

Однажды, входя в здание почты, я почти столкнулся со стариком, хотел остановить его, но жалкий, растерянный вид ненца так удивил меня, что только и посмотрел ему вслед. Забрав телеграмму, отправился на лодке к себе на точку. По дороге решил: дед, наверное, получил пенсию, маловато, видимо, на выпивку не хватает, вот он и расстроился. Так и быть, встречу его, угощу, кое-что есть, не все проел. И действительно, через пару часов старик постучался в домик. Абсолютно трезвый, какой-то робко пристыженный, даже от чая отказался.

— Что с тобой, Филимон? Приболел?

— Нет. Здоров, — опять молчит, понуро сопит.

— Ну, а что тогда?

— Денег не дали, кушать нечего.

— А мне показалось, вроде что-то в руке держал, пересчитывал.

— На десять пачек сигарет дали. Пять месяцев денег нет, продуктов нет, ничего нет.

В этот раз мы с Филимоном не торговались. Все, что было у меня, загрузил деду в лодку.

Выпить я ему не предложил, да и зачем, мне приятно наблюдать за дедом: как он суетливо, радостно что-то бормоча под нос, поаккуратней укладывал, пристраивал мешочки, кульки с провизией: хлеб, рис, вермишель, картошку, лук, чтоб ничего не подмокло, не рассыпалось.

В отпуск, на материк, я уехал по ранней весне. Заскучал, затосковал по первым запахам, вздохам пробуждающейся от зимнего сна природы родного края. Много хороших мест видел. Весен встретил прекрасных немало. Или здоровье забарахлило, или нервишки сдали, только и сон потерял в неудержимом желании букет надрать с соседского, огрузшего через забор налитыми кистями, до земли, куста сирени... Черемухи белоснежной наломать необъятную охапку... И дышать, дышать ... до обморока.

Ну и дышал. Отпуск за три года. Наелся родного материка так, что на точку примчался аж на месяц раньше. В работу втянулся быстро, заботы, заботы... Спыхватился месяца через три. Спросил у захавших на чай олениводов:

— Где Филимон, куда пропал?

— Замерз Филимон....Водка плохая, сердце. Много людей умирает...

Молодая женщина сосредоточенно прихлебывала чай. К смерти националы, не в пример нам, истинным христианам, относятся достойно, без всяких восхвалений и причинаний. Умер так умер. Вроде крещеные, а какому Богу их души кланяются, я не знаю,

— На второй недель нашли, — откусила хлеб с маслом, — один жил, — помолчала равнодушно, снова отхлебнула

из кружки, осторожно дунув на нее, — еще не старый, крепкий. Один жил... Плохо...

Что-то сказать, спросить у меня не нашлось ни сил, ни слов.

Много лет прошло. Вспоминаю деда с чувством вины, от которого тревожно холодит сердце...

Татьяна БЕГЛЕЦОВА

*Родилась в селе Новоселове Красноярского края.
Закончила Кировский сельхозинститут
по специальности биолог-охотовед. Печаталась
в местной, краевой печати.*

ПРОСТИ МЕНЯ, МОЙ АНГЕЛ...

Рассказ

Женька проснулась с чувством, что это случилось. Внизу живота жадно пульсировало. В течение последних двух недель она еще надеялась, что все обойдется, но теперь поняла, что напрасно.

Начинался обычный день с обычными хлопотами. За окном плыло пасмурное августовское утро, с карниза капала роса, озеро лежало серым студнем. За завтраком она поделилась новостью с мужем. Тот скривил тонкие губы, как будто съел что-то кислое:

— Твои проблемы. Делай, что хочешь, но ребенка быть не должно. И не пудри мне мозги: к тебе прикоснуться невозможно — сразу подхватываешь «воробышка».

Раздраженно оттолкнул кружку, хлопнув дверью, ушел. Через несколько минут послышался звук лодочного мотора, потом, удаляясь, стих.

Женька сидела за неубранным столом, тупо водила пальцем по пролитой на выцветшую клеенку чайной капле: из капли получился человечек, потом разорвался на водянистые куски. Размазала каплю ладошкой: «Он прав, конечно. Куда нам третьего? Этих бы прокормить — и так с хлеба на квас...»

Встала, машинально сгребла посуду в тазик, машинально залила горячей водой, машинально начала мыть. Младшая дочка расставляла разномастные чашки в сушилке. «Куда нам третьего?» — почему-то вертелось в голове, постепенно превращаясь в речитатив. — «Куда нам третьего? Ведь третий — лишний» — почти песня... Грустная...

Наказав детям не отходить от дома далеко, Женька взяла корзинку (сама плела!) и пошла за протоку — брусника уже доходила, наливалась чернотой, багровыми темными гроздьями свисала с замшелых пней. Тугие ягоды звонко застучали в плетеное дно, потом звук стал тише, превратился в шорох, шепот, шелест... И лес шептал, шептал о наступающей осени, о близкой зиме, о неизбежном чем-то. Женька разогнула спину. Одиноким домик кордона маячил голубой крышей среди начинающих желтеть берез. Оттуда доносился приглушенный расстоянием визг девчонок и собачий лай: опять псину донимают, укусит кобель кого, бывало ведь уже — все без толку... Села на поваленную лесину, стала выбирать из корзинки налетевшие туда березовые листочки, мелкие палочки, ольховые шишечки. «Куда нам третьего? — сидело гвоздем в голове. — А что делать? Ждать вертолета? Лететь в город? Когда, во-первых, этот борт будет, да и сам лететь должен — старшую к старикам везти, в

школу... Младшую куда девать? С собой не возьмешь, в больницу не потащишь, оставить не у кого... Ладно. Сама справлюсь. Знаний для этого дела много не надо. Главное — решиться. И ждать нельзя — дальше будет страшнее и больнее... Пока срок небольшой, можно».

Ближе к вечеру затопила баню. Сама пошла как обычно, позже всех — не переносила жару — уже в остывшую. В бане было почти темно, пахло дымом, нагретым деревом, распаренными вениками... Сначала решила помыться. Почему-то подумала: «А вдруг помру: всякое бывает, так уже и обмывать не надо будет...» Помылась, отжала волосы, закрутила в тугий узел на макушке, заколола шпилькой. Постояла, почему-то попыталась рассмотреть свое отражение в темной лужице на полу. Разложила на скамеечке инструменты для предстоящей операции, вздохнула, присела на корточки...

Боль ослепительной чернотой плеснула в мозг, перехватила дыхание. Вцепившись руками в скамейку, Женька с удивлением смотрела, как ее колени, молочно белевшие в банном сумраке, колотились друг о друга в судорожной дрожи. Она попыталась встать, качнулась вперед, лбом врезалась в край стоящего на скамейке тазика — остывшая вода хлестанула по глазам, залила рот, нос. Таз, гремя и расплескивая остатки воды, долго крутился на полу. Наконец, дребезжа, остановился. Женька сидела на корточках, держась за скамейку. Боль постепенно становилась тише, глуше. Она снова попыталась встать. Удалось, только распрямить спину не могла — боль скрутила живот в тугий узел. Холодная дрожь колотила уже все тело. Равнодушно подумала: «Остыла баня». Натянула халат, держась за косяк, осторожно всунула ноги в тапочки, надавила на дверь. Дверь не подалась. Женька удивилась, надавила сильнее, дверь скрипнула, боль снова сложила ее пополам так, что она едва удержалась на ногах. «Так и надо тебе, сука, — подумала она, — пусть сильнее болит, так и надо, плати за грехи...»

Дома семейство пило чай. Розовые, намытые, с уже высохшими головками, девчонки мазали вчерашние плюшки свежим брусничным вареньем, шмыгали носами над горячими кружками... Женька молча прошла мимо них. Стараясь не привлечь внимание, разобрала постель, постелила клеенку, сверху пеленку и легла, отвернувшись к стене.

Вскоре и девчонки угомонились, засопели в своих кроватях. Муж пришел позже, вяло спросил: «Спишь?» Не ответила. Захрапел — он всегда засыпал быстро... Женька лежала на боку, подогнув колени. Боль накачивала схватками — мучительными, долгими; тошнотворными красными кругами плыла перед глазами. «Так и надо, так тебе и надо... Пусть будет больнее, как можно больнее... Может, сдохнешь, сука... сука... сука...» — стучало в голове. Будильник шелкал, разрубая на куски бесконечную ночь. Женька почувствовала, что отлежала правую руку, попробовала перевернуться на спину — что-то горячее, скользкое, хлопнув, вылилось из нее, она оказалась в горячей луже. «Все», — подумала Женька. Полежала еще немного, осторожно отложила одеяло в сторону, потихонечку, чтобы не разбудить мужа, встала на кровати на четвереньки. Завернула края пеленки с чернеющим на ней и остро пахнущим горячей кровью пятном, спустилась с кровати, вышла на кухню. Кровь струйками текла по ногам, но боль прошла, только озноб все еще накачивал волнами... Женька привела себя в порядок, переделалась. За окном уже светлело, моросил дождик, туман полз сквозь бурные кусты. Женька затопила печь, поставила чайник. Когда разгорелись дрова, бросила в огонь кровавый сверток, быстро закрыла дверцу, отвернулась к неубранному после вечернего чаепития столу...

...Женька лежит на столе. Это родовая. Врачей она не видит, только слышит короткий металлический лязг инструментов, негромкий разговор. Она рожает. Сладостная, тянущая, неотвратимая боль. Женька чувствует, как выходят головка ребенка, вслед за ней — плечики, как выскальзывают тельце, ножки... Восторг, неповторимый, неопишутый восторг... «Девочка, — говорит кто-то нараспев, — хорошенькая такая, славенькая...» Голоса стихают, стихает звон инструментов, чуть скрипнув, закрывается дверь. Женька долго лежит в тишине, прислушиваясь к ощущению пустоты внутри, потом поворачивает голову, осматривает родовую. Странные стены. Беленые, но почему-то цвета старого, застиранного белья, темно-зеленые панели в завитках отслоившейся краски, мокрый бетонный пол. Никого. «Где ребенок?» — думает Женька. Она садится, нащупывает босыми ногами скамеечку, спускается со стола. Холод мокрого пола. Неровный бетон. Лужицы. Низкая дверь. Серая. Скользкая. Женька выходит в коридор. Такие же мрачные, в завитках краски, стены, серый потолок, мокрый бетонный пол... В конце коридора, на фоне мутного окна какие-то серые тени в длинных халатах. Еще одна дверь — еще один коридор, серые тени... И еще дверь — коридор — тени... «Где ребенок?» Женька решает вернуться — двери и коридоры с тенями размножились, как во сне... Во сне...

Женька села на кровати. Сон. Всего лишь сон. Но этот восторг, эта радость — не просто так. Сердце колотится. В теле легкость такая... Женька осмотрелась по сторонам: девочка, может, она все-таки здесь? Нет. Сон. Он закончился. Женька вытащила из-под стопки бумаг на полке свою записную книжку, такую, какая есть у любой женщины. Отыскала пометку "за август: «Сейчас конец апреля. Август, сентябрь...», апрель — девятый месяц. Господи! Она все-таки родилась! Девочка... Надо же... Родилась...»

Февральская ночь качала снега над Таймыром. Февральская ночь пела городу колыбельные песни. Он затих

под черным ее одеялом. Женьке долго не спалось. Она прислушивалась к свисту ветра за окном, к каплям, изредка ударяющим в чайную чашку, забытую в кухонной раковине. Крутилась с боку на бок одна на двуспальной постели — кордон остался в далеком прошлом, муж давно ушел к другой, лучше нашел... Бог с ним... Впрочем, чего на судьбу жаловаться — квартира в городе есть, девчонки растут умненькими, здоровенькими; работа, зарплата, любимый мужчина — позабавить можно. Все нормально, а муж — дело наживное, образуется...

Женька сидит на пенке посреди огромной поляны, от края до края заросшей ромашками. Летний, просвеченный золотом день, звон насекомых в траве, душистый, почти неслышимый ветер... В белом прозрачном платьишке, походящая на летнее облачко, к Женьке бежит девочка лет пяти, шлепается на колени, ручонкой обнимает за шею. Девочка недавно купалась. Ее длинные русые волосы намочили. Жарко. Волосы подсыхают. От них пахнет речной свежестью и чем-то неповторимым, чем всегда пахнут детские волосы... Загорелые ручки в легких светлых царапинках — девочка собирала землянику в кустах на опушке. Загар на сгибе локтя темнее, тончайшие волоски золотятся над смуглой кожей. Кожа после купания прохладная, но сквозь нее чувствуется жар, тепло живого, легкого тела. Девочка соскальзывает с женькиных колен, подсохшие волосы ленивый летний ветер превращает в нимб, волосы на руках светятся ореолом. Белое платьице плывет облаком вдаль, сливается с ромашковым дымом поляны...

Лютая февральская ночь. Колючий снег скребется в окно дикой кошкой. Сон исчез. Одна в широкой постели. Одна? А этот запах? Запах свежей травы, горячего детского тела, неповторимый запах влажных волос — он еще висит в комнате. Она здесь, со мной! Где-то рядом девочка моя... Ангел мой... Ангел...

Маргарита БОЯРСКАЯ

*Родилась в Енисейске, выросла в Дудинке.
Закончила Ленинградский пединститут имени
Герцена. В 1998 году вышла книга рассказов
«Веры тонкая свеча».*

Посвящается моей сестре Альбине

КУКЛА

Рассказ

*Когда станешь взрослым,
не презирай мечты своей юности.
Испанская поговорка*

Мир для Альки делился на голубой и розовый. В свои десять лет успела она сгустить краски времени, но голубой цвет верности и нежности несла в сердце, никого не допуская в свой тайный мир, оберегая и боясь, что кто-нибудь нечаянно подсмотрит его. В большие голубые глаза любил глядеть отец, любовно называя ее «чалдонкой».

Тихая, неразговорчивая, на далекой фактории на речке поймала хариуса руками и молча отдала матери. Мечтала она о говорящей рыбе, и лес умел разговаривать с Алькой, а вера в говорящий цветок и в птицу-вещунью не покидала ее. Подетски осуждала она кукушку как неверную мать, но, сжав сердце в комочек, замирала, сбиваясь, считая положенные ей годы счастья, обещанные непутевой птицей.

Куры доверяли Альке. Собирала яйца в подол платья из гнезд, о которых только она знала. С курами говорила ласково, и даже зловредная Пеструшка, клевавшая свои яйца, всегда ошипанная сородичами и потому, по мнению Альки, самая умная, склонив голову, косила на девочку желтым взглядом. Алька жалела ее, и корм отсыпала отдельно.

Любила Алька сидеть, затаившись, у муравьиной кучи. Чем-то муравьи напоминали ей людей, суетившихся в своей бестолковости. Но, взглядевшись, их заботами можно было жить часами. Наверное, они, аккуратные и подтянутые, осуждали Альку за безделье и все же любопытства ради заползали на голые колени и цветное платье, ища для себя работы. Алька соломинкой с осторожностью осаживала их, стараясь не повредить.

И вдруг мир резко стал тревожно-синим. Усилием воли Алька не допускала черноты красок. Отца обвинили за острое слово, связанное с ежовщиной, и увезли неизвестно куда. Семья покинула уютную факторию и переехала в Енисейск — город юности матери. Беззаботное детство кончилось в медвежьем углу, и розовый цвет комочком свернулся в изболевшем сердце, но до поры-времени хранился и оберегался в памяти.

Этот свет вспыхнул и разлился внезапно с рождением девочки, которую никто не ждал. Девочку принесли из роддома утром, оставив розовый сверток на попечение Альки. Сбежав от трудностей, ушла в общежитие старшая сестра. Младшая, бойкая не по годам, ходила к богатым родственникам, где мыла посуду, полы и потому питалась лучше остальных членов семьи.

Алька не любила чужие дома. Копаясь в огороде, вспоминала свой медвежий угол с чудесными радужными красками. А розовый комочек с голубыми глазами кричал, ворочался в большой бельевой корзине, и не верилось, что он называется сестренкой. Вечером мать свернула бумажные трубочки с написанными именами. Тянуть их должны были по очереди, но Алька заупрямилась:

— Вас никогда дома нет, потому, как хочу, так назову.

Домашние подивились твердости молчаливой и сдержанной Альки, махнули рукой: «Не все ли равно, как назвать малютку?» — и разбежались по своим делам. Алька ребенка нарекла Маргариткой, в честь своей задушевной подружки, а может, в честь незамысловатого цветка. Связав вольную жизнь с этим розовым комочком, она, не осознавая того, создавала для нее палитру радужных красок. Даже в стылую пору, в белую-белую пургу, когда несла сестренку в ясли, думала о доме, о вечере, о жаркой печурке, огненно-рыжем пламени, причудливо извивающемся пепле в пылающих поленьях.

Медленно тянется время, но длинна сказка под треск весело горящих березовых чурочек, яркое пламя высвечивает в темноте длинные ее космы, и они отбрасывают причудливую тень на стене. И сама Алька, уже задумавшись, уставясь на магический огонь, рассказывая в лицах о коте в сапогах, механически мяукала:

— Мяу-мяу-мяу...

— Ну се лазмявкалась? Дальсе асказывай!

Очнувшись, Алька быстро заканчивает сказку — не любит, когда ее одергивают. И начинается новый сказ сквозь думы, как выбранная семьей небедная крестная отказалась от Алькиной любимицы, и теперь сестренка не будет иметь хороших подарков. Богатая выбрала себе богатую крестницу-

В десять лет Алька уже сгущала и разбавляла краски, как старушонка, прикидывая, прибрассывая и сравнивая известное с неизвестным.

Заметила Алька, каким голубым светом загорались глаза сестренки при виде кукол у соседских девчонок. Сама Алька в куклы играть не любила.

«Попроси куклу у отца, когда придет», — и подтолкнула сестренку при встрече с отцом, шепнув: «Кукла!»

И запомнился в жизни тот последний раз, когда отец обманул дочь, пообещав подарить куклу, но, видно, у взрослых свои дела, и они забывают обещанное. Глаза отца, темные и строгие, приснились ей ночью. Черной тенью стоял он у кровати, но куклы не принес.

— Да вовсе это не отец был, а добрый волшебник, — уверяла Алька, собирая сестренку в садик.

Алька вранья не допускала, и Ритка ее побаивалась. С этого дня Алька недосыпала. Следила, чтобы сестренку не украли: мало ли кто там стоял у кровати?

Не зря разливалась цветная палитра Алькиных красок. Ритка росла впечатлительной. Подслушанное слово, звук поглощала с открытым ртом, в удобный момент доставая нужное из памяти. Мир сказок впечатал в ее детскую голову рассказ о белой курице, бросившейся матери под ноги. Ритка решила, что это колдунья, а соседская бабка сказала матери:

— Ой, девка, это к перемене судьбы!

Так ли, курица ли, как потом выяснилось, оказалась незрячей, а только собрала мать детей и уехала на Север, в Дудинку. Теперь, уже холодный, снова плескался у ног Енисей. Тревожные гудки собирали жителей на общий праздник — ледоход. Карбакались ребятишки, самые отважные, на вершины громоздящихся голубых и зеленых ледяных пластов. Вздрыбленные громады ползли на деревянные подмостки, где гнездились почти игрушечные домики-фанзы, прозванные в шутку «Шанхаем». И треск рассыпающихся в крошево льдин наводил ужас на жителей района. Тревожные гудки дополняли страх, и все же было ожидание какой-то надежды...

Полубился этот северный город. Среди серых деревянных зданий выделялась экзотическим названием «Крыша Парижа», с многочисленными каморками дверей и окон, с магазином и складами. Спустившись от «Крыши» вниз по берегу, можно было быстро дойти до пристани.

Традиция жителей встречать первый пароход была неизменной. Смешно смотреть на пассажиров, приехавших из весеннего Красноярска, как они в босоножках и летних платьях, виновато улыбаясь, сходили на лед. Ритка всегда их жалела. Но никому не выдавала своего секрета Ритка, почему встречает пароход: среди пассажиров обязательно были девочки, несущие красивых кукол...

В Дудинке отвела Алька сестренку в школу. И потом уже, выбирая путь до школы, ребятишки неизменно проходили через базар, толкаясь между рядами лавок. Базар покупал, обманывал, торговал. Внимание приковывали ярко-багровые ранетки-яблочки, привозимые из Красноярска, и закутанные бабы, торговавшие конфетами по шутке. Вкусно причмокивая, приговаривали: «Сам бы ел, да деньги надо».

Среди горы тряпок возвышался с хрустящей корочкой черный хлеб. Но денег не было, и, потолкавшись среди рядов, шли в школу ребятишки.

Однажды, снуя среди пестрых тряпок, снеси, кричащих торговков, Ритка увидела красивую куклу. Она величаво восседала на прилавке, будто стесняясь этой разномастной толпы. Тугие белые косички завершались голубыми бантиками. Шелковое платье в красный горошек окаймляли кружева. Оранжево-красные губы доверчиво улыбались. От случайных толчков прилавка реснички вздрагивали, и казалось, что глаза моргали. Неуверенно Ритка подошла к прилавку:

— Сколько стоит?

— Сто, — равнодушно ответила баба, не взглянув на девочку.

Уже подружка тербит за рукав Ритку, а та не может глаз отвести от куклы.

— Ну же, опаздываем!

— Да подожди!

Знает Ритка, что куклу все равно не купят: кукла — сто и булка хлеба — сто. А как она хочет играть с этой куклой!

Вечером подкралась к матери, сидящей у раскрытой дверцы печи. Темно, уютно, тени бегают по стене, щеки матери порозовели от жара. Может, сейчас она в хорошем настроении? Потерлась щекой, ласкаясь.

— Что, двойку получила? Или заболела? — мать тревожно прикладывает руку ко лбу.

— Нет, мамуленька, купи куклу. Сто рублей стоит.

Мать застыла с поднятой рукой:

— Бог с тобой, дочка. Посмотри на Альку. Не юбка, а решето. Девчатам на учебу денег выслать... Не-е-ет...

Молчала Алька, опустив глаза. Поднявшись, мать пошла что-то перешивать. Молча Алька ушла в свой угол комнаты.

А Ритка дала клятву, что, став взрослой, обязательно купит себе такую куклу. Ночью ей снилась эта красавица, которая обратилась в многоцветную бабочку. Ритка долго за ней гонялась, но бабочка на глазах меняла цвета, и откуда было Ритке знать, что цветные сны бывают только у впечатлительных людей. А может, виновата Алька с ее многоцветным чувством?

— Ох и дрыгаешься ты! На-ко! — стоит Алька у постели и протягивает сшитую ночью куклу. Нос, глаза, брови, губы нарисованы чернилами. Вместо рук-ног — тряпичные трубочки. И кукла-то выгодная: из любого лоскутка можно платье сшить. И новорожденную назвали Катериной. С блестящими глазами Ритка побежала в школу, а там подружка:

— Вчера я упростила папу купить мне ту куклу. Помнишь? Приходи вечером поиграть.

— Нет, не приду. У меня Катерина больна.

И сделала вид, что внимательно наблюдает за Сашкой, который, лихо изворачиваясь всем телом, стоя на одной ноге, подбрасывал другой зоску — кусочек свинца с подклеенным к нему маленьким кусочком заячьей шкурки. Зоска плавно взлетала, а пятка, носок, шиколотка отбивали ровные такты о свинец. Сашка ловкач по игре в зоску. Но, расширяя глаза, Ритка сейчас смотрела на него, чтобы не заплакать.

Уроки тянулись медленно. Наконец, придя домой, она внимательно рассмотрела свою куклу. Вспомнив базарную, всплакнула. Слеза капнула на чернильные глаза Катерины, отчего темное пятно начало расплываться. Поспешно стирая слезу с лица куклы, мазала его еще больше. На громкие теперь уже всхлипывания прибежала Алька. Заглянула через плечо сестренки, обняла:

— У тебя от сырости плесень может вырасти (стишки такие, знакомые с детства).

Алька, быстро подшив лоскуток под ватные волосы куклы, снова нарисовала на нем глаза, брови, губы. Но теперь выражение поменялось, и на Ритку смотрела совсем другая кукла. Прежнюю растрепушку она любила больше. Молча Ритка убрала ее в коробку и долго не доставала. Прошло много лет. Давно закончена игра в куклы. Волею судьбы родился сын. Пушки и машины вытеснили мысли о куклах. Но однажды, понаблюдав, как маленькие мамы любовно выбирают кукол-дочек, не выдержала и купила куклу себе. И не потому, что дала клятву, а чем-то отдаленно напомнила она ей тудалекую, недоступную красавицу. Попадет ли она в любимицы еще далеко не родившейся внучки? Вряд ли. Имея много, не поймешь малого. А кукла Галка застенчиво улыбается, как бы говоря: «Кто поймет мою доверчивую улыбку, будет счастлив всю жизнь».

Что из того, что цветок-мечта так поздно расцвел? Это о нем пела Алька своим тоненьким детским голоском, а она знала толк в цветах.

Елизавета БАРСУКОВА

Родилась во Владикавказе. По образованию инженер-строитель. С 1985 года живет и работает в Дудинке. В 1999 году вышла ее книга «Прощальная симфония».

ПРОЩАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ*

Повесть

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

2

1

— Кирилл, здравствуй. Подожди. Ведь я вижу тебя! Но почему?

— Потому, что ты умерла.

Мария повернулась и посмотрела на кровать. Там лежала старая женщина, лицо ее светилось улыбкой.

— Это мое тело?!

— Да. Идем отсюда. Тебе не надо на это смотреть.

Мария внимательно смотрела на свое тело. Потом наклонилась над ним, провела рукой по лицу, волосам и поцеловала его. В комнату вошла Диана.

— Пойдем, уже все, — Кирилл взял Марию за руку и вывел из дома.

Они молча шли по улице, то ли не зная, о чем говорить, то ли боясь нарушить тишину.

Город еще спал. Мягкий ковер листьев, опавших за ночь, устилал их путь. Солнечные лучи играли в стеклах витрин. Проходя мимо одной из них, Мария остановилась и в изумлении, не в силах произнести ни слова, пальцем указала на отражение в стекле.

— Это ты, ты и я, — Кирилл крепче сжал ее руку.

— Но ведь это молодая женщина! Она очень похожа на меня, но...

— Привыкай, теперь ты всегда будешь такой. Они еще долго стояли у витрины и смотрели друг на друга. Уже появились первые прохожие, которые шли мимо них, порой даже задевая, но не замечая.

— Пойдем в парк, на нашу скамейку, — вместе сказали они и, посмотрев друг другу в глаза, не спеша направились дальше.

Город начинал свой обычный день.

Не раз Мария вместе с Кириллом возвращалась в свой дом, где теперь жили Егор с Мариной и сыном Коленкой.

Не раз Диана ощущала на своей руке чье-то нежное прикосновение.

— Подожди. Прежде чем что-то сделать, надо все хорошо обдумать и взвесить. — Мария проводила взглядом голубей, выпорхнувших из-под ног прошедшего мимо мужчины. — Такие вопросы сразу не решаются.

— Как сразу? Мы уже несколько лет ищем подходящий случай. И вот когда я его, можно сказать, нашел, ты не хочешь даже сходить и посмотреть. Мы можем какое-то время пожить и в одном, и в другом доме, присмотреться.

— Опять ты все решаешь сам. Не забывай, я старше тебя, ты должен с этим считаться.

— Ну началось: старше, старше! Посмотри на себя, ты — девчонка рядом со мной!

— Я — женщина! А женщина всегда выглядит моложе и красивее мужчины. Возраст здесь не играет роли, — Мария взяла Кирилла под руку. — Ну ладно, пойдем. А это далеко, может, лучше возьмем такси?

— И ты скажешь, куда тебя везти, да?

— А зачем что-то говорить, ты же умеешь водить машину?

— Ты, как всегда, права.

— Только давай сначала зайдем в универмаг.

— Нет, это надолго. Я тебя знаю.

— Ну пожалуйста, мне это так нравится.

— Уговорила, только...

Мария не дала ему договорить.

— Я буду вести себя очень хорошо, обещаю.

Они перешли на другую сторону улицы, завернули за угол. Прошли сквер.

— Ничего не получится. Он открыт.

Мария посмотрела на большие часы над входом.

— Перерыв через десять минут. Пойдем.

Они поднялись на третий этаж «Все для женщин» — Мария могла бродить здесь часами. Посетители уже расходились, и все залы опустели. Мария блаженствовала. Она рассматривала витрины, потрогала почти все платья, кружилась перед зеркалами, примеряя шляпки, бижутерию, накинула кружевной пеньюар. Кирилл издали наблюдал за ней.

* Продолжение. Начало в альманахе «Полярное сияние» за 1999 г.

— Как же я тебя люблю, девочка моя!

— Ты что-то сказал?

— Да. Нам пора идти.

В другой стороне зала слышались голоса.

— Жаль! — со вздохом сказала Мария, вложила в руку манекена изящный веер и направилась к выходу.

На стоянке такси они сели в свободную машину, которая тут же помчалась вперед. Ошеломленный водитель беспомощно глотал воздух открытым ртом, глаза его были полны испуга. Машина неслась в сторону дачного городка. Заскрипели тормоза, и «Волга» остановилась также неожиданно, как и сорвалась с места.

— Спасибо, друг, — засмеялся Кирилл и похлопал водителя по плечу.

Тот перевел дыхание, пожалуй, впервые за всю дорогу, дрожащей рукой достал из кармана носовой платок и стал вытирать ручьями бежавший по лицу пот. Он еще долго сидел неподвижно, откинувшись на спинку сидения, глядя вперед ничего не понимавшими и ничего не видящими глазами. Поймет ли он когда-нибудь, что это было?

А Мария и Кирилл вышли из машины и не спеша направились туда, где их ждали, сами того не зная, две молодые женщины, которые в скором времени собирались стать мамами.

— А почему ты решил, что это подходящий вариант?

— Ну, во-первых, это очень приятные люди. Один из них пианист, другой архитектор, работает сейчас над каким-то грандиозным проектом. Правда, кто у них жены, я имею в виду по специальности, я еще не понял. Но они очень красивые и привлекательные женщины.

— В этом-то ты толк знаешь, — Мария лукаво посмотрела на спутника.

— Во-вторых, — продолжал Кирилл, — и заметь, это очень важно, они дружат и соседствуют не только здесь, но и в городе.

— Это все хорошо. А вдруг у них у обеих будут мальчики или девочки?

— Исключено. На днях мы были в больнице, нас возил Олег. Я не помню, как называется эта процедура, в общем, определили пол детей. У одной будет мальчик, у Ларисы, а у Ани — девочка.

— Эта процедура называется УЗИ. Ты все знаешь. И кто чем занимается, и кого как зовут. Кстати, меня не устраивает отчество «Олеговна», не звучит.

Вдруг Мария остановилась и укоризненно посмотрела на Кирилла.

— Подожди! Я тебя правильно поняла? Ты заходил в кабинет и все видел? — В голосе ее звучало неподдельное возмущение. — Бессовестный! Как ты мог воспользоваться тем, что тебя не видят?! Это же неприлично! Ну и наклонности!

— А как, по-твоему, я мог узнать иначе? Спросить их?

— Мог бы дожидаться, когда они сами расскажут мужьям.

— Но я не могу быть одновременно в двух или трех местах!

— Все равно, это неприлично, — ворчала Мария.

Кирилл перебил ее:

— Вот мы и дома.

Они вошли в сад. У самой калитки справа и слева от дороги, ведущей к дому, рос виноград. Его лозы поднимались вверх по деревянным стойкам и переплетались там между собой, образуя арку. Вдоль забора живой изгородью росла малина.

Сад был небольшой. Несколько фруктовых деревьев, куст сирени, жасмина и много цветов, высаженных в клумбы разной формы: круглой, квадратной, в форме ромба и такой, очертание которой не подходило под какое-либо определение. Посыпанные мелким щебнем дорожки, ленточками пролегающие между деревьями и клумбами, казалось, делили сад на островки. Одна из них вела к беседке, увитой плющом.

В беседке сидела молодая женщина. Она что-то шила и тихонько напевала.

— Кто это?

— Аннушка. У нее очень красивый голос. Вечерами, когда все собираются вместе, Борис играет, а они с Ларисой поют.

Мария вошла в беседку, села напротив Анны и стала внимательно ее разглядывать. Густые, черные, как смоль, волосы собраны узлом на затылке. Большие миндалевидные глаза, длинные густые ресницы, матовый цвет лица.

— А она красивая!

— Я же тебе говорил!

Мария подошла к Анне, положила руку ей на живот. Анна почувствовала, как малыш заворочался.

— Какая же ты драчунья! — сказала она, поглаживая живот. — Успокойся, маленькая, успокойся!

— Это она со мной здороваётся, — засмеялась Мария.

— Вот и Лариса идет.

К беседке приближалась рыжеволосая женщина с голубыми глазами. Смуглое от загара лицо светилось улыбкой. Походка у нее была легкая, но неторопливая.

Анна увидела подругу и пошла ей навстречу.

— Смотри, что я принесла, — Лариса протянула тарелку с вишней.

— Опять лазила на дерево! Ну, Лариска, ты допрыгаться!

— Я осторожно! Со стремянки. Мне надо больше двигаться. Вон как раздобрела, смотреть страшно, — Лариса со смехом покружилась на месте. — Это ты у нас былинкой была, былинкой и осталась.

— Это я-то былинка? Вишни мыла?

— Конечно, ешь.

— Мне надо походить. Что-то маленькая очень дерется.

— Терпи. Думаешь, мне меньше достается? Пойдем к воде.

Кирилл сел рядом с Марией, обнял ее.

— Тебе здесь нравится?

— Очень. А они обе красивые и, мне кажется, очень добрые. Это видно по глазам.

Мария взяла распашонку, оставленную Анной на столике.

— Посмотри, какая прелесть. Это для меня, — она громко рассмеялась.

— Пойдем. Я покажу тебе дом.

— А где дом Ларисы?

— Вон тот, за оградой. Там есть маленькая калитка, чтобы не обходить кругом и не прыгать. Хочешь, пойдем в тот сад?

— А куда пошли наши мамы?

— К пруду, он за домами.

— Пойдем туда.

В зеркальной глади пруда отражалось заходящее солнце. На плавающих листьях кувшинок безмятежно расположились лягушки, переговариваясь между собой. Пестрокрылые бабочки кружили у воды, показывая миру свое великолепие. Из леса за прудом доносилось пение птиц.

На скамейке, на берегу пруда, в тени старого клена сидели Лариса с Анной. На тарелке остались лишь косточки от вишен. ...

— Ну до этого надо еще дожить.

— Не успеешь оглянуться, как у них появятся кавалеры да барышни. Костя твой уже в десятом классе, а давно ли мы бегали играть с ним после лекций?

— Чужие дети, Лариса, быстро растут.

— А помнишь, как ты уговаривала его называть тебя мамой?

— А он соглашался на это только за конфеты. Да, племянник у меня всегда был с характером.

— Ая, Аннушка, оптимистка. Я уверена, что все будет, как я запланировала. И, если врачи не ошибаются, мы с тобой еще породнимся!

— Ну и фантазерка ты!

Мария с Кириллом слушали их и смеялись вместе с ними.

— Давай оставим их, пусть поговорят.

Мария взяла Кирилла за руку, и они отошли от женщин, сели на траву и молча сидели, прижавшись друг к другу.

— Расскажи мне, о чем ты думаешь, родная?

— Я очень тебя люблю.

— Я тоже люблю тебя, — Кирилл крепче обнял Марию и поцеловал.

Они еще долго сидели так, слушая пение птиц, плеск воды.

— Вот вы где, — к скамейке подошел высокий, несколько полноватый мужчина в очках в роговой оправе.

— Это Олег, Аннушкин муж.

— Пойдем поближе, я хочу рассмотреть его.

— Неужели уже так поздно?

— Нет, это я рано вернулся, — Олег поцеловал жену. — Можете меня поздравить. Макет закончен. Послезавтра сдаю комиссии.

— Поздравляем! Есть хочешь?

— Не то слово. Я голоден, как волк.

— А Борис почему с тобой не приехал?

— Твой муж, Лариса, решил остаться в городе, — нарочито серьезно сказал Олег, но сквозь стекла очков смеялись карие глаза. — У него там важное мероприятие.

— Интересно, что же это за мероприятие, из-за которого он решил не приезжать? — в голосе Ларисы чувствовалась обида.

— На вечер назначена репетиция с оркестром. Через десять дней концерт.

— Не может быть! Ведь он говорил, что концерт через три недели, — обида в голосе Ларисы сменилась волнением. — Он же не готов.

— Вот почему и остался. А забота о тебе поручена мне. Тем более, что завтра я свободен и полностью в вашем распоряжении.

— Ну ладно, пойдемте есть, — Анна поднялась, беря тарелку с косточками. — Ничего страшного, Лариса, поочуешь у нас.

Олег взял женщин под руки, и все пятеро направились в дом.

3

— Я очень хочу поехать с Олегом, но мне не хочется оставлять мам одних.

— Мы же вечером вернемся.

— А они целый день будут одни.

— Уверяю тебя, никто не заметит нашего отсутствия.

— Ты опять смеешься!

На крыльце дома появились Анна с Олегом.

— Ну решай, мы едем или нет?

Олег попрощался с Анной и направился к машине.

— Я сейчас.

Мария подбежала к Анне, поцеловала ее в щеку, шепнула: «Не скучай!», и через минуту они ехали в город.

Посередине зала, в котором было много народа, на большом круглом столе стоял макет цирка, выполненный в форме черепахи.

— Как красиво! — Мария обошла вокруг стола. — Я никогда не видела ничего подобного!

Широкая полоса из оргстекла, за которой виден круглый зал, отделенный от стекла коридором, делила панцирь «черепахи» на две половины. Через открытые двери зала видна арена. Сверху на панцире «черепахи» из тонких стеклянных трубочек вывеска «ц и р к». К голове «черепахи», на которой из таких же трубочек выведено слово «касса», ведет лестница с широкими деревянными перилами. Вокруг «черепахи» сквер, со скамейками, газонами, деревьями, фонарями на высоких столбах.

Когда Олег нажал кнопку на столе, «цирк» и «касса» загорелись неоновым светом, арена осветилась, зажглись фонари в сквере. Мария, как ребенок, запрыгала и захлопала в ладоши.

Олег «озвучил» макет и перешел к чертежам, развешенным на стене. Он рассказал о конструкциях проекта, материалах, из которых они должны быть выполнены, вместимости зала и прочих деталях.

Собравшиеся внимательно слушали его. Потом посыпались вопросы, начались споры, обсуждения.

Улучив момент, когда ей показалось, что никто этого не заметит, Мария переставила машинки, стоявшие на «стоянке», пересадила человечка с одной скамейки на другую.

— Не хулигань! — Кирилл протянул руку, чтобы посадить человечка на место, но в это время к столу подошли двое мужчин.

— Каково ваше мнение, Владимир Андреевич? — обратился молодой человек к пожилому, несколько ссутулившемуся архитектору.

— Очень недурно, очень. — Владимир Андреевич поднял машинку, опрокинувшуюся набок. — Я буду рекомендовать комиссии принять проект в целом. — Он прокатил машинку перед цирком и поставил на стоянку. — Отличная работа, мой молодой друг. Великолепная!

В зал вошли девушки, держа в руках подносы с фужерами. Молодые люди открывали шампанское. Собравшиеся оживились.

Олег принимал поздравления. К нему подходили коллеги, члены комиссии, друзья.

— Поздравляю! Рад за тебя!

— Борис! Ты давно здесь? — Олег пожал руку друга. — Спасибо!

К Олегу подошла девушка с бокалами шампанского на подносе.

— Благодарю. Давай выпьем за твой успех.

— Надеюсь, что это так. Жалко, Лариса с Анютой сейчас не с нами.

— Ничего, построишь цирк, и они будут водить туда наших детей.

— Твоими устами да мед пить! — засмеялся Олег.

Друзья чокнулись и осушили бокалы до дна.

4

Они пошли вдоль пруда, обогнули его и через несколько минут вошли в лес.

Первые солнечные лучи пробивались сквозь чащу деревьев. В эти утренние часы земля особенно пахнет свежестью, деревья, сбросив с себя оцепенение ночи, весело шелестят листвой.

Мария с Кириллом долго бродили по лесу, любуясь его сказочной красотой. Рыжая белка прыгала с ветки на ветку, стряхивая с них капельки росы. Красногрудый дятел усердно долбил кору на верхушке сосны, под которой среди травы краснела земляника. Дикие пчелы, обосновавшиеся в дупле сухого дерева, с гулом вылетали из него, направляясь на цветочные поляны.

— Пойдем домой. Нам надо вернуться, пока наши еще спят. — Кирилл загадочно посмотрел на Марию. — У меня идея!

— Какая?

— Сейчас узнаешь.

Они вышли из леса. Перед ними расстилась ромашковая скатерть с разбросанными по ней кустиками колокольчиков, от темно-синего до небесно-голубого цвета.

— Давай нарвем цветов для наших мам.

Кирилл рвал цветы и отдавал их Марии. А она складывала их в букет и отрывала при этом лепестки у ромашки, повторяя:

— Любит — не любит, любит — не любит...

Когда остался последний лепесток, она засмеялась и выбросила стебель.

— Что у тебя получилось?

— Это мой секрет.

Несколько ребятшек удили в пруду рыбу.

— Спрячь цветы, а то дети испугаются.

Мария спрятала букет за спину.

— Да нет, — засмеялся Кирилл. — Опусти его к земле. Вот так и иди теперь.

Мария, присев на корточки, прошла мимо рыбаков, пряча цветы в траве, а когда скрылась из поля зрения детей, побежала к дому, оглядываясь по сторонам.

Войдя на кухню, Анна взяла букет, прижала его к губам, вдыхая нежный аромат, и поставила в вазу.

— Когда же он успел их нарвать?

Как обычно, утром Олег отвозил Бориса в город.

— Ларисе очень понравились цветы, которые ты принес, — сказал Борис, садясь в машину.

Олег посмотрел на приятеля. «Но я этого не делал. А откуда цветы у моей жены?» А вслух он произнес:

— Я рад.

5

Лариса отложила книгу, тихонько, чтобы не разбудить подругу, прошла на кухню. Включила чайник, достала из холодильника масло и ветчину, приготовила бутерброды. Последнее время она постоянно хотела есть. Ожидая, пока закипит чайник, она съела бутерброд и закусила гроздью винограда.

— Ты опять ешь, — на кухню вошла Анна. Она пыталась улыбаться. На усталом бледном лице ярко вырисовывались синяки под глазами. — Не надо было разрешать мне так долго спать.

— Это после бессонной-то ночи? Тебе надо поесть.

— Не хочу. Я выпью чай с молоком.

— И с бутербродом. Как ты себя чувствуешь?

— Голова болит. — Анна виновато посмотрела на подругу. — Испортила я вам праздник. Все-таки тебе надо было поехать.

— Неужели ты думала, что я оставлю тебя одну? Сыграет Борис концерт и без меня.

Анна с неохотой съела бутерброд, отщипнула от грозди винограда несколько ягод.

— Что бы я без тебя делала? — в голосе слышались любовь и благодарность. — Хорошая ты у меня!

— А ты почаще говори об этом моему мужу, — рассмеялась Лариса. — А теперь — гулять.

Они вышли в сад. Вечер был прохладный, в воздухе чувствовалось приближение дождя. Лариса заботливо поправила шаль на плечах Анны.

— Мне очень нравится, как они друг к другу относятся, — задумчиво произнесла Мария, провожая взглядом уходящих по дорожке женщин. — Порой мне кажется, что они сестры.

— Анна — старшая, Лариса — младшая.

— Ты прав, Анна чем-то напоминает мне Иринку.

— Мне тоже.

— Я часто думаю о них — о маме, папе, Иринке, и очень их люблю.

— Я помню твою сестру. Только она могла так заразительно смеяться, до слез.

— А что если...

— Не надо об этом думать, — Кирилл взял Марию за руку. — Все будет хорошо, и никто ни за что тебя не упрекает.

— Ты думаешь?

— Да. Они тоже хотят этого.

Начал накрапывать дождь. Женщины вернулись в дом. Лариса включила телевизор, принесла вазу с фруктами и, усевшись удобно на диване, начала сосредоточенно уничтожать ее содержимое.

— Мельница! — улыбнулась Анна.

— Ничего не могу с собой поделаться.

— Вернее, не хочешь.

— Ты же знаешь, я всегда испытывала слабость к еде.

— Это уж точно.

Часа через два приехали Олег с Борисом. Охапка цветов легла к ногам женщин.

— Все прошло великолепно! — Олег поставил на стол шампанское и огромную коробку конфет. — Маэстро был на высоте!

— Не преувеличивай!

— Верьте мне, все так и было! Как ты, родная? — Олег прижался щекой к жене.

— Все хорошо. Рассказывайте подробно, как прошел концерт?

— Разумеется, я очень волновался, — Борис присел на спинку кресла и обнял Ларису. — А когда сыграл финал — понял, что зря!

Друзья разошлись за полночь. Было выпито шампанское и съедена добрая половина конфет, в основном Ларисой. Спрятавшись под одним зонтом, Лариса с Борисом ушли к себе, забрав по настоянию Анны половину цветов.

6

Стояло начало сентября. Ночи стали темнее и длиннее, листва на деревьях тронулась, в садах зацвели дубки и хризантемы. Дачники разъезжались, и только по выходным дням городок вновь оживал, наполняясь гулом машин, детскими голосами, суетой, которая царит в период сбора урожая.

Уже больше месяца Мария с Кириллом жили рядом со своими «родителями». Они были свидетелями всех семейных торжеств и будничных забот, вместе с ними переживали события каждого дня. Болезнь Анны нарушила покой обоих семейств. На несколько дней приезжала из Санкт-Петербурга сестра Анны Рита. Это была энергичная женщина, лет сорока, очень веселая и приветливая. Она сразу взяла на себя заботу о двух домах.

Вообще трудно было разделить обитателей этих домов на две семьи — они смотрелись как одно целое. Казалось, единственное, что их разделяло, был забор между садами, в которых каждый из них был полноправным хозяином. После отъезда Риты Олег взял отпуск, и все хлопоты легли на его плечи. Но он вовсе не тяготился этим грузом. Наоборот, ему нравилось заниматься домашним хозяйством, а работа в саду была его любимым занятием.

В отличие от Анны, Лариса чувствовала себя очень бодро. Она во всем старалась помочь Олегу, делала это весело и каждый раз, когда ей удавалось в чем-нибудь его опередить, радовалась, как ребенок.

У Бориса начались занятия в консерватории. Каждое утро он уезжал в город, а вечером все вместе собирались в одном или другом доме. Звучали смех, музыка. Заботы прожитого дня уходили в прошлое.

А будущее?! Пожалуй, больше всех оно волновало Марию и Кирилла.

7

В доме уже спали. Мария подошла к роялю и стала перебирать клавиши.

— Ты играла раньше?

— Только «Чижика-Пыжика», одним пальцем.

— А я играл. Говорят, вернее говорили, что я неплохо пел.

— Я это знаю. Сыграй что-нибудь.

Кирилл сел за инструмент.

— «Снова туда, где море огней...» — мелодия Имре Кальмана наполнила комнату.

Мария подошла к окну. Мелкий дождь монотонно стучал в стекло.

— Я давно хочу тебя спросить.

— О чем?

— Помнишь, однажды, это было в первый год после моей... Ты повел меня в какой-то дом. На стене, в комнате, висел твой портрет. Там жила женщина, ее звали Валентина. Расскажи мне о ней. Ты обещал. Кто она?

Кирилл встал, прошелся по комнате.

— Я любил ее. Она была для меня другом, в большом смысле этого слова.

— А вы были...

— Женаты мы не были. Помешала моя смерть.

— А потом? Ты часто бывал у нее?

— Раза два или три.

— Скажи, а если бы так случилось, что она слышала тебя так, как когда-то я. Ничего бы не было? Я имею ввиду, ты бы не пришел за мной?

Кирилл подошел к Марии, взял ее руки в свои и прижал к губам.

— Знаешь легенду?

— Какую?

— Когда-то, давным-давно, люди были с двумя головами, двумя туловищами, четырьмя ногами и руками и одной душой. Потом Бог разделил человека на две половинки, разделив и его душу. С тех пор люди бродят по свету, ища свои половинки. Я не мог не прийти за тобой. Ведь ты — моя половинка, половинка моей души.

Дождь прекратился. Светало. Наступил новый день.

День рождения нового человека.

8

— Я очень нервничаю! А если не получится? Ведь все могут ошибаться. И люди, и машины, тем более. Вдруг один из нас первым сделает шаг, а потом выяснится, что кто-то где-то когда-то ошибся, и все, все пропало.

Кирилл молчал. А она все говорила и говорила. Голос у нее дрожал.

— Я боюсь! А вдруг мне придется остаться одной, без тебя? Скажи, только честно. А ты не боишься? Или ты делаешь вид, что спокоен?

— Я люблю тебя! И я уверен, что все будет хорошо. И ты должна в это верить.

Он нежно обнял Марию. А она крепко обхватила его шею руками с судорожно сжатыми пальцами, словно спасаясь от внезапно налетевшего урагана, пытавшегося оторвать их друг от друга и унести в разные концы вселенной.

— Пойдем, любимая, пора.

У кресла роженицы сустились врачи, сестры.

— Ну еще немножко, милая! Тужься, еще! Вот умница. Ну давай еще, еще! — голос врача звучал все громче и громче.

Мария смотрела на все это, слушая, а в голове кружилась только одна мысль: «А вдруг ошибка, вдруг ошибка?!». — Девочка! — услышала она. — Поздравляю, у вас девочка!

Мария посмотрела на Кирилла — тот улыбнулся ей — \ со словами «до встречи» подошла к женщине, державшей девочку, положила руку на грудь новорожденной и... исчезла.

В эту минуту Кирилла охватил страх. Только сейчас он понял, какой ужас ожидает его, если кто-то ошибся!

В комнате люди о чем-то оживленно разговаривали, юдили взад и вперед, постоянно натываясь на него, толкая его. Но Кирилл ничего не замечал. Он смотрел на ребенка, лежавшего на столе, такого маленького, беспомощного, и тихо повторял:

— Я люблю тебя, я люблю тебя!

Потом наклонился, поцеловал его и вышел из комнаты. В вестибюле, в окружении друзей, стоял Олег.

— Поздравляем, папаша!

— А интересно, на кого она похожа?

— А когда мы ее увидим?

— Она, конечно, хорошенькая!

Кирилл заметил Ларису с Борисом, подошел к ним и, держа Ларису за руку и глядя ей прямо в глаза, прошептал:

— Умоляю, не подведи.

Но никто не заметил его присутствия, никто не услышал его слов.

9

— Ну не плачь, не надо плакать, — приговаривала Нина Ивановна. — Мария! — позвала она.

Девочка перестала плакать, посмотрела на женщину, чьи руки быстро и ловко прятали ее тельце в мягкую пеленку, своими большими синими глазами, и заулыбалась.

— Я вас слушаю, Нина Ивановна, — подошла молоденькая круглолицая санитарка.

— Дай, пожалуйста, еще пеленку.

Девочка захныкала.

— Ну не надо, сейчас пойдем к маме. Машенька! — вновь позвала Нина Ивановна и в изумлении замерла: девочка перестала плакать и опять заулыбалась.

— Нет, этого не может быть, она реагирует! Идите сюда кто-нибудь!

— Что случилось? — отозвался Максим, молодой практикант.

— Позови эту красавицу... — Женщина что-то прошептала на ухо практиканту.

Тот удивленно посмотрел на нее, на девочку.

— Маша, Машенька!

Девочка перевела на него взгляд.

— Ну, мамочка, не знаю, как вы, а дочка уже выбрала себе имя, — Нина Ивановна передала Анне ребенка.

— Я вас не понимаю!

— А вы позовите ее «Маша» и поймайте.

Анна осторожно взяла дочку на руки.

— Машенька, родная!

Девочка посмотрела на нее, улыбнулась и прильнула к материнской груди.

Татьяна ШАЙБУЛАТОВА

ПЕТРОВИЧ И МЫШЬ

Рассказ

Петрович жил в маленьком домике на окраине села и никогда никакой живности не держал, поэтому, когда к нему пришел Мышь, он даже обрадовался.

Мышь вошел в приоткрытую дверь в то время, когда Петрович ужинал. Застенчиво постоял у порога, затем присел на старую грязную калошу, а потом вежливо пропищал:

— Приятного аппетита... Добрый вечер... Можно?..

Петрович поперхнулся вареной картошкой, закашлялся, запил поскорее чаем из кружки и невнятно пробормотал:

— Дык...

— Спасибо. — Мышь, подперев подбородок лапкой и задумчиво глядя в удивленные петровичевы глаза заговорил:

— Я вас знаю. Вы великодушный, благородный человек (Петрович, смущаясь, покраснел), у вас большое доброе сердце. А я... Если бы вы знали, сколько мне пришлось пережить... Позволите?..

Он поднялся, подошел к столу и, в мгновение ока, ловко взобрался на него.

— Дык... — изумился Петрович.

— Если бы вы знали, — повторился Мышь. — Кстати, как вас зовут, а то неловко как-то, общаемся...

— Петрович, — растерянно выдал из себя Петрович.

— Так вот, Петрович, мне пришлось столько пережить... — он рассеянно взял кусок картофелины и начал жевать. — Как только я появился на свет, вот таким крошкой (он показал, каким, сблизив лапки так, что получилось, будто он появился на свет размером не больше горошины), на меня обрушились неприятности и злключения. Я был самым маленьким, самым слабым, мать и отец отталкивали меня, считая, что такое слабое существо не имеет права на существование.

Мышь говорил красиво, как диктор по телевизору или как в передаче по радио. Петрович размяк от витиеватых слов и, сложив руки на коленях, завороченно внимал удивительной истории Мыша.

— Совсем малюткой я вынужден был отправиться на поиски счастья. И, наконец, фортуна сжалась надо мной. Я встретил небольшую мышиную семью, состоявшую только из отца, матери и шестерых замечательных малюток. Они приютили меня. Я ухаживал за малышами и помогал взрослым добывать пищу. Но вот однажды в тех местах появился стоглавый Гидра. О, горе! Петрович! Все погибли, все... Только я чудом спасся, спрятавшись под корягой... Теперь я одинокий, брошенный судьбой, без родных и близких, без друзей, вынужден скитаться в поисках крова...

Мышь закрыл лапками глаза и затрясся, рыдая. Петрович меланхолично встал из-за стола, выключил свет и улегся, не раздеваясь, на постель.

— Так ты позволяешь мне остаться у тебя?.. Благородное сердце... — завершал Мышь со стола.

— Дык... — буркнул Петрович в темноте и грузно повернулся на бок.

Следующим вечером Петрович купил четвертушечку водки, как у него было заведено по пятницам. Сидя за столом, он попивал из стаканчика и закусывал по обыкновению вареной картошкой.

В приоткрытую дверь вошел Мышь.

— Петрович, — мечтательно произнес он. — Я гулял сегодня по двору. Хорошо у тебя. Тихо. И знаешь, кого я встретил? Смотри! — в комнату вслед за ним робко вошла мышка и стыдливо опустила глазки.

— Дык... — удивился Петрович.

— Петрович, — Мышь подошел к столу и, как вчера, ловко взобрался на него. Уселся на кусок хлеба, макнул хвост в стаканчик с водкой, облизнул его и вдохновенно продолжил. — С первого взгляда, Петрович, я понял, что это — судьба. Посмотри, как она прекрасна. Загляни в ее кроткие глаза и пойми, что нет никого на свете, кто был бы мне милее ее. — Он снова обмакнул хвостик в стакан и облизнул его. — Ты еще не знаешь, какое разочарование пришлось мне испытать в жизни. До того как я встретил ту милую семью, погибшую в ста пастях стоглавого Гидры, я не хотел тебе говорить, но у меня была несчастная любовь...

Маленькая серенькая мышка тем временем, облюбовав старый валенок Петровича, начала устраиваться в нем, захлопотала, вытаскивая из него мусор: какие-то щепочки, соломинки, обрывки газет. А Мышь продолжал свой печальный рассказ, глядя на Петровича преданными глазами.

— Эх, Петрович, ты меня понимаешь? Понимаешь ли ты меня? Кого я спрашиваю! Разве твое чуткое сердце никогда не любило? А ты живешь один, а она!.. Вот и я Петрович, я встретил ее как-то раннею весной. Среди садов то было... И она была подобна ангелу, а я был молод, горяч, Петрович! Но появился Он. Молодой, красивый, в бархатной шубе. У Него были вот такие усы, Петрович! (Мышь раздвинул лапки, и получилось, что усы у Него были просто величиной с длинную макаронину). Он сказал только «Мяу!», и моя крошка растаяла от этого слова. Она потеряла рассудок, и он унес ее навсегда! Я умолял ее одуматься, вернуться, но она даже не попрощалась...

Мышка в углу тихо заплакала, сам Мышь не вытирал слез, катившихся по его мордочке, и даже по давно бритой щеке Петровича скатилась скупая мужская слеза и звонко капнула в стакан с недопитой водкой. Петрович выпил, крикнул и, поднявшись, выключил свет и улегся на кровать.

— Как! Петрович! Ты настолько великодушен, что позволишь остаться моей возлюбленной? О! Благородный! Благородный человек! — восторженно пищал Мышь из темноты.

— Дык!.. — отозвался Петрович.

По субботам Петрович допоздна спал, потом, не торопясь, растапливал баньку, долго купался в ней с длительными

ми перерывами в предбаннике, под пивко и вяленого лещика.

Так и этим утром он поднялся при высоком солнце, позавтракал холодной картошкой и ушел на огороды, занимаясь банными делами. Покурил, сидя на крыльчке, нарубил дров, натаскал воды, потом долго сидел в баньке, покуривая, глядя на огонь. Сходил к магазину купить папирос и пива, помолчал с мужиками. Неразговорчив был Петрович. И когда прошла мимо него вдовая Аксинья и поздоровалась со всеми, а с ним особенно, и тогда он только смог вымолвить свое обычное:

- Дык...

Потом он засел в баньке и долго с удовольствием мылся и парился, и стирал одежду, и пил пиво, и выходил, прямо так, голый, на банное крыльчко посмолить папироску.

Уже стемнело, когда он, размякший, розовый и как будто помолодевший, пришел с огородов к дому. Вошел в комнату, включил свет и остановился обалдевший. На столе сидел Мышь со своей любезной подружкой, а вокруг них копошились маленькие мышата.

- Петрович, — нежно произнес Мышь. — Ты только посмотри! Это наши дети. Я назвал их всех Петровичами. Вот это — Петрович первый, это — Петрович с пятнышком, это — Петрович самый маленький, а это Петровна...

Петрович пошатнулся и опрокинул ведро, стоявшее у порога.

- Тише! Петрович, ты их испугал... Маленькие, спать им пора, выключай свет.

Петрович выключил свет, на цыпочках прошел к кровати и улегся, стараясь не ворочаться, чтобы кровать не скрипела. А Мышь со стола забубнил:

— Спице, дети, а папа вам расскажет удивительную историю, которая с ним однажды произошла.

Петрович заснул, и поэтому истории, рассказанной Мышью в ту ночь, не услышал.

В воскресенье с утра он надел глаженую чистую рубашу, почистил брюки и пошел к речке, где отдыхали по выходным сельские. Поиграл с мужиками в домино, покурил, мечтательно глядя на реку. Послушал сплетни и новости. И раненько отправился домой, посмотреть телевизор да и лечь пораньше: на работу завтра.

Дверь в дом была приоткрыта. Он ступил на порох и смог только произнести свое:

— Дык...

Дом был полон мышами. На столе, на кровати, выглядывали из печи. На столе лежала на боку недопитая чекушка, и мыши, выстроившись в очередь, подходили к ней. Запускали хвост в бутылку, вращали им там и затем с наслаждением облизывали.

— Петрович! — услышал он развязный голос Мыша. — Ты, братан, извини, у нас сегодня вечеринка. Ты погуляй пока, или вот что, ты сегодня в баньке переночуй.

— Дык! — рассердился Петрович.

— Петрович!.. — захныкал Мышь. — Могу я расслабиться хоть раз в жизни? Я так устал от всего. Ты же знаешь, сколько я пережил. Уж кто-кто, а ты-то знаешь...

Петрович почесал затылок, промямлил еще раз свое знаменитое «Дык!» и вышел на крыльчко. Присел на ступеньку, закурил. Из комнаты доносился голос Мыша:

— Так вот, братаны, подхожу я к нему и говорю: «Ты что, в натуре, блин, крутой?» А он мне «бамц!». Ну, тут я вернулся и ка-а-к дам ему между глазок... А тут моя подбегает: «Ой-ой-ой! Не трогай его!», а я ей: «Да ты его, может, любишь? Ну, так и канай отсюда вместе со своим фразером...»

Петрович встал и грустно направился к баньке. Мимо него по тропинке к дому серым ручейком стекались мыши.

Спать в баньке было неудобно и сыро. А ночью во сне к нему пришел Мышь и сурово сказал:

— Петрович, помнишь сказку про зайчика, у которого избушка была лубяная?

Петрович проснулся и старательно стал вспоминать сказку. Не вспомнил, но заснуть уже не смог.

Утром он пошел на работу, чувствуя себя разбитым и обиженным судьбой, которая послала на его долю столько злоключений. День прошел кое-как, а вечером он принес домой kota.

Вдовая Аксинья жила на другом конце села в уютном домике. И живности у нее было достаточно. Вечерами, управившись по хозяйству, садилась вдовушка у окошка и пила чай с молоком, с бубликами и пирожками. Была она неразговорчива, поздоровается, бывало, да и подтакивает в разговоре.

Так и в этот вечер. Сидела Аксинья у окошка, пила чай и глядела, как солнышко за край леса пряталось. Скрипнула дверь, и в комнату робко вошел Мышь.

— Приятного аппетита... Добрый вечер... Можно?..

Аксинья мышей не то чтобы боялась, а вроде бы брезговала. Но на этого посмотрела спокойно. И Мышь присел на веничек, лежавший у порога, и заголосил:

— Все говорят, нет правды на земле!.. Но нет ее и выше!.. Милая, прекрасная, одинокая женщина, только вы сможете понять мое разбитое сердце. Как зла судьба... О!.. Кстати, как вас зовут?.. — Мышь поднялся, подошел к окну и по занавеске ловко взобрался на подоконник. И, проникновенно глядя в глаза обомлевшей Аксиньи, продолжал:

— Я расскажу вам, мудрая...

— Аксинья, я... — подсакала Аксинья робко.

— Я расскажу вам, мудрая и благородная Аксинья, как жестоко жизнь обошлась с одним из детей природы. С одним из братьев меньших человеческих! Слушай же, сестра! Только ты меня поймешь.

Аксинья умиленно поглядела на Мыша, протянула ему кусочек баранки и промямлила благоговейно:

— Так-ть...

— Я был один у родителей, и они баловали меня, как могли. Но в один страшный день люди подложили отраву к нашей норке. Я был в тот день болен и не стал есть. А мои мать и отец наелись этого кушанья и умерли в страшных мучениях у меня на глазах. Я вынужден был уйти из тех мест, люди бы все равно не оставили меня в покое, и меня ожидала такая же страшная смерть. И вот, пробираясь по незнакомым местам, где меня на каждом шагу подстерегали тысячи опасностей, кровожадные звери и хищные птицы, я нашел норку, в которой жила одинокая красавица. У нее была замечательная, шелковистая серая шерстка и черные глаза, как бусинки. И мы полюбили друг друга с первого взгляда. И мы поженились, и у нас родились дети. И все было бы хорошо, но вот однажды страшный зверь с колючей спиной и страшной мордой (я был в то время на охоте) — это чудовище уничтожило всю мою семью. Вернувшись, я был в страшном горе. Я побежал по следам этого чудовища, и я догнал его, и стал вызывать на честный поединок, но это трусливое существо убежало прочь. А я остался один. Может ли сердце пережить столько горя? Вам ли не знать, несчастная Аксинья, что такое потеря близкого человека?.. — Мышь заплакал, вытирая слезы маленькими лапками.

Аксинья поставила на окно коробочку из-под ботинок, настелила туда лоскутков и посадила Мыша внутрь.

— Добрая! Милосердная! — завопил Мышь, в то время как Аксинья расстилала постель и готовилась ко сну. — Бог не оставит тебя. Прекрасная!.. — скулил Мышь из коробки.

— Так-ть? — добродушно отозвалась Аксинья.

Юрий ГРАДИНАРОВ

Родился в Донбассе. На Таймыр приехал в 1961 году. Автор сборников рассказов «Аргиш в Париж», «Шаман Демнине», повести «По собственному желанию», публиковался в альманахе «Полярное сияние».

ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ*

Повесть

37

А Антон тем временем осваивал «светскую» жизнь Ленинграда. Мальчишки быстро распределили между собой девочек своей группы для «любви и дружбы» и все вечеринки проводили только по парам.

Антону досталась черноглазая Галка, с крупными сексуальными губами и не по возрасту крепкими бедрами. Она, в отличие от Антона, жила на квартире, куда ее определила мать, боясь, что общежитие плохо скажется на ее учебе. Он же вскоре забыл свою соклассницу Нинку, стеснительную и трусливую, поскольку влюбился в эту женственную, но жесткую девочку. Она была родом из Удмуртии, а смуглости ей добавил тот, кого привлекла мама для улучшения породы. Родного отца она не знала, и его заменил светловолосый отчим Юрий Михайлович, сумевший с ее матерью дать жизнь еще двум сыновьям. К Галке отчим относился терпимо, старался просто ее не замечать в семье. И он, и ее родная мать ждали, когда она закончит школу и уедет подальше с глаз, чтобы пожить им своей уже законной семьей. Правда, мать в душе боялась отправлять свою строптивую дочь «в люди», поскольку девочка быстро созревала, и ее глаза уже светились огоньками страсти. Восемь классов дотянула, слава Богу, без срывов, хотя и успела лишиться девственности. Переживала сильно, боялась забеременеть, но на этот раз все завершилось благополучно. Мать, своим бабьим чутьем, все же уловила неладное, но виду не показала. Подумывала даже о медицинской спирали для дочери, но потом спохватилась, сообразив, что этим она сама подтолкнет ее к утолению похоти.

Приехав в Питер, Галка до начала учебы успела «снять» нескольких мужиков на Московском вокзале. А привлекли ее «к работе» уже «битые» студентки после вечера в одном из кафе. С Антоном она не церемонилась и в первый же вечер покорила его своей страстью.

И закрутила Антона с Галкой взрослая любовь. Занятия в училище пошли стороной. Мастера докладывали директору, что Антон прогуливает уроки и заслуживает отчисления из училища за неуспеваемость.

Любочка получила письмо от директора с просьбой воздействовать на сына, чтобы он добросовестно относился к учебе. Хоть и не ближний путь из Дудинки до Питера, а поехал туда Николай Васильевич утрясать сыновьи дела. Вернулся он оттуда, а вслед за ним снова письмо с жалобой на отца, что он распивал водку в общежитии с воспитанниками училища.

— Ну съездил, «молодец», — возмущалась Любочка. — Деньги прокатал да еще и пить начал с детьми. Не стыдно? Надо было директору пристроить тебя в милицию суток на десять за растление несовершеннолетних.

— А что я мог сделать? Встретился с завучем, мастером, с Антоном. Условия для учебы отличные, кормежка тоже. Но контингент детей — одни сорвиголовы, типа нашего. Мастера сами от них плачут. Если так будет дальше, то никто не гарантирует, что он куда-то не влезет. Подождем до конца учебного года.

Согласилась Любочка подождать. «Может, образумится, — думала она, с надеждой глядя на фотографию сына у памятника Петру Первому. — Получит специальность, устроится в городе на работу да получит постоянную прописку». Да родители думают об одном, а детки нередко преподносят сюрпризы. Вскоре пришло письмо от Галкиной матери, полное тревог, зла и претензий. Она звала Любочку приехать в Ленинград и разобраться со своим сыном, потому что ее дочь Галка уже «в положении».

Встретились они холодно. Валентина, мать Галки, стала обвинять Антона во всех грехах, что он совратил девочку и у нее уже трехмесячная беременность. Любочке не понравился ее тон, базарная манера разговора и нацеленность на дочернин аборт. А Антону она зло сказала:

— Испаскудил девке судьбу, а теперь глазенками бегаешь, как вор-карманник, пойманный за руку.

— Я не виноват! Я люблю ее, и она меня тоже. Правда, Галка?

— Правда. Мы любим друг друга.

— Еще молоко на губах не обсохло! Ни специальности, ни жилья, ни зарплаты за душой, а ребенка сделали. Ктого будет воспитывать? У меня еще таких двое...

— Мама! Я воспитаю сама, — вмешалась в разговор Галка.

* Окончание. Начало в альманахе «Полярное сияние» за 1996, 1997, 1998 и 1999 гг.

Любочка взвешивала все «за» и «против», обдумывала, что надо предпринять. Заранее боялась сплетен и пересудов, которые падут на его голову.

— Успокойтесь! Злость в таких делах — не подмога. Давайте спокойно поговорим, как сохранить их отношения и воспитать ребенка. И здесь, Валентина, не надо говорить: твой сын, моя дочь. Коль так получилось, теперь они наши. И мы с тобой отвечаем за их дальнейшую судьбу. Антону весной в армию. Галя пусть рождает. Приедет в отпуск — распишутся. А теперь забираем их домой. Оставлять их здесь нельзя. Пока Антон в армии, Галка поживет у вас, а демобилизуется — заберем ее на Север.

В мае Антона призвали в армию. Из Афганистана в Дундинку тоже приходили цинковые гробы. Снова страшные мысли лезли Любочке в голову. А вдруг после Средней Азии кинут его на войну. Антон же неопытный и отчаянный, высунет где-то голову и получит кусок свинца не за здорово живешь. Он уже прошел курс молодого бойца, принял присягу и начал осваивать специальность радиотелефониста. Сначала служил рядом с Байконуром, а потом попал в район Чирчика. Он плохо переносил сорокаградусную жару, как и все ребята, призванные с Севера и Сибири. Болела голова. Усталость чувствовалась даже после утреннего подъема. Все чаще и чаще посещала душу апатия. Даже увольнения в город не приносили желанной радости. Жара и служба, словно жернова мельницы, перемалывали хрупкие характеры молодых солдат, рождая безразличие к жизни. Однажды в увольнении снюхались с местной шпаной, курившей травку. Антон быстро сообразил, что к чему.

— Мужики! — обратился он к своим сослуживцам Сергею и Валерию. — Выпить нам не на что, а вот курнуть бесплатно дадут. Давайте хоть чуть-чуть побалдеем.

Они сели у арыка, сняли сапоги и пустили по кругу самокрутку. Сергей и Валерий впервые пробовали травку, поэтому сначала глотали дым без интереса, будто курили обычную сигарету. Антон же подсказывал им, чтобы затягивались медленно, смакуя дурмящий дым, пока в голове не появится легкое кружение и что-то, похожее на мираж.

— Не жадничайте поначалу. Ощутите блаженство, а то перебор может вызвать агрессивность. Еще в драку влезем. У нас в училище сколько драк было и все из-за травки, — объяснял он ребятам. — Только не втянитесь, а то хана обоим. Эта трава от себя потом не отпустит. Наркота.

Но солдаты уже не ощущали страха. Разбуженное в их телах мнимое блаженство временно вытеснило чувство страха, и они вдыхали и выдыхали безмятежность суетной жизни. Теперь в каждое увольнение они ходили втроем, связанные общей преступной тайной.

В письмах Антон просил у матери денег то отремонтировать электробритву, то купить спортивный костюм, то отдать долг. Он очень изобретательно придумывал причины нужды в деньгах, сетуя на нехватку питания, на желание попробовать арбузов и винограда, которых навалом на рынке, но ему не на что купить.

Любочка, зная его ловкачество, сомневалась в его пробах, однако нет-нет да и отправляла очередным письмом двадцатипятку, которая нередко шла на травку.

Антон и матери, и Галке письма писал редко, но подробно описывал, как ему служится, чему он научился в армии и что хочет уже в отпуск.

Потом месяца два не было писем. Любочка думала, что его перебросили в Афганистан. Звонила в Ковров Галке, но и та ничего вразумительного не могла ответить.

Потом Любочка получила письмо, в котором сын писал, что лежит в санчасти, и просил мать сходить в военкомат, чтобы его перевели в Сибирь, где прохладнее, чем в песках.

Мать почувяла что-то неладное. Зашемило сердце, заболела голова от всяких мыслей, не дающих ей покоя. Сказала Николаю о письме и задала вопрос:

— Что будем делать?

У Николая Васильевича желваки заходили на скулах.

— Чудак он на букву «м», твою мать! Наверное, опять травки покурил. Там ведь ее навалом, особенно конопля. Ты езжай. Надо вытаскивать пацана, иначе дембельнется и «сядет на иглу». А это хуже водки. Психика разваливается, как картонный домик...

Добралась Любочка самолетом до Кемерово, посоветовалась с сестрой, а та с облвоенкомом, в Омске села на поезд до Ташкента. Вагоны людьми забиты, как бочки селедкой. За день они так накаляются от солнца, что внутри их настоящая баня, со смрадным воздухом, но без воды. Песчаная пыль заползает во все щели, днями кружится в купе, попадает за ворот одежды, в волосы, в рот, в глаза. А уж полки и антресоли покрыты слоем пыли, хоть рисуй, хоть расписывайся на память. За свою жизнь она еще такой тяжелой поездки не испытывала. Любочка сидела у самого окна и прикладывала влажный платочек ко лбу, чтобы хоть немного снять головную боль. Временами казалось, что она теряет сознание. Перед окнами вагона пробегали пески с одинокими чахлыми кустарниками да иногда попадающимися верблюдами. Сильно хотелось спать, но она боялась ложиться на полку. Сердце, казалось, своим стуком заглушало стук вагонных колес. Любочка уже теряла веру, что когда-нибудь закончится эта дорога. Силы ее уже были на пределе. Она посматривала на часы и с нетерпением ждала, когда же, наконец, исчезнет за барханами солнце и наступит ночная прохлада.

Следующее утро она встречала, как пытку. «Если я переживу и этот день, то тогда еще долго буду жить, — вздыхала она, ощущая на себе лучи восходящего солнца. — Если нет, то пусть мой труп отправят по адресу или хотя бы сообщат о моей смерти». Она достала блокнот, вырвала два чистых листочка бумаги и написала разборчивым почерком адреса сестры Люси и мужа Николая, с просьбой сообщить, если она не вынесет этой дороги. Аккуратно сложила листочки в паспорт и сунула в сумочку. Только сейчас она испугалась своей мысли, что может умереть в этом затхлом вагоне, среди этой песчаной пустыни, где горячий воздух обжигает все внутри, где каждый человек живет на пределе своих сил, а уж помочь кому-нибудь их просто не хватает. Потом страх внезапно прошел, ушла и обреченность. Любочка снова настроилась на терпение. «Будь что будет, — думала она. — Авось еще меня на день хватит, а вечером — конечная».

Намаялась, разболелась, чего только ни передумала она в дороге, но до Чирчика добралась. Зашла к военному коменданту, спросила, как добраться до военной части 44004, и утром на такси уехала к Антону.

Он лежал один в четырехместной палате под капельницей. Лицо бледное, синюшность под глазами, а ключи-

цы выдавались из-под натальной рубахи. У матери выкатилась слеза.

— Что ж ты такой худой, сыночек? Плохо кормят или тебя болезнь доконала?

Антон беспомощно смотрел на мать, не в силах что-либо ей ответить. Он долго не мог поверить, что она, получив письмо, стремглав примчалась за тысячи километров его спасать. Потом, убедившись, что это его мать, прошептал:

— Мама, мне очень плохо. Забери меня отсюда, иначе здесь я пропаду. Я не хочу служить.

И он, озираясь, проверил, нет ли кого еще, кроме мамы, в палате. Убедившись, что они по-прежнему одни, рассказал ей о своих злоключениях, когда с Байконура попал в эту часть.

Мать с сожалением посмотрела ему в глаза и сказала:

— Жаль. А я думала, армия тебе поможет стать человеком. Ты же оказался хиляком. Это среди шпаны ты котировался. А здесь? Стыдно мне за тебя! всю жизнь жила ради вас, детей, а ты вот таким неудачником растешь. Сынок у тебя красавец. Посмотри фотографии. Галка прислала. На тебя похож. И нос твой, и губы твои, и подбородок. Через полгода похожести прибавится. Завтра пойду по начальству. Может, переведут тебя в Кемерово...

Пошла Любочка по всем инстанциям. Сначала даже и не верила, что что-то выходит. Только с генералами тремя встретила, не говоря уже о дюжине старших офицеров. Дали Антону отпуск по болезни с переводом в Кузбасс для прохождения дальнейшей службы. По приезду Любочка утрясла все дела в облвоенкомате и отправила Антона в Ковров к Галке с сыном. Молодые расписались. Антон, отдохнув месяц у тещи, снова вернулся в Кемерово, жил у тетки, лечился и ходил отмечаться в военкомат. Ему после болезни оставалось четыре месяца до окончания службы, когда тетя Люся, видя «демократизацию армии», переговорила с военкомом, и он, взяв грех надушу, оформил документы и досрочно отпустил Антона на «гражданку».

Вернувшись домой, Антон вызвал Галку с сыном в Дудинку. В двухкомнатной квартире было тесно шестерым человеком. Вскоре Аленка поступила в институт и освободила место для Женкиной кроватки. Мальчик рос во всеобщей любви и заботе. Галка устроилась няней в детский сад и взяла с собой годовалого сына в младшую группу. Антон работал в желдорцехе составителем поездов. Семейная жизнь у молодых поначалу складывалась благополучно. Но лишние люди в квартире тяготили Николая Васильевича. Исчезла «свобода передвижения», свобода выпивки и ругани. А еще он стал недолюбливать свою невестку за любовь к сигаретам. Он со зла даже высказал Любочке версию, что это не Антонов ребенок, а нагулянный Галкой. Особенно он не терпел Галку, когда был на подпитии, а она, как ни в чем не бывало, просила у тещи прикурить и присаживалась покурить на кухню.

Видя назревание скандала в семье, Любочка нашла Антону двухкомнатную квартиру, договорилась о ее снятии на год и перевезла молодых подальше от греха.

Два года прожили они на квартире. Все шло хорошо. Галка поступила на заочное отделение Норильского педучилища. Радовалась, что будет иметь специальность. Но во время зимней сессии она предпочла сдачу экзаменов поездке в Москву с одним подвернувшимся бизнесменом, где и

изменила Антону. Вернувшись домой, она призналась мужу об измене. А в марте она, разведясь с Антоном, уехала с сыном в Ковров.

38

А тем временем Аленка училась в институте, куда была зачислена кандидатом. С нетерпением ждала зимнюю сессию. Переживала, боялась, что если не сдаст экзамены, то ее могут отчислить из института. Но после сессии отсеялись сразу пять человек из ее группы, и она стала полноправной студенткой хореографического факультета. Сначала жила у тети Люси, а после окончания договора с жильцами их кооперативной квартиры переехала к себе домой. Стипендию она не получала, а посылаемых матерью переводов хватало, чтобы рассчитаться за квартиру да на питание. А уж купить какую-нибудь модную одежку долго было для нее лишь мечтой. Она нервничала, избегала студенческие тусовки, чтобы не выглядеть на вечерах старомодной и скованной. Только через два года, будучи на практике, Аленка смогла заработать немного денег на зимнюю шубу. У матери она никогда не просила денег. Но Любочка, удрученная денежной чехардой, безудержной дороговизной, все же успевала своевременно поддерживать дочь, чтобы та не сидела голодной.

Девочки из группы уже во всю «крутили» любовь, тайно насмотревшись американской порнухи, умело предохранялись, чтобы «не заматереть». Они вкладывали в это слово свой смысл: «не стать матерью». Аленка же сдерживала себя, не пыталась, в отличие от девочек, найти себе «ковбоя», с которым можно и на дискотеку сходить и постель разделить. Может, время ее не подошло, а может, стремление крепче встать на ноги в учебе требовало от нее большей усидчивости при подготовке к занятиям.

Она была худенькая, бледная лицом, без четко оформленных линий тела, которые бывают заметны у женщин ее возраста.

Она была похожа на подростка с резким нервным характером. Глаза синие, материнские, прямой нос и тонкие губы. Когда перешла жить в трехкомнатную квартиру, то поняла, что надеяться теперь не на кого и надо самой осваивать все навыки самостоятельной жизни: варить, стирать, ходить в магазин, убирать в квартире да еще и деньги экономить. Поначалу возникала уйма вопросов, и Аленка по телефону консультировалась с мамой и тетей Люсей. Училась она средне, поэтому девушке приходилось постоянно проявлять свой характер, чтобы не быть в отстающих. Правда, мама ей помогла сделать две курсовые на опыте работы своего учреждения. А в остальном до всего Аленке приходилось доходить самой. Через три года самостоятельной студенческой жизни она уже определилась во взглядах на различные стороны бытия, выработала свое видение подходов к обучению хореографии и предпочитала практичность пустопорожней философии.

Впервые ею овладел любовный порыв, когда она приехала в Хорошилово и увидела в клубе на танцах высокого черноглазого Андрея, сына сельской учительницы. Он уже учился на первом курсе Воронежской сельскохозяйственной академии. Хлебнул чуть-чуть городской жизни, но в душе остался робким и стеснительным. Хотя и нравятся деревенским ребятам городские девчонки, все же они побаи-

вются оконфузиться своей неловкостью или своими размытыми манерами. Особенно, если на виду у всех: на вечеринках или танцах. А коль уж кто-то пригласил городскую, то сразу становился среди сельских парней самым смелым, самым разбитым, этаким выдавшим виды суперменом.

Андрей заметил Аленку в толпе танцующих. Она так двигалась в танце, что даже «битые» сельские девчата, законодательницы танцевальной моды в клубе и во сне не видывали. Ее руки и ноги выписывали такие «кренделя», что все расступились, образовали вокруг нее живое кольцо и в такт хлопали в ладоши. Андрей стоял, завороженный танцовщицей, и пытался поймать взглядом ее выражение лица, меняющееся с ритмами музыки. Потом спросил рядом стоящего парня:

— Откуда она тут появилась? У нас в деревне таких нет.

— Да здесь дед и бабка хату купили. Рядом с Христом. Это их внучка. По-моему, зовут Аленка.

Андрей снова вытянул шею и через головы зевак смотрел на завороживший всех танец девушки.

В тот же вечер они познакомились. Бродили по деревне до первых петухов. Рассказывали друг другу о студенческой жизни, о дискотеках и тусовках. Андрей иногда вставлял в разговор легкие анекдоты про агрономов.

— На агрономии в академии — это классика, — доверительно шептал Андрей. — Старшекурсники передают младшим, и традиция сохраняется на десятки лет. Так и ходят эти анекдоты по кругу, обрастая новым содержанием, смыслом и деталями.

Аленка же рассказывала ему о Севере, о полярном сиянии и незаходящем летом солнце.

— А что солнце светит круглые сутки? — заинтересовался Андрей. — А спать как?

— Нормально спать. Это у нас называют белыми ночами или полярным днем. Солнце чуточку катается по горизонту, а потом снова восходит и идет по своему кругу. Люди привыкают и не путают день с ночью. Кроме командированных. Те страдают бессонницей в светлую пору...

— Как интересно? Хоть глазком бы взглянуть на твой Север...

— У нас каждое лето тысячи туристов и своих, и иностранных. Для них интерес, а для нас будничность. Вот такие странности Севера. Но сколько бы ты там ни прожил — не перестанешь удивляться этим странностям. Хотя человек ко всему привыкает.

На востоке уже загоралась утренняя заря. Трава, чувствуя близкий восход солнца, понемногу стряхивала росу, а в избах уже зажигали свет. Слышен был звон подойников, скрип половиц в стойлах, сонные крики гусей.

— Вот так загулялись мы с тобой, — сказал Андрей, поглядывая на часы. — Половина пятого.

— Ночь пролетела меньше чем за час, — пошутила Аленка. — Когда интересно, время летит незаметно.

— Разбегаемся, — взял ее за руку Андрей. — До вечера!

И поцеловал ее. Поцеловал внезапно, едва коснувшись губами щеки.

Днем они отсыпались, а вечером снова встречались у церкви. Аленка была на два года старше и, освоившись, нередко брала инициативу на себя и в разговоре, и в танцах, и в поцелуях. Она первая поцеловала его прямо в губы, повиснув у него на шее. Он на вису поймал ее под руки, прижал снова к себе и в ответ впился полуоткрытым ртом в ее

губы. Ее худенькое тело почти слилось с его статью, и они застыли в горячем поцелуе.

Два года они писали письма, звонили друг другу да встречались в летние каникулы. Лишь однажды он прилетел в Кемерово на зимние каникулы. Прилетел в осеннем пальто, вязаной шерстяной шапочке, весь съезжившийся от холода и какой-то настороженный. Аленка встретила его в Новосибирске, а до Кемерова доехали автобусом. Она, как могла, развлекала его: ходила с ним в институт, знакомила с девчонками и тетей Люсей. Андрей был молчаливый и безденежный. Что-то угнетало его, то ли скрытая мысль о разонравившейся Аленке, то ли первая ночь, когда он стал мужчиной, то ли новая зазноба, появившаяся у него в академии. Несмотря на временную близость, Андрей чувствовал, как он отдаляется от Аленки, как червь равнодушия вселяется в него. Он даже на Новый год не подарил Аленке никакого сувенира на память. Она же, ожидая его приезда, купила ему белую рубашку и галстук-бабочку. Купила, урезав свои расходы на питание. Она смолчала о своей обиде, боясь, что Андрей уличит ее в жадности или возвратит ее подарок. Но все недомолвки не помешали им искушать друг друга, испытать прилив еще до сих пор не испытанной страсти.

А когда Андрей собрался ехать домой, оказалось, что у него нет денег на авиабилет. Заметалась Аленка по знакомым девчонкам. Да ни у кого после праздника не осталось денег. Пришлось идти на поклон к тете Люсе. Та, конечно, выручила племянницу, но назидательно сказала:

— Аленка, не слишком ли ты размахнулась с этой любовью? За какие заслуги ты должна сейчас его обеспечивать деньгами, в то время как сама перебиваешься с хлеба на квас? Не жирно ли летать за тысячи километров на свидания за твой счет?

Аленка стояла, потупив взор, и молча выслушивала упреки тети Люси.

— Мать там с последних сил тянется, чтобы тебя выучить, а ты денежки на любовь тратишь. Я позвоню матери и расскажу о твоих проделках.

— Она знает.

— Она знает, что он приехал, но что он полностью сидел на твоём иждивении — для нее нонсенс. А на будущее — нельзя так поважать мужчин, облагают — на голову сядут. Женщина прежде всего должна требовать к себе уважения, а потом любви. А ты, наоборот, первая устремила к нему свои длани. Пусть это станет тебе уроком на всю будущую жизнь...

Прощались в аэропорту, как малознакомые люди. Аленка чувствовала, что это их последняя встреча. Какое-то разочарование друг другом наступило помимо их воли, но сказать об этом ни он, ни она не смогли из-за неясности собственных ощущений. Каждый молча сам себе задавал вопрос (а что случилось?) и не получал ответа. Лишь один внятный ответ ждал их впереди — разрыв отношений...

Когда через полгода Аленка приехала в Старый Оскол на каникулы, Андрей по телефону поздравил с наступающим днем рождения и обещал вечером прийти в гости. Аленка с тетей Зиной приготовили праздничный стол, успели в парикмахерской сделать модные стрижки, надели праздничные платья и стали ждать единственного гостя. Аленка поминутно подходила к окну и смотрела вниз, во двор, в надежде увидеть идущего Андрея. Шли минуты, по-

том часу, а он так и не появлялся. Когда дяде Виктору надоела беготня племянницы к окошку и назад, он сказал:

— Аленка! Не бегай! Воспитывай в себе гордость! Пусть он походит за тобой, если любит. Нашего брата только женской гордостью надо брать, может, даже чуть-чуть и унижением, чтобы чувствовал, что главной в жизни является женщина. Первой никогда не делай шаг вперед. Да Бог с ним, с твоим Андреем! Давай лучше выпьем за твоё здоровье, а любовь — она придет сама...

И они выпили по фужеру шампанского.

— Вон Данилка, братец твой двоюродный. На телефоне сутками сидит. Как диспетчер! Девчонки покоя не дают. Выбирает, с кем сегодня встретиться. Никакого самолюбия у нынешних девчонок. А потом ходят по рукам...

Данилка, крепко сбитый парень, под «крутого», опрокинул в рот шампанское, закусил лимоном, сунул в рот «Мальборо» и промычал:

— Брось ты, папа! Самолюбие у них есть, а денег нет. Вот за деньги и топчут свое самолюбие...

— Да молчи ты, философ! Надо было институт не бросать! Два года подряд нервы маме мотал, а дальше тямы не хватило. Бизнесмен хренов! Прическа, шея, плечи и очки, как у настоящего крутого. Видом своим внушаешь почтение. А ума и трудолюбия нет. Живешь пока за счет авторитета отца. Одни девочки на уме...

Тетя Зина вступилась за сына:

— Отец, ты не прав! Выставляешь сына перед племянницей в таком свете. Подумает, что Данилка совсем шалопай. Повзрослеет — поумнеет.

Виктор прикурил и, выдохнув дым, сказал:

— Может, шалопай и не стопроцентный, но наполовину — точно. Да в рост идет это шалопайство. А поймет он только через мозоли. Если гайки научится крутить. Вон, вчера пригнали в мой офис «Жигули». Так он полдня возился, а головку цилиндра снять так и не смог. С такой работой и на чай не получишь. А ты к хлебу с маслом привык.

Данилка потягивал сигарету и прищуренными глазами смотрел на Аленку, иногда подмаргивая, мол, пусть отец повзрывает.

А смущенная тетя Зина сидела рядом с племянницей и в душе осуждала Виктора, что тот затеял неловкий разговор в присутствии Аленки. Потому что только вчера она щебетала племяннице, какой воспитанный у них сын, что учится в вечернем институте и вообще паинька во всех делах. Она никогда не выносила сор из избы даже при своих родственниках. Грешила, но никогда не говорила правду о своих домашних неурядицах. Создать у людей впечатление своего семейного благополучия для нее было главной целью в беседах с любым человеком, с которым сводила ее жизнь. Стеснялась она, что их сын растет неприспособленным к жизни, что запутался в больших долгах, и теперь деньги постоянно трясут с Виктора, угрожая расправой. Поэтому ей приходилось лицемерить, изворачиваться при прямых вопросах, но по-прежнему потакать Данилке во всех его прихотях...

Через три дня Аленка, удрученная разрывом с Андреем, поехала в Новгород к дяде Грише. Поехала погостить да немного развеяться. Полк транспортной авиации стоял ки-

лометрах в пятнадцати от города. Уже подполковник Заречнев встретил ее на вокзале, расцеловал, подхватил под руку и подвел к выдавшему виды «Москвичу».

— Садись! Минут через двадцать будем дома.

Он выключил музыку и спросил:

— Ну, как мама, тети Зина, Люся? Рассказывай. Институт уже добиваешь? Как на любовном фронте? Жених-то есть? А то у нас здесь молодых ребят две эскадрильи. Я тебя мигом определю.

— Да что вы, дядя Гриша! Любви пока не надо. Дайте от первой отойти. А институт заканчиваю через год. Мама работает, папа, как всегда, пьет. А тетя Зина чуть похудела. С Данилкой проблемы. Институт бросил. Не работает. Отец дяди Вити умер, мачеха уехала в Новый Оскол. А Люся там же, в администрации. Сына женила. Внука ждт. Дядя Саша безработный. Выпивать стал от безделья. А вы еще одну звезду получили?...

— Да получил! Видно, последнюю. Скоро на пенсию. А моя Света собирается замуж за штурмана, хотя ей только семнадцать. Учиться дальше не хочет. Одна любовь в голове. Правда, парнишка вроде неплохой. Отец — генерал. Придут сегодня с другом. Увидишь...

У дяди Гриши сегодня законный повод выпить. Даже жена не будет ругаться, потому что приехала племянница. А значит, надо отметить по-человечески, как и подобает старшим офицерам. Дядя Гриша — повар отменный. Всю закуску сделал собственными руками, и праздничный стол получился «на славу». Сначала отмечали ее приезд дома, а потом поплелись на природу, веселье и немного счастливые. Были шашлыки, водка и музыка. Поохотали, подурочились от души. А вечером Света со своим женихом Петькой, а Аленка с Толиком в «миражном» состоянии зашли в летное общежитие и продолжили трапезу. Толик, высокий и голубоглазый, но чуть перекормлен для своих двадцати шести лет. Когда говорит, губы невольно складываются в улыбку. По-московски расчетлив, а может, оттого, что он штурман. Говорит, растягивая слова. Не блудслов и не беспечен. Третий тост всегда пьет за безопасность полетов. Летать боится, но дважды боится, когда летит пассажиром.

У него два года назад случилась трагедия. Пока жена жила у его родителей в Москве, он, приехав на новое место службы в Запорожье, ремонтировал квартиру и закрутил любовь с одной молодой женщиной. Жена, приехав к нему, от злых языков узнала, что он «флиртует» и что «флирт» уже стал постельным. После семейного скандала, когда Толик ушел на полеты, она повесилась в туалете на глазах у малолетней дочери. Так он стал вдовцом да еще и грешным. Не успев прослужить и полгода, взял перевод в Новгород. Дочь оставил у родителей в Москве и теперь жил в маленькой гостинке без каких-либо коммунальных удобств. Жил с тяжелым камнем на сердце, был скованным и угрюмым. Второй год прошел, как он остался один с дочерью и, конечно, о новой женитьбе пока не помышлял. Да и сомневался, что какая-нибудь дура согласится стать его женой и матерью пятилетней дочери. Поэтому, общаясь с Аленкой в первый вечер, он сам рассказал ей о себе, ничего не утаив. Может, он хотел вызвать у нее сочувствие или жалость к себе, а может, решил проверить ее отношение к услышанному от него. Аленка же все выслушала с пониманием, без поспешных выводов и умозаключений. Она уже знала, что в жизни каждого человека подстерегают сотни непредвиденных си-

туаций, в которых он нередко теряется и получает тяжелые удары судьбы. И винить его в этом нельзя. Нередко рок оказывается сильнее человека.

Аленка успокоила расстроенного воспоминаниями Толика, поцеловала с жалостью его в щеку, кинула свою ладошку в его большую ладонь и сказала:

— Спокойной ночи, до завтра.

— Я тебя провожу домой.

— Не надо. Мы дойдем со Светой.

— А Света, видно, заночует. У них дело движется к свадьбе.

— Хорошо. Пойдем, проводишь.

Теперь они стали встречаться каждый вечер. Присматривались друг к другу, выясняли мнения друг у друга по самым каверзным вопросам жизни; спорили, когда их взгляды не совпадали. Аленка ощутила, что Толик капризный по характеру, мало занимается воспитанием дочери и пока живет под диктовку матери. Толик же уловил в характере Аленки резкость, нервозность и страх. «Зато она, в отличие от меня, умеет самостоятельно принимать решения», — отмечал он не раз про себя положительное качество девушки. А в остальном они уже начинали нравиться друг другу. На Толиковых «Жигулях» съездили в Питер, в гости к Петькиному отцу, посмотрели достопримечательности северной столицы и через двое суток возвратились в часть. После этой поездки Толик и предложил Аленке выйти за него замуж. Он сделал то, чего она больше всего боялась. Она боялась не его капризности, не его зависимости от матери. Она боялась за себя. Сможет ли она найти подход к девочке, которая хорошо помнит свою родную маму? Не будет она чувствовать себя мачехой по отношению к ней, особенно когда родится их совместный ребенок? И какие у них будут отношения со свекровью, если, по рассказам Толика, она волевая своенравная женщина?

Ответ она ему не дала. У нее оставался еще год учебы в институте, а за год может много воды утечь. И он, и она могут встретить свою судьбу в другом месте и без раздумий броситься в омут любви. Да и Аленка должна посоветоваться с матерью, как вести себя дальше с Толиком и стоит ли связывать с ним свою дальнейшую жизнь.

Но как бы там ни было, а дядя Гриша не дождался племянницы домой и в третий, и в четвертый, и в пятый вечер. Не корил он и Толика, чувствовал, что завязываются молодые по-серьезному и надолго. «Зачем им мешать, — убеждал сам себя дядя Гриша, — пусть узнают друг друга лучше». Хотя его жена упрекала за мягкотелость и неумение навести порядок не только со своими подчиненными, но и с собственными дочерьми и племянницей. А Григорий Дмитриевич отшучивался:

— Это наш брат, мужик, стойкий. А ваша половина хлипкая в этом вопросе. Особенно сейчас. Посмотри видеofilm. Разврат полный...

— Ты не забывай, что Любочка тебя взгреет, если что-нибудь с Аленкой случится. Она же твоя гостя. Ты за нее несешь ответственность. Так что не превращай возникшие сложности в шутку...

Дядя Гриша знал этих парней, надежных в полете, поэтому доверял, в какой-то мере, им девчонок, чувствовал, что ребята не переборщат в отношениях к ним.

Аленке не пришлось сразу Толик по душе. Ее угнетала его кажущаяся скрытность. Ей казалось, что он что-то ута-

ивает от нее, поскольку в его разговорах всегда сквозила недосказанность. И они расстались, так ни до чего и не договорившись, в надежде, что время и разлука все расставят по своим местам.

В тот год Аленка проходила учебную практику в Дундинке, на хореографическом отделении, которым руководила Ирина Николаевна. Она с любопытством наблюдала, как Аленка, ее бывшая ученица, работает с детьми, и радовалась, что растет достойная ей смена.

Несколько раз Аленке звонил Толик, говорил, что скучает, любит и очень хочет встретиться, тем более, что авиабилет возьмет по воинскому требованию. Но прошел октябрь, ноябрь, а он все не мог выбраться в дорогу.

Наступила темная пора, с жестокими декабрьскими морозами. Толик, предупредив на службе лишь дядю Гришу, питерским рейсом вылетел в Норильск. Аленка со своим школьным товарищем Денькой нашли частника и выехали в аэропорт.

Толик шел в легкой летной куртке, форменной фуражке, прикрыв уши руками и спрятав подбородок в воротник куртки. Пронизывающий колющий ветер заставлял вздрагивать остывающее на ходу его тело. Аленка с Денькой встретили его у проходной и напустились на него с нравовыми обвинениями:

— Да ты что, не знаешь Севера? Ты же не в Сочи прилетел, а за Полярный круг. Тут быстро ледышкой станешь.

Они уже в машине узнали, что Толик прилетел «по секрету» от сослуживцев и от родных. Он не брал с собой теплую одежду, чтобы не «засветиться» в части. Денька достал в салоне бутылку водки, налил полстакана и протянул Толику.

— Давай за приезд и для сугреву, а дома потом разберемся.

Толик выпил водку, но с холода даже не почувствовал ее горечи, закусил квадратиком шоколада и только теперь ощутил возвращение тепла. Он-то и на морозе был минут десять, но успел глотнуть холода всем телом. Дрожь постепенно уходила, а боковые стекла у салона затянула тонкая пленка сивушного налета. Пассажиров тянуло ко сну.

40

Домой добрались через час. Любочка уже накрыла стол, сменила халат на платье и ждала гостя. С Николаем Васильевичем она уже была в разводе. А он проживал в малосемейке, в доме, где находился нарсуд. Поэтому его не приглашали на смотрины. Да Любочка и сама не знала: смотрины это или очередное свидание молодых.

Толик сидел за столом, опустил голову, и украдкой из-под лба посматривал то на Аленку, то на Любовь Дмитриевну, то на Деньку. Антон после развода с Галкой жил с матерью. Он с любопытством смотрел на Толика и думал, можно ли такому большому штурману доверять свою хрупкую сестренку. Сам он временно не пил, поэтому заботливо подливал гостям водочку, что-то спрашивал у Толика о Питере, успокаивал уже напившегося Деньку, собкора местной газеты, влюбленного еще со школы в Аленку. Добрая душа, он не ладил с отчимом, снимал где-то квартиру, отчетливо иногда пил чуть больше возможного. Аленку же любил романтично и ради одного ее слова мог идти пешком хоть на Северный полюс.

Толик по приезду в Дудинку еще раз предложил Аленке стать его женой. Через полгода она заканчивала институт и уже могла твердо определить свою дальнейшую судьбу. Но Любовь Дмитриевна тревожилась за ее будущее. Она спросила у Толика, где они будут жить, как отнесется Машенька к новой маме и что скажут его родители о выбранной им партии. Толик не готов был ответить на дотошные вопросы будущей тещи и обещал при приезде в Москву кое-что уточнить и согласовать с родителями. Ситуация для молодых кое-как стала проясняться, хотя вопрос о свадьбе так и не был решен. Снова отложили все до лета.

После госэкзаменов уехала Аленка в Москву, познакомилась с родителями и дочкой Толика, поиздержала почти все деньги и с надеждой ждала приезда мамы в отпуск. Любочка приехала и начала разговор со сватьей, а та ей сразу в лоб: кто будет детей содержать? Сын, мол, уже полгода не летает, зарплаты нет, и как он будет кормить семью — неясно. Любочка внимательно посмотрела ей в глаза, этим как бы пригасила напористость сватьи и спокойно сказала:

— Я живу одна. Зарплата для Севера небольшая. У меня еще сын разведенный. Дала я ей на лето шесть миллионов, вот они уже два месяца их проедают. Толик все лето на ее иждивении. А кончатся деньги? Что дальше? А ребенок появится?

Сватья, крупная большеглазая женщина, работающая директором училища и способная решать в одночасье десятки задач, от услышанного словно опешила.

— Мы приучали своего сына всегда жить самостоятельно. Материально мы ему никогда не помогали. Летной зарплаты ему вполне хватало, чтобы жить и не думать о куске хлеба. Единственное, в чем мы помогли, — это в покупке автомашины.

— Ну, а результат вашего отношения к сыну? Денег нет, квартиры нет, дочери нужна одежда в школу. Он же не готов сейчас к созданию семьи. А кто будет ухаживать за вашим престарелым мужем? Ведь у него нарушена психика. И взвалить все на Аленку? Она через месяц такой жизни сама психом станет. Давайте вместе искать выход, коль молодые устраивают друг друга.

— Я вам раскрою секрет. Я днюю и ночую на работе. Кое-как собрала себе на квартиру. Я хочу еще устроить свою личную жизнь. Старик этот у меня — второй, и я у него — вторая. Двадцать лет разница. Когда-то был главным штурманом воздушной армии. Крепок был, как кедр. И душой, и телом. Лет пять, как потерял потенцию, а приобрел расстройство психики. Сейчас ему восемьдесят. А мне еще нужен мужчина.

И сватьи договорились, что Аленка до декретного отпуска работает в Дудинке, а потом приезжает в Москву рожать. А за это время необходимо решить множество проблем, возникших у молодых.

Любочка внешне не выдавала своей тревоги, но подспудно держала и другой вариант: если не склеится их жизнь, то ребенка они воспитают с Аленкой без папы и его алиментов. Она долго не решалась об этом говорить, но потом позвала Толика и высказала ему все и в присутствии матери:

— Толик, извини за резкость, но я вынуждена сказать прямо в глаза. Если у вас не заладится жизнь, то я ребенка воспитаю сама, без вашей помощи. Воспитаю, как бы трудно мне ни пришлось.

Любочка еще три дня побыла в Москве, повздыхала, видя, что ждет Аленку в ближайшем будущем, и недовольная уехала в Старый Оскол для ремонта купленной ею три года назад квартиры.

41

Уже два года, как она в разводе с Николаем Васильевичем. Добилась ему малосемейки с ванной, туалетом и кухней. Антон сделал ремонт, помог перевезти в новую квартиру двадцать семь предметов согласно реестру, составленному отцом. Квартира теплая и окнами выходит на улицу. Любочка регулярно стирала постельное и нательное белье, рубашки Николая. Иногда носила ему обеды и ужины, чтобы хоть немного облегчить его холостяцкую жизнь.

А ускорил развод один случай. Любочка однажды летом уехала в командировку недели на две, оставив дома мужа и сына. Уезжая, просила, чтобы не пьянствовали и не пропускали работу. Обещали, но слово свое не сдержали. Только Любочка за порог, как пошла в квартире обильная пьянка. Во время очередной ходки в киоск за водкой, Николай встретил двух пьяных «шалав». Те, увидев водку в руках Николая Васильевича, двинулись за ним, пошатываясь от хмельной тяжести. По их испитым лицам трудно было определить возраст, но каждая из них годилась в матери Антону. От них шел неприятный запах давно немых волос, а их замызганные платья уже давно не были в стирке. При «нормальной погоде» аккуратный и брезгливый Николай никогда бы не клюнул на таких «красавиц». Но здесь хмель взял верх, и он вместе с Антоном, добавив в желудок «шалав» «жидкого топлива», развели их по разным комнатам...

Когда же Любочка вернулась домой, то была удивлена пустотой, появившейся в квартире. Не было на привычном месте кровати, тумбочки, костюмов Николая. «Неужели просадил?» — мелькнула мысль, хотя при его алкогольной распушенности он никогда не пропивал домашние вещи.

Оказалось, что при очередной попойке солистка ансамбля большеглазая и близорукая Нинка, скуластая, под долганку, свела Николая со своей знакомой и под звон бутылок сосватала мужика. Он прожил у нее несколько дней, «обкатался» как мужчина, и она потребовала его «приданое». Благо их дома были рядом, и Николай с Антоном без особых потуг перенесли его вещи к новой подруге Клаве. Но когда и подруге, и Николаю наскучили любовные утехы или просто погас запал, Клава, протрезвев, увидела, что ее «свежий» мужик и не думает выходить из запоя. Тем более, что он находился в отпуске. Отпускные разлетелись по ларькам, а Николай после трех недель разудалой семейной жизни был выставлен Клавой за порог.

Опять пришел он к Любочке, как побитый пес. Опять изрек избитую фразу: «Я обещаю верности не давал». А она, брезгливо поморщившись, сказала:

— Теперь уже я тобой брезгую, когда ты тянешь под себя любую пьянь, любую дрянь, целуешь каждую помойку. Я подаю на развод. И больше ко мне даже пальцем не прикасайся!

И стал жить Николай Васильевич в теплой и уютной комнате. Хотел пожить один, но знакомые алкаши и алкашки не давали покоя, навещали его, когда надо было выпить бутылку водки. Только для близких знакомых он при-

думал условный сигнал, по которому мог открыть дверь неожиданному гостю. Когда Николай Васильевич уходил в очередной запой, то достучаться Антону или Любочке было невозможно. Он слышал, но никому не открывал. Но если он гулял с очередной дамой, Антону радостно распахивал дверь, чтобы доказать ему (а он передаст матери), что отец — мужик хоть куда и у женщин в почете.

Особенно часто Антон заставлял у него Синилу, журналистку местной телерадиокомпании. С присущим всем красавицам нахальством, она бесцеремонно появлялась у Николая Васильевича, крепко пила и оставалась на ночлег. Он был с ней обходительным, насколько позволяло его состояние. А Синильга, влюбчивая натура, имеющая троих детей, находила здесь отдушину, укрощая свои страсти в постели. Они даже подумывали зарегистрироваться, жить в ее трехкомнатной квартире, а гостинку отдать старшему сыну. Когда она уезжала в отпуск, то хотела взять его с собой. Боялась, что он тут без нее скурвится. А у Николая Васильевича отпускные были уже на исходе. Денег не хватало даже на дорогу до Ростова. А подругу это не прельщало. Ей нужен был он с деньгами. Ах, если бы она знала, что видит его в последний раз! Прощались они основательно, даже пили немного, чтобы оставить надолго впечатление, как оказалось, последней бессонной ночи.

Утром, когда она уходила с легкой сумкой на автобус, он сыграл ей на баяне «Прощание славянки», отложил инструмент в сторону и крепко поцеловал ее в губы. Потом долго смотрел ей в след из окна, пока она ни скрылась за углом пятиэтажки. Выйдя из запоя, Николай Васильевич добровольно «сдался» врачам. Приняли там его, как старого знакомого, и когда Антон женился второй раз на местной немке Наталье, отец вечером позвонил из профилактория в ресторан и попросил музыкантов поздравить молодоженов с законным браком. Дней десять он был на лечении, потом тайно собрал свои вещички и «дал ходу» домой. Несколько раз за ним приезжала «скорая», милиция. Звонили, стучали, заезжали на работу, но он в тревоге сидел дома и никому не открывал...

После свадьбы Антона уехала Любочка в отпуск, а Николай Васильевич не появлялся днем даже на улице. Он вечерами выходил из дому и, озираясь, шел в магазин, чтобы купить продукты и водку. Иногда он посылал своих знакомых «бичей» или сантехников, с которыми не раз выпивал.

Оставшаяся за Любочку заместитель директора Евгения Витальевна, русая голубоглазая женщина, случайно встретила Антона и попросила его найти отца. Антон заходил несколько раз, стучал, но тот так ему и не открыл, ссылаясь, что боится милиции.

Однажды вечером, когда летние сумерки опустились на город, Антон, с бутылкой водки, зашел к отцу. Тот открыл дверь и стал у порога, изрядно заквашенный и заросший, как чикагский фермер.

— Какого хрена шарашисься по ночам? Что опять на Плу сел? Меня милиция ищет. Стучат каждый день. Так что иди гуляй, а то и тебя повяжут...

И он попытался захлопнуть дверь перед носом Антона.

— А у меня пузырь есть. Хотел тебя подлечить...

— Ладно, заходи, пока ментов нет.

Он резко захлопнул дверь, закрыл на ключ и еще постоял несколько минут в коридоре, прислушиваясь, не стучит ли кто к нему. Потом забежал в комнату и, спрячась за

Антон, прошептал:

— Послушай! Они снова стучат.

Антон прислушался, потом подошел к двери. Было тихо. Даже входная дверь подъезда не скрипела от ветра. Сын вернулся в комнату и увидел спрятавшегося под стол отца. Николай Васильевич весь дрожал, закатив вверх глаза, и тыкал правой рукой куда-то в угол:

— Вон они! Вон они! Идут! Менты идут!

Антон ударил его по вытянутой руке и посмотрел ему в возвращенные на место зрачки. В них было безумие.

— Отец! Да у тебя уже «галлюнчики» резвятся. Допился до чертиков. Вот тебе и мерещится милиция.

Он не стал выслушивать Антона, а быстро метнулся в туалет и закрыл дверь на защелку. Сын слышал, как отец рвал на себя дверную ручку и кричал испуганным голосом:

— Не пуцу!

Потом в туалете стало тихо. Антон подумал, что отец уснул. Он включил телевизор, открыл бутылку водки и налил в стакан.

Над столом стоял спертый сивушный запах, смешанный с вонью давно погасших окурков, огуречного рассола, остатков высохшего винегрета и давно не мытых тарелок.

— Как он в такой грязи может пить, а тем более жить? — подумал вслух Антон, увидев кавардак на столе.

Он возмутился так, как будто сегодня впервые увидел эту грязь.

«Неужели и я таким бываю, когда перепью, — думал Антон, убирая со стола остатки отцовской трапезы. — Вот бы на себя со стороны взглянуть. Да и ему тоже бы не мешало. А то никогда не верит, что он вытворяет по пьяни...»

Антон постучал в туалет.

— Открывай! Я буду посуду мыть...

Снова установилась тишина. Из-за двери доносилось тяжелое дыхание отца, а потом послышался шепот:

— Антон! Менты ушли?

— Да открывай! Никаких ментов не было. Отодвинь защелку!

— А не врешь?

— А что мне врать? Я ведь хотел тебя опохмелить...

Отец долго не мог пальцами попасть на защелку. Наконец, отодвинул ее и медленно начал открывать дверь. В проеме двери сначала показалась его голова, с застывшим ужасом в глазах.

— Ты точно один?

— Один, выходи, не бойся.

Отец сел за стол, ссутулился, отчего казался маленьким и совсем исхудавшим.

Сын перемыл посуду, выбросил в унитаз гору окурков, вытер мокрой тряпкой клеенку, подмел пол и открыл форточку.

— Пусть выйдет этот смрад на улицу, а то тут задохнуться можно. А мы с тобой пока по грамму выпьем, — подал он стакан с водкой отцу. — Я тут свежей колбаски принес, хлеба да банку горошку. Поешь, а то совсем дошел...

Они выпили с отцом по полстакана водки, закурили и несколько минут сидели молча, словно готовились к серьезному разговору. Голова отца медленно опускалась на грудь, потом быстро поднималась вверх, смотрела перед собой мутным пустым взглядом и снова съезжала вниз, по-

ка удобно не легла на сложенные на столе кулаки. Отец храпел. Храпел надрывно, с каким-то внутренним всхлипыванием, будто плакал. Антон взял под мышки отца, приподнял и потащил на кровать. Тот открыл глаза и закричал в испуге:

— Не надо! Не надо! Я не хочу лечиться.

Он сполз с кровати на пол и сел, вытянув ноги. Сначала посмотрел в один, потом во второй угол, затем на дверь и наконец уставился взглядом в окно. Вдруг ни с того, ни с сего он замахал руками, словно прикрывал лицо от назойливых комаров.

— Вон они, черти, толпой в окно лезут! Зубы скалят! — закричал он и, сняв с ноги тапок, бросил в сторону окна, но попал в радиатор.

Антон подбежал к нему, схватил его за плечи и сильно встряхнул, глядя в пустые отцовы глаза.

— Да у тебя уже крыша едет! Поднимайся, папаня, да ложись спать. Я буду здесь ночевать...

Отец заерзал по полу, освободил плечи от рук сына и сказал:

— Спать нельзя! Они меня найдут и убьют! Ты посмотри на их страшные рожи...

И он пополз снова под стол. Потом взглянул на открытую форточку, резко поднялся и кинулся ее закрывать. Правой рукой он держал зашелку, а левой делал движения, как будто выталкивал в форточку что-то живое. Он весь дрожал, суетился, не в силах повернуть зашелку, становился на носки, пытаясь дотянуться до форточки. Его ноги подкосились, и он обессиленно сполз по подоконнику на пол. Антон сам закрыл форточку.

— Поднимайся, пошли спать. Время уже двенадцатый час...

Отец лежал на полу и никак не реагировал на просьбы сына. Тогда Антон разозлился, глубоко вздохнул, поднял обмякшее тело отца и попытался поставить на ноги. Ноги подгибались в коленях, а туловище висело на Антоновых руках.

— Ты стоять-то хоть можешь? — обратился Антон к почти спящему отцу.

Ответа не было. Он положил левую обмякшую руку отца себе на плечо, обхватил ею свою шею и, медленно переступая, двинулся с ношей к кровати.

Подойдя к двери, отец словно очнулся, уперся свободной рукой в косяк и, не поворачивая головы в сторону Антона, спросил:

— Куда ты меня суешь, сопляк? Иди-ка ты отсюда на...

Антон обозленно выскользнул из-под его руки. Отец зашатался на своих глиняных ногах, беспомощно ища правой рукой опору в проеме двери. Шатаясь, он пытался опереться о воздух, на миг потерял равновесие и, как подрубленный, упал на косяк, наткнувшись левым предплечьем на торчавший в наличнике гвоздь. От сильной боли он дико закричал, медленно оседая на пол. Из-под ключицы через разорванную рубаху был виден маленький фонтанчик густой темной крови. Он схватился рукой за плечо и зло посмотрел на Антона. Сквозь пальцы сочилась теплая сукровица.

— Это ты меня подрезал, говнюк, — прошипел он слабым голосом. — Смотри, как хлещет кровь.

Антон боялся крови, но здесь пересилил себя, подошел к отцу, помог снять потемневшую местами рубаху. Он

схватил простыню и хотел ею прикрыть рану, но отец оттолкнул его со словами:

— Пошел вон отсюда, щенок.

Кровь пятнами блестела на линолеуме, засыхала размазанными полосами на наличнике, стекала обильными струями по груди Николая Васильевича. Его губы стали синеть. Антон снова подошел с простыней к сидящему отцу.

— На простыню! Прижми сам рану. Кровь темная, видно, артерию пробил. А может, скорую вызвать?

— Ты что хочешь опять меня на лечение сдать? Я лучше подохну, чем туда пойду. Исчезай отсюда пока цел. Отвали...

— Ну и подыхай, коль я не нужен, — с обидой ответил ему Антон. — К тебе я больше не зайду.

И он ушел в полумрак ночи, оставив одного истекающего кровью отца. Антон боялся, что если сюда нагрянет милиция, то его будут таскать следователи, пока не выяснят, что же произошло с отцом. А если отец, не дай Бог, умрет, то ему могут и дело пришить об убийстве.

Шел и думал, прав он или не прав, оставив в таком состоянии отца. У него была мысль возвратиться к отцу, перевязать его и сбежать в «скорую помощь». «Но ведь он снова кинется в драку, будет хватать нож или табуретку, хотя с похмелья силенок маловато, — вспоминал Антон недавнюю стычку с отцом. — Нет, не пойду. Пусть выкарабкается сам...»

Николай Васильевич слабел. Теперь он передвигался по комнате, держась за стенку руками и оставляя на обоях кровавую абстракцию. А кровь не унималась, хотя ее фонтанчик медленно угасал. Сердце уже работало на пределе. Стали остывать и синеть руки и ноги. Он дополз до ванной, открыл горячую воду и, стоя на коленях, попытался согреть руки и смыть с груди стекающую кровь. Все это он делал в полудреме. Дрожащими руками он успел закрыть кран, и теперь у него все плыло перед глазами и становилось размытым и туманным. В пьяном бреду у него так и не появился страх смерти. Он медленно выполз из ванной комнаты, добрался по коридору до входной двери и попытался ступить на колени, чтобы ее открыть. Силы его были на исходе, и он, чуть приподнявшись, неловко завалился на спину и стал засыпать. Он лежал на полу, залитый кровью, и остатками сознания ощущал наступление блаженного сна, уже почти не чувствуя собственное тело...

42

...А Любочка в это время была в Старом Осколе вместе с Аленкой, Толиком, Машенькой и внуком Женькой, приехавшими чуть позже ее.

С утра до вечера крутились в трехкомнатной квартире, занимаясь ремонтом да покупкой кое-какой мебели в магазинах. Работы было невпроворот, дни отпуска летели незаметно, а новые проблемы возникали, как грибы после дождя. Пришлось менять радиаторы, стеклить балкон, облицевать метлахской плиткой кухню, ванную, туалет, обить двери. А уж обои переклеивали во всех комнатах! Одним словом, много было сделано, но предстояло сделать еще не меньше.

Из Дудинки позвонили сестре Зине и передали, что Любочкин муж Николай Васильевич скорострительно умер. Он почти неделю пролежал в квартире, вздулся, почернел и

уже начал разлагаться. Жильцы дома, проходя мимо его квартиры, закрывали носы, но в милицию не звонили. Выжидали. Антон после того «кровавого» вечера не приходил к опу. Он не предполагал, что отец может умереть от пустячной раны, а встретиться с живым боялся, потому что виновным во всем окажется он, Антон. А еще он боялся милиции. Ведь почти вся квартира была залита кровью, и менты начнут разбираться, кто виновен в кровавой потасовке.

Когда ему позвонили, что отец по-прежнему не появляется на работе в ансамбле, где он был совместителем, Антон испугался. Он теперь испугался предполагаемой смерти отца, в которой был и сам виновен. Идти к нему один не решился и прихватил с собой друга. То ли от переживаний, то ли от страха увидеть наяву предполагаемое, Антон не смог открыть чуть перекошенную, но не запертую на ключ дверь в квартиру отца. Став на подоконник со ступенек крыльца, друг посмотрел в форточку и увидел в проеме двери торчащие ноги. Он разбил стекло и почувствовал трупный запах. Быстро слез с подоконника, сбежал по ступенькам крыльца на землю, прикрывая рукою рот. Его сильно рвало. Антон кинулся к нему, поначалу не понимая, в чем дело, а друг захлебывался рвотой и ничего не мог сказать. От нагули лицо его было красным и сильно слезились глаза. Когда прошел приступ рвоты, сказал:

- Там труп, ноги торчат, вонь невыносимая.

Антон не стал открывать окно, чтобы посмотреть на мертвеца, а сразу побежал в милицию.

Когда он с милицией вошел в квартиру, то сразу определил, что это не отец.

- Он был худой и среднего роста, — растерянно разводит Антон руками. — А этот большой, и вес, видно, не меньше сотни.

Звонили Любочке. А она до сих пор не верила в смерть мужа. И у нее возникло сомнение, что умер кто-то из «бичей», посещавших Николая Васильевича по пьяному делу. А он сам испугался и куда-то исчез от греха подальше. Но через три дня Антона вызвали уже в морг на опознание, и он по пальцам узнал отца. Антон здорово сыграл ничего не ведающего человека, а милиция не стала особо вникать в причину смерти очередного алкаша.

На похороны ни Любочка, ни Аленка не поехали. Любочка знала, что ее осудят люди. Осудят за то, что не приехала хоронить бывшего мужа. Никому нет дела, что она с ним уже два года в разводе. Все знают одно: к покойнику надо относиться с сочувствием, хотя это сочувствие ему уже ни к чему. Попросила она своих работников помочь сыну в похоронах, помянуть по христианскому обычаю, а сама заказала в церкви молебен в день похорон и на девять дней. А из души долго не уходила раздвоенность. Николай Васильевич, несмотря на развод, по-прежнему оставался для нее своим. Ведь не может исчезнуть, выветриться из памяти за два года то, что рождалось и развивалось между ними последние двадцать пять лет. Она порывалась лететь, хотя авиабилетов уже не было на ближайшие две недели. Люди возвращались на Север из отпусков, и попасть на самолет даже по трагической причине было невероятно трудно. А незавершенный ремонт и нехватка денег на дорогу сдержали ее душевный порыв. Вскоре сообщили Любочке, что Антон опознал труп. Она, посоветовавшись с доктором и зятем, окончательно решила не выезжать на похороны.

Когда вернулась из отпуска, то зашла с Антоном в квартиру покойного мужа и представила себе всю трагедию, которая произошла с Николаем Васильевичем. На полу, на стенах, в ванной и в коридоре кровью была написана картина последнего часа жизни ее мужа. Она почти неделю смывала кровь, проветривала комнату, белила и красила, клеила обои. Антон первые дни не помогал, так как не мог переносить трупный запах, устоявшийся в квартире. Да и боялся один оставаться дома. Боялся, как ему казалось, мести умершего отца. Пришлось Любочке оставить Антона с новой женой в своей квартире, а самой перейти в бывшую квартиру Николая Васильевича.

Жутко было ей там жить, особенно когда выключала свет и ложилась спать. Сначала не давали покоя страшные сны, стуки-грюки в дверь, потом кажущиеся звуки вращающегося в замочной скважине ключа. И во всех этих снах, приходивших к Любочке в коротком забытьи, появлялся Николай Васильевич. Она правой рукой накладывала крест на его сном сотворенную явь, просила не прикасаться к ней. А он входил в квартиру, шелкая замком, через дверь, через открытую форточку, а иногда являлся уже сидящим на постели. Она удивлялась сама, что подробно помнила все сказанные им и собой фразы, видела его тело, покрытое множеством болячек, и его недовольное лицо. Она никогда не теряла самообладание во сне, довольно логично и сдержанно вела себя при «встречах» с покойным, но чувство страха оставалось даже после побудки. Она не раз подумывала сменить квартиру.

Потом все же привыкла к ней, отвлекалась чтением книг, вязанием да глядением телевизора по вечерам.

43

А время бежало с невероятной быстротой. С утра до вечера она на работе. И все люди, люди, люди. Дел приятных мало, потому что приятные дела, кажется, делают сами собой, а неприятные к горлу с ножом подступают, требуют лишней траты нервов, заставляют в чем-то уступать, а иногда идти против своей совести, лишь бы только снять неприятность. Бывают дни или недели, когда творчество для нее уходит на задний план. То мирит семейную пару, то «воспитывает» завхоза, то ругает методиста за опоздания на работу, то критикует ночного сторожа за плохо очищенные от снега ступени. Есть у нее в коллективе и шептуны-подстрекатели. Их единицы, но есть. Столкнул они двух работников лбами, а сами со стороны наблюдают за событиями, пока директор не поставит все на свои места. То, бывало, Любовь Дмитриевну доведут до белого каления своим нашептыванием, а потом молча исчезают с «поля битвы», пока идет перепалка между директором и «попавшим в опалу».

Терпеть она не может этих «шептуний». Их всего в коллективе двое, но шкодят они частенько. Не может она им доверять большие дела — подведут, а виновного всегда найдут на стороне, чтобы на него вылить всю грязь за провал какой-нибудь «тусовки». Завистливы и лицемерны, как «новые русские». За рубль готовы забыть даже собственную мать, а предать другого человека ради себя, «переступить» через него ради своей корысти считают едва ли не высшим своим достоинством. И вечный плач о нехватке денег, хотя живут лучше других, да и за модой успевают. Болеют до

желтизны от зависти! Собственную желчь до того взбудоражат, что она проступает даже на их лицах и долго, долго не улетучивается. Злы они на весь мир, а людей не то что не любят, а ненавидят, хотя сами себя считают людьми высокого полета. Завидуют они открывающимся в Дудинке фирмам, десятками разбросанных по городу «комков» и подобострастны перед их владельцами — тупыми, но разворотливыми дельцами. Они «материалисты», а духовность им и на дух не нужна. Власти церковь открыли на первом этаже пятиэтажки, чтобы хоть как-то поддерживать духовность среди прихожан, но не среди горожан. На городских видеоканалах бесятся порнография да американские боевики, где властвует «материя» и жестокость. Уже и проституция набирает свою силу. Шестнадцати-двадцатилетние девушки предлагают телесные услуги не только своим сверстникам, но и дядям, и дедушкам, которые в состоянии дать за сеанс двести «штук». А те, что «поскромнее», слоняются по улицам города с узкими зрачками и исколотыми венами. Наркотический дурман сильнее декабрьского тумана «туманит» им головы, разрушает психику сильнее полярной ночи.

Любочка всеми фибрами души не приемлет это нашествие «цивилизации» в маленький заполярный город и чувствует свое бессилие удержать людей от разнужданных соблазнов той богатой жизни, которую вещает нам Запад за смену исконно русских приоритетов на сумасбродный коллаж их благополучия: совестливость на бессовестность, коллективизм на индивидуализм, духовность на материальность, патриотизм на космополитизм, душевность на бездушные, культ личности на культ наличности.

Необычно рано, в двадцатых числах мая, прошел ледоход на Енисее. Ни Иван Юрьевич, проживший на Севере три десятка лет, ни Любочка, встречавшая в Дудинке уже двенадцатую весну, не помнили такого раннего ледохода. Правда, прошел он тихо, без большой воды и ледовых нагромождений. На залитых половодьем причалах громоздились зеленовато-голубые и серебристые льдины.

Ледокол «Авраамий Завенягин» выгонял их из речки Дудинки, колол на части и выталкивал на фарватер Енисея, очищая водную гладь для прохода зимовавших в отстое катеров. Все было, как всегда, только не было ожидаемого тепла.

Шел нудный дождь, с сильным северным ветром. Чайки, как на качелях, резвились на потоках воздуха, взлетали вверх, подставляя грудь пронизывающей стуже, падали вниз, касаясь крылом ледяного крошева, и, подхваченные порывом ветра, снова зависали в воздухе.

А над городом, со стороны геологоразведочной экспедиции, шли темные тучи. Они цеплялись за крыши пятиэтажек, спускались к Енисею, добавляя белизны разгулявшимся на реке волнам.

— Будет шторм, Любовь Дмитриевна, — сказал Иван Юрьевич вошедшей в кабинет директрисе, глядя на Енисей сквозь запотевшее окно. — Надо крышу менять в вашем доме, уже обветшала. Смотрите, прямо по стене стекает вода. Фасад весь опаршивел. Шелушатся стены.

Уже лет восемь прошло, как исполком из деревянной двухэтажки перевели в здание окружкома партии. Теперь Дом культуры весь рабочий день находился перед глазами Ивана Юрьевича. Ему из окон второго этажа видно, как работники Заречневой выходят на службу, как в хореографи-

ческом классе занимаются артисты ансамбля, как к вечеру вываливаются из здания хмельные музыканты или актеры ТЮЗа. Иногда они уходят направо, чтобы не идти перед окнами управления культуры, а когда хмель застилает очи, то идут направо, куда ноги несут, не боясь начальства.

Любочка строго спрашивает с сильно пьющих, на планерках «прочистает им мозги», пытается некоторых уволить, но сердобольный суд восстанавливает их на работе да еще и упрекает директора за незнание законов. А какой закон может действовать на алкоголика, если он в трезвости чувствует себя больным! А выпил — болезнь как рукой сняло, и он при «нормальной» дозе готов работать «с весельем и отвагой». Но через час-полтора его нутро начинает требовать водки, а в голове появляется туман. Находит он волю даже в «тумане», и к концу рабочего дня из его естества исчезает человек, а остается лишь неугомонная тень, тяжело бредущая по земле туда, где есть возможность выпить. Попадает и директору от начальства за пьяные выкрутасы ее работников. Вот и сегодня — третий день, как гуляет Василий Коренков. Женился, было, в очередной раз, да снова нелады пошли в семье. Жена его, Светка, внешне крепкая баба, стала быстро «спиваться» от семейной жизни. Правда, он ее уже брал такой, психически расстроенной от частых выпивок. Иван Юрьевич дал им квартиру, хотя и не верил в такой семейный союз. Василий привез из Тобольска мать-старушку. Думал, может, она станет цементирующим слоем в его семейной жизни. Не получилось. Проводил он свою супругу, с вещами, в другой дом, а сам остался с матерью. Та пыталась как-то урезонить Василия, наставить на путь истинный.

— Что же ты, сынок, такой непокладистый, тебе ведь скоро пятьдесят пять, а с женщинами так и не научился себя вести. Надо быть уступчивей. Женщины любят в семье верховодить. Правда, не такие, как Светка. Взбалмошная она у тебя была. Вроде дебильной. Да и пить надо было обоим меньше. Я видела, как втравляла она тебя в пьянку. А ты, мужик, не мог ее одернуть, потому что сам бессильный к зелью. И прекращай пить, а то пожалуюсь Ивану Юрьевичу. Расскажу, как ты ведешь себя дома...

— Да помолчи ты! И так тошно на душе. Завтра заканчиваю пьянку и пойду извинюсь к Любове Дмитриевне и Ивану Юрьевичу. Простят. Он уже мне простил почти двадцать лет. Думаю, простит и сейчас.

И он с жадностью выпил рюмку водки...

— А с композитором твоим что будем делать? — задал вопрос Иван Юрьевич вошедшей Любове Дмитриевне.

— Терпеть будем, Иван Юрьевич! Его уже не переделаешь. А работать может, пока трезвый...

— Есть возможность дать ему ссуду, поддержать чуть-чуть материально и морально. Приходи завтра с ним в десять часов утра на «разбор полетов».

Утром Любовь Дмитриевна вместе с Коренковым пришла к Ивану Юрьевичу.

— Кого я вижу? Василий Александрович, да на вас лица нет! Все тело дышит водкой. Присаживайтесь.

Он сел на стул, сжался весь в комок, а дрожащие руки заложил между ног. Багрово-синее лицо сморщилось, а лоб начал покрываться потом. Он, как и каждый алкоголик, по натуре был труслив. Правда, сегодня он готов был к любому наказанию, вплоть до увольнения, а дрожал с позавчерашнего перепоя.

— Ну как здоровье, Василий? Как мать?

— Три дня был в «зоне здоровья» и сейчас выхожу из нее, а здоровья нет. Мать что? Мать ругается. Говорит, жаловаться буду...

— Мы тут тебе ссуду выделили. Правда, сумма небольшая, но кое-какие вопросы ты с ее помощью сможешь решить...

Василий Александрович не ожидал такого разговора. Он был настроен на ругань, а его укутали добротой. Сразу размяк. Его синие губы задрожали от волнения, и по щекам покапались слезы.

— Спасибо, Иван Юрьевич, — виновато бормотал он, вытирая ручейки слез.

— Меня не надо благодарить, Василий Александрович! Только не вздумай просадить! Распорядись деньгами по уму. Посоветуйся с Любовью Дмитриевной. Она подскажет, что с ними делать...

— Ссуда — это хорошо, Иван Юрьевич! Но я при вас говорю: если Василий Александрович будет позволять себе такие запои, то я долго терпеть не буду. Станет на работе неспособен — пусть подойдет и возьмет три дня для «зоны здоровья». Чтобы разговоров не было, что я покрываю его пьянки...

— Ты понял, Василий? Директор правильно говорит. Ужэй ей, и она тебя будет понимать...

— Да я ее уважаю! Всегда поддерживаю, во всех делах. Ну, а когда выпью, то уж тут, простите, такого наговорю, что потом трезвому самому стыдно...

— А маты? Голова седая, а язык красный с перекалу, когда оскорбляете своих коллег. Стыдно бывает за вас, Василий Александрович!

— Я все понял! Больше не повторится! А за доброту еще раз спасибо.

Он встал, кисло, по-чужому, улыбнулся, потому что мягкая физиономия не позволяла ему озариться своею собственною улыбкой.

Иван Юрьевич посмотрел на Любовь Дмитриевну и с сожалением сказал:

— Алкоголик, но страшно талантлив. Держу его за это. Без него многих бы вещей не доставало в культуре округа. И твоего ансамбля, и агитбригад, и его музыки.

— Вот уедет, и снова будет ансамбль на голодном пайке или будет питаться вчерашними «щами».

— Не волнуйся. Многие его песни требуют современной аранжировки, и они зазвучат, как новые. Грамотные музыканты только нужны. Жаль, что ушли Николай Васильевич, Николай Антонович, Александр Дмитриевич, (аккие были баянисты, царство им небесное! А сейчас никого не осталось. Умирает баян на Таймыре. Роки задавили народную музыку, словно хотят заглушить крик людей о помощи. Поэтому мы и не можем докричаться ни до правительства, ни до Президента о развале страны. А наш Север становится все холодней и холодней...

Она согласно кивала головой.

— Да не стужа виновата, Любовь Дмитриевна, холодом веет от душ людских. Никто не хочет занять хоть грамм тепла другому человеку, как раньше было. Вот и коченет человек от бездушия, злым да раздражительным становится, оттого что никому не нужен. Вон Коренков. От неожиданной теплоты да от доброты заплакал. Я думаю, он теперь и сам добрее станет.

Любовь Дмитриевна слушала Ивана Юрьевича и удивлялась его мыслям. Как он доходчиво говорит о проблемах культуры, пропуская их сначала через свою душу, а потом через душу своих работников. Видно, хочет, чтобы люди делали свое дело не по приказам, а по зову души.

Она с восхищением смотрела на своего начальника и понимала, что строгость его больше напускная, чем характерная, а естество его доброту излучает. Да и психолог, чувствуется, неплохой. Жизненный опыт позволяет правильно найти подход к тому или иному человеку, верно выбрать тон разговора и манеру поведения с собеседником.

— А вы знаете, что Ирина Николаевна собирается уезжать?

— Знаю. Жаль. Такого хореографа не сыщешь на всем Таймыре, включая Норильск. А на кого теперь оставить отделение? Твоя дочь в декрете, а достойной замены Ирине здесь мы не найдем. Стало быть уровень подготовки учащихся пойдет на спад. Все-таки хореография во второй школе искусств была высокого класса.

— Двадцать пятого мая у нее выпускной. Приходите на концерт и скажите ей спасибо. Да и подарок вручить не забудьте! Она любит такие церемонии.

— Хорошо! Что-нибудь придумаем, а вы готовьте смету на ремонт крыши и фасада ДК. Если деньги появятся, надо летом ремонтировать. Может, в июне начнем...

44

А начало июня было еще холодным. Редко выпадали ясные солнечные дни, хотя от ледохода на реке не осталось и следа, и лишь на берегах кое-где лежали тающие льдины.

В солнечный день небо становилось голубым и высоким. За Кабацким островом, покрываемым свежей зеленью травы и чуть темной листвой тальника, висела прозрачная дымка. А Енисей в этой редкой тишине казался озером: ни единой морщины не было на водной глади реки.

Солнце медленно поднималось и катилось на северо-восток, укорачивая тени пятиэтажек и девятиэтажек и заглядывая в лужи, оставшиеся после ночного дождя. Прогревающийся влажный воздух казался мягким и теплым.

В акватории порта не было ни единого судна, хотя уже наступило время речной навигации. Причалы очищались после паводка, восстанавливались подкрановые пути, и начинался медленный спуск кранов к воде. Причалы, вытянувшиеся вдоль правого берега Енисея почти на пять километров, казались большой взлетной полосой аэродрома.

Сотни людей с носилками, лопатами и метлами копошились на просторных причалах порта.

Лишь неугомонные любители рыбалки, почуяв лето, стрекотали на «Вихрях» вверх по течению до рыбных мест, где можно и сети забросить, и хорошо отдохнуть с удочкой да еще и возвратиться с уловом.

Любовь Дмитриевна со своим коллективом тоже убирала пятый морской. Теплый легкий ветерок дул с Енисея, нежно поглаживая лица и шеи работающих. Женщины тщательно подметали причал, а мужчины собирали мусор на носилки и ссыпали в кучи.

Она посмотрела на очистные сооружения, стоящие у среза высокого берега, чуть левее здания строящегося музея, и вспомнила первую встречу на «Иване Папанине».

Любовь Дмитриевна подошла к Таисье Яковлевне и спросила:

— Помнишь, как десять лет назад мы здесь встречали Рождество?

— Помню! Видно, не зря нам этот причал приходится чистить. Может, опять к нам мореманы пожалуют в гости.

— Да! Столько лет пролетело, а кажется, будто было это только вчера...

И Любви Дмитриевне захотелось увидеть Сергея Никитича. Уже полтора года они не встречались. Последнее письмо было в апреле. Приглашал ее в отпуск в Таганрог, где остался небольшой дом его покойной матери. Там сейчас хозяйничает Татьяна, его дочь, с сыном. Своей бывшей жене он так и не простил измену, а дочь, после неудачного замужества, приютил, и теперь счастлив, что у него есть семья, где его ждут в отпуск, пишут ему письма и сильно скучают, когда он в море. Годы посеребрили его виски, немало добавили солидности его по-прежнему стройной фигуре, чуть пригасили романтический пыл, но не притупили способность удивляться. Он удивляется самому себе, что уже десять лет знаком с Любовью Дмитриевной и все десять лет влюблен в нее, как влюбляется человек во что-то далекое и недоступное. Удивляется этому постоянству и все сваливает на быстро идущие годы. «Наверное, старею уже быстрее, чем раньше, коль не замечаю вокруг себя женщин. А если и замечаю, то сравниваю лишь с Вами, Любовь Дмитриевна, и вижу, что Вы лучше их», — писал он ей в одном из писем. Сообщал о том, что собрался было сплыв на берег, да теперь внука надо в институте учить. Институт же платный. Жизнь тяжелая. Дочери одной его не поднять. Вот и требуется деду еще походить по морям, пока позволяет здоровье...

...В отпуск она, конечно, не ездила. Посчитала кошунством ехать в отпуск к знакомому мужчине через год после смерти мужа. Да и отпускных хватило бы только на дорогу. К годовщине смерти она с Антоном подсыпала холмик, поставила оградку, покрасила металлический памятник и поманула со своими работниками покойного Николая Васильевича.

Антон по-прежнему тревожит ее душу, но тревожит, как никогда раньше, трагическим предчувствием. Деградирует он на глазах. Лечению не поддается. Дня не может прожить без водки или наркотиков. При отходняке плачет и причитает о своем близком конце. Плачет от бессилия, что не может выбраться из этого дурманящего омота. Любочка и его жена Наталья омрачены этой безысходностью, которая гасит в сердце хоть и редкие, но яркие вспышки радости. Хочется Любочке, чтобы не обходили они ее стороной, чтобы чаще и надолго селились в ее страждущей душе, вытесняя оттуда тревогу, и рождали надежду на тихое и томительное счастье.

...А Сергея Никитича поблагодарила в письме за приглашение и просила его прийти в Дудинку, иначе она через два года уходит на пенсию и уезжает в Старый Оскол. Она писала, что восхищена его долготерпением, которое он пронес через десять лет жизни. Что ее душа потянулась к нему, потому как раньше она умирала, а теперь очнулась и снова захотела жить. Захотела жить, ощутив рядом его, Сергея Никитича. Захотела жить ради ее внука Женьки, ради ее внучки Сонечки, дочери Аленки и сына Антона. Бахвалилась, что была на юбилее Москвы и виделась со свои-

ми внучатами, живыми и здоровыми. И пообещала дать окончательный ответ Сергею Никитичу через два года, когда тот, возможно, станет уже сухопутным мужчиной.

Любовь Дмитриевна так ушла в воспоминания, что даже не среагировала на зов Таисьи Яковлевны пойти подкрепиться в передвижном киоске свежими пирожками...

Она, чуть прикрыв глаза, смотрела вдоль Енисея за самым дальним мыс и представляла, что где-то там, далеко, по океанским волнам спешит в Дудинку долгожданный «Иван Папанин» — корабль ее поздней надежды, спешит по собственному желанию и по взаимному зову обоих сердец.

Дудинка — Старый Оскол. 1996–1997гг.

Юрий МИРОНОВ

Родился на Ярославщине. Десять лет прожил на Таймыре. Автор поэтических сборников «Первый поезд», «Гулкие параллели», «Сила севера», книги прозы «Зачем живем на белом свете?» Публиковался в альманахе «Полярное сияние». Член Союза писателей России.

В ТАЙМЫРСКИХ ДАЛЯХ*

Картины северной жизни

Зимний промысел песца в бегичевской артели «Белый медведь» шел успешно. Артельщики были довольны. И только сам Бегичев, не выдавая пока своих дум, начал тревожиться: продовольствие иссякнет еще до летней поры, мясо уже на исходе...

Факт этот знали все, но сам по себе он никого, кроме Никифора Алексеевича, не волновал: есть целый склад рыбы на льду Пясины, а весной олени с юга подойдут... Один на один со своей тревогой голова артели оставаться мог только до поры до времени. Подумал, прикинул и решил — надо подавать команду: баста, ребята, экономим!.. Затягивайте брюхо, не до жиру, быть бы живу...

Режим экономии хотел установить с понедельника, но отсрочил начало его на вторник: понедельник день не начинный. Не будучи суеверным, Никифор Алексеевич по части понедельника все же был верен старой морской привычке.

А во вторник необходимость такой команды стала ясна каждому: рыбный склад на Пясине, как выясилось, песцы растаскивают — и растасили уже много. Семенов принялся их ругать:

— Ворье несчастное! Твари!.. Грабители!..

Бегичев усмехнулся:

— Мы их тут, они нас там... Невестке в отместку... Надо остатки спасать. Пошли, ребята. Дело швах...

Но сильнее-то всего удручало Никифора Алексеевича даже и не разбойное нашествие песцов на рыбный склад, а появившаяся боль в деснах... Сразу подумал — это от американских галет, потом — хотелось так думать, но уже понимал: цинга... От артельщиков же скрывал, а себе говорил: «Не дрейфь, боцман, авось ничево... Авось — не бог, а полбога есть... — Но тем же «авосем» и возражал себе. — Ага, держался авоська за небоську, да оба и упали».

И все же надеялся: приключалась же с ним такая дрянь во время поисков «Земли Санникова». И кроме него, тогда

оцинжали двое. Но все и поправились. «Поправились... А червоточину-то в организме эта болезнь, значит, оставила — потому и снова прицепилась».

Молчал бы и дальше Никифор Алексеевич о подкравшейся к нему болезни, противился бы ей, как мог, и помалкивал, да появились признаки цинги и у другого артельщика — у Зырянова. Теперь следовало и меры принимать решительные, и дух артели поддерживать. И признался:

— Не боись, Лука Иваныч! Ты не один такой, у меня-то ведь тоже, братец ты мой... Да и не впервой... Ходить надо больше, двигаться. Потому и я, как заметил у себя, начал больше ходить. И ты давай, Лука, тоже, почаще на высмотр пастей ходи. Надо нам с тобой эту гнилую боль из тела выгнать... Я, бывало, когда помоложе-то, голову вниз — и как разбегусь по тундре, чтоб кровушка възграла... Все хвори — на три лаптя в сторону... Кто до ходьбы не охочий — это полчеловека...

Присутствовавший при этом разговоре один из молодых артельщиков Дмитрий Горин, почитавший Бегичева за русского Геракла и всегда им восхищавшийся, в болезнь его не поверил: «Это он, чтобы Зырянова подбодрить... Большой Никифор — и болезнь... Ахинея какая-то... Ну немолод — пятьдесят три на днях отметили, но мощный-то!.. Что рост, что плечи, что шея в плечах... Живой памятник!.. Посмотреть бы, как он с опущенной-то головой разгонялся бежать по тундре... Это же картина...»

И наверняка отступила бы «гнилая боль», и уже начала отступать, но все более ощутимый недостаток нужного питания свел усилия Бегичева на нет. И через неделю, к началу марта, цинга снова решила попытаться свалить богатыря...

Борьба с болезнью шла весь март. Никифор Алексеевич упорно не поддавался: ходил много, высматривал пастники, привозил на собачьей упряжке добычу и Зырянова подгонял:

— Ходи, Лука, ходи. Иначе нашей с тобой жизни — аминь... Скоро первые олени табунки пожалуют, отъ-

* Продолжение. Начало в альманахе «Полярное сияние» за 1997, 98, 99 гг.

едимся... Из лесотундры дикари уже в феврале пошли. К нам идут. В апреле добудем...

К апрелю и старые мясные запасы кончились. Из остатков настряпали пирожков, и Никифор Алексеевич за столом пошутил:

— Это из поскребков... Заговенье, ребята. Великой пост будем соблюдать... Что было в артели — все свертели...

Шутил, но оставляли Большого Никифора силы. На ногах проступили зловещие красные пятна... А в тундре замельтешила белая пурга — та, какую зовут черной.

Через несколько суток поутихло. Бегичев послал Зырянова на охоту:

— Иди, Лука, иди. Не давай себя скрутить проклятой... Я-то пока не ходок, только — до ветру, да и то — хоть ползи... Где одна болячка, там и две — ногу стянуло...

Охота Луки оказалась «пустой»: нет оленей.

— Пурги их, значит, придерживают, — сказал Никифор Алексеевич, но в мыслях и другое было: «Может, сам-то бы я пошел, да и выискал...»

— А пурга опять загуливает... Ох!.. — сокрушенно вздыхал Зырянов.

— Не вздыхай, Лука, — успокаивал его товарищ по несчастью. — Добудем олешка... Одного бы нам только... Выпьем мы с тобой, Лука, кровушки горячей, строганинки мясной покушаем — и оживем...

А как-то, когда за артельным столом собрались все, Никифор Алексеевич оперся щекой на кулак, но после раздумья поднял голову, обвел зимовье взглядом, и сидевшие за столом услышали:

—...А коли уж помереть настал черед, пускай это здесь и будет, возле Океана. Моряком все ж таки был. Немало поплавал, во всех водах Земли... Да и на самой Земле — почитай, на всех материках бывал... Разве что у пингвинов не гостевал... А потом — Север. И уже вся жизнь — с Севером. С этим Океаном, с этой землицей мороженой... Тут на их стыке, значит, и место мое навек... Причал...

На следующий день Бегичев, сидя на своем топчане, попросил бумагу и карандаш:

— ...Напишу домой, Онисье, деткам...

Тетрадь положил на колено, взял карандаш, приставил к бумаге, и... письмо не получилось: рука мелко дрожала, из-под карандаша выходили какие-то слабые ломаные линии. Попробовал зажать карандаш крепче — он выпал из пальцев, отложил и тетрадь, лег лицом к стене.

В обед пожевал хлеба, запил кипятком — «пустым чаем», — вся оставшаяся на зимовье пища, — и попросил:

— Ребята, поставьте мне палатку за избушкой, только чтобы выходом к морю...

Семенов предостерег:

— Холодно же, Никифор Алексеевич... Не июля ведь середина, а мая...

— ...Аи, аи, месяц май — и холоден, и голоден... — печально улыбнулся Бегичев. — Ничего, ребята, я оденусь, а сверху накройте оленьей одежкой. И ты, Лука, — обратился он к Зырянову, — крепись тут... Олени к побережью навер-

няка уже пришли... Устройте меня, ребята, в палатке... А сами — в тундру... Есть олени. Ищите!.. — говорил Никифор Алексеевич тихо, с передышками.

Палатку поставили быстро, соорудили в ней ложе, — «с высоким изголовьем, чтобы и даль видать было», — так велел Большой Никифор своим товарищам.

Оставшись в палатке наедине с окружающей природой, он успокоенно вздохнул и устремил взор на белоснежно-искристый берег, на ледовый припай у берега, на восторошенные льды, на горизонт, где белый цвет переходит в голубой...

«...Я тоже перехожу в другой цвет...», — появилась первая мысль — медленная, как попавшая на глаза полярная чайка над припаем... Да, значит, его место, его причал, здесь. И это Дух Севера привел его умирать к Северному океану... — Бегичев увидел себя в ночной морозной тундре, себя — и белого медведя у охотничьей голомушки. — Да, это приходил его Дух Севера... И он молча укорял: зачем ты назвал свою промысловую артель «Белый медведь»... Не надо так было... Зачем ты убивал белых медведей... Да, не надо было: без белых медведей Арктика — не Арктика, это уж точно. Неужто люди не дойдут до этой мысли, какондошел. Он — «Большой охотник», как они сами говорят, как говорят его друзья-туземцы, — ладный охотник, шибко стреляет, пули задаром не летят...» Отохотился. Лихорадка — не матка: треплет, не жалеет, так и цинга... Отплавал, отходил... Доплавался, доходился, — услышалось вроде бы со стороны. — Нет! Врешь!.. Вон и старик Сеймэ говорит: «Как я свой ум переменяю?..» А ему, Никифору Бегичеву, если не плавать бы, не ходить, так и не ум надо было менять — душу, всего себя. Но это уж не он был бы. Это был бы кто-то другой. Однако, другие — это другие. А он — это он, — Большой Никифор пошевелился — боль!.. — в ногах, во всем теле боль и слабость. Итог всех путей-дорог... Неужели это и все, неужели все им сделанное за всю-то жизнь, воплотиться в эту боль в теле, с ней и пропадет?!... А как же все его плаванья по морям, в русском флоте во славу Отечества?... А серебряный «Георгий» за русско-японскую войну? А Золотая медаль Академии за полярные пути-дороги в поисках «Земли Санникова»? А его Земля... «Земля Дьявола», — им же этот остров открыт, — с костями допотопных животных, с углем и нефтью?.. А золотые часы от Норвегии?.. — Никифор Алексеевич залез рукой под накрывавший его олений сокуй, нащупал часы в кармане, вытащил их — тикают... — А мне сколько тикать осталось?.. Нет! Не должны же люди забыть все эти мои деянья... Неужто забудут... Могла рассосется... Был Никифор да сплыл... в Лету, реку Забвения, — говорят, где-то там, на том свете протекает такая... Нет!» — Никифору Алексеевичу вдруг так захотелось, чтобы имя его не только на кресте осталось — на одиноком и совсем не вечном, — так захотелось, чтобы оно в памяти людской осталось и в чем-то земном, осязаемом! — до щемления в груди захотелось, до слезы в глазах!.. И было ему за это честолюбивое желание ничуть не совестно, — да и чес-

толькие ли это?.. Может, и честолюбие, и слабость человеческая, а может, и нет...

...Взгляд Бегичева задержался на мысе Входном... «Точно руку свою земля простерла, — сравнилось, — простерла, опустила и отграничила, указав: по одну сторону — река Пясины, по другую — Океан... Летом пять годков будет, как, приплыв с Урванцевым по Пясины, окрестили этот мыс Входным... Как тогда радовался — какой край для промысла! Глядел на берег, на мыс этот и радовался. ...Это что же получается... — Бегичев сдержал дыхание, — выходи, это я радовался, на свою могилу глядя... Странно. ...Странно, что он рассуждает будто и не про себя... Почему так спокойно думается про свою смерть? Может, он уже перешел какую-то черту, какой-то мыс Входной... И река его жизни уже позади. Может, он уже одной ногой в Океане Вечности?.. — Никифор Алексеевич закрыл глаза и услышал звон колокольчиков. — Где это я?!.. Это я после поисков «Земли Санникова» на свою родину, в город Царев Астраханской губернии, еду... На почтовой тройке с бубенцами. Это они и дзинькают под дугой такие звенючие — балабончики-громотунчики...» — Теперь Никифор Алексеевич и песню услышал: «...Слышен звон бубенцов издале-ека — это тройки знакомый разбег...» И далекие, почти забытые голоса матери, сестер, братовой услышал: «Никиша, сынок!.. Браток!..» Увиделся Никифору Алексеевичу отчий дом, увиделось время детства, юности: два года церковно-приходской школы и запойное чтение книг... Пойменное займище, залитое весенней Волгой, и сенокосная страда в том займище... Дедовские рассказы про Ермака, Пугачева, Разина и работа на путине в устье Волги, где «гулял Стенька», не река — море... Плавал по той реке-мору на круто ходящей против ветра лодке-богопротивнице... И решил стать моряком...

...Никифор Алексеевич открыл глаза: чайки... Крупные полярные чайки-бургомистры и помельче — морские, над припаем, на припае... Тяжко вздохнул: «Хорош я был моряк, а сын — некудышный. И смерти отца не видел, и матери...»

«...Слышен звон бубенцов из-дале-ека — это тройки знакомый разбег...»

Песня звучала теперь громче, ближе... «Гдеэто?.. — напярк слух и память, — Где?.. В Дудинке... Конечно, в Дудинке. Это мы поем с Иваном Коробейниковым... Хорош парень, крепок, будто сын мне... Конечно, это мы и поем у нас за столом, а напротив — Онисья сидит... Эх, мать честная!.. Онисья, детушки мои милые!.. Недаром ты, Онисьюшка, так тяжело в этот раз провожала, чуяла своим бабым сердцем... Эх? ... Слышен звон бубенцов из-дале-ека — это тройки знакомый разбег... — Никифор Алексеевич пел — еле внятно, но пел, пел! — и по впалым, землистого цвета щекам скатывались одна за другой и задерживались в усах крупные слезы, — ...А вокруг расстелился широко-о-ко белым саваном искристый снег...» И вдруг этот искристый, весенний снег за откинутым пологом палатки начал мер-

кнуть, или это меркло сознание — Никифор Алексеевич не понял...

...И когда при чых-то громких словах окружающий мир снова для него посветлел, он тоже не понял: минута его отделяет от песни, час, сутки... Если в чем он и был абсолютно уверен, так это в том, что перед ним стоит Митя Горин и повторяет его имя:

— Никифор Алексеевич! Никифор Алексеевич!..

— Что, Митя? — отозваться хотел так же громко, но получилось едва слышно.

— Мы спасены! Никифор Алексеевич!.. Сапожников оленья добыл!

Лицо Бегичева оживилось, голос покрепчал:

— Молодец Данило! Глаз узкий, а верный. Теперь я за артель спокоен. Не дайте хорошее дело загубить. Артель — дело стоящее. Так и скажите там в кооперации. Только все же делать-то нужно, как я добивался, — чтобы артели по всему побережью. Чтобы локоть друг дружки чувствовать. Тогда порядок будет... — Бегичев задышал ртом.

— Сам все это скажешь, Никифор Алексеевич! Сейчас и кровь свежая, как ты хотел, будет, и мясо...

— Поздно, Митя... Я за мыс Входной шагнул...

— Как? Зачем? — не понял Горин. — «Бредить, что ли, начинает?..»

Но в мыслях Большого Никифора была полная ясность, сил только не было.

— Вы там... Зырянова... отхаживайте.

— Погоди, Никифор Алексеевич! Мы сейчас, — Горин поспешно вышел из палатки.

Но ни свежей оленьей крови, ни мяса, ни мясного бульона истощенный болезнью и голодом организм принять уже не смог.

В полночь, когда блеск полярного дня поматовел, Николай Семенов принес Бегичеву пить, — от питья не отказался, припал к кружке губами, но лишь для того, чтобы смочить в горле и сказать последнее:

— Конец, Николай... Мою долю песцов — Онисье... Ребят моих не оставьте... Часы вот... Отдашь Мише моему... Бери...

Их руки встретились, и в момент, когда Николай Семенов брал часы, рука Бегичева заметно дернулась, — вдруг примнилось, что передает свои часы в руку того Николая Семенова — с острова Дьявола... Вдруг показалось, что это та мертвая рука к нему тянется...

Но еще был в силах мыслить: «...Чушь собачья, а вот, поди ж ты, дотянулся... Недаром: тот Николай Семенов с часами на руке не давал покоя с некоторых пор и с этим Николаем Семеновым как-то мешался, а те часы — с этими... Значит, что-то во мне подсказывало: отстукивают эти золотые часики твое последнее времечко...» Грудь Никифора Алексеевича вздымалась и опускалась, дневниковая запись Гаркина, обнаруженная в избушке на острове Дьявола и нередко вспоминавшаяся, виделась теперь не перед глазами, а каким-то образом внутри головы: «Я ожидаю конца существования... Николай Николаевич помер в

проливе между балаганом и речкой Диомида. Около него стоит ружье и на нем часы. В речке Диомида 30 штук песцов лежит». Какое дикое совпадение, — не в первый, но — теперь ясно — уже в последний раз подумалось, — какое дьявольски дикое совпадение: там Николай Семенов — тут Николай Семенов, там песцы — тут песцы, там конец существования и тут... Там часы — и тут... И рядом в эту минуту не кто-то оказался, а Семенов, и часы ему подал... Дьявольское совпадение, дикое, дикое... Чушь собачья, а вот поди ж ты... Ожидаю конца существования...»

Часа через три Семенов, дежуривший в палатке, сделал еще одну попытку разжечь в Бегичеве жизнь:

— Никифор Алексеич! Выпей бульону-то... Как же это, а?... Надо выпить, и пойдешь, пойдешь на поправку...

Большой Никифор то ли не хотел больше говорить, то ли не мог (он и сам этого не понимал), и ответил Николаю молчаливым, но ясным знаком: приподнял с груди тяжелые руки, сделал из них крест, и так же — крестом — они опустились...

Семенов разжал свой кулак и поглядел на последнюю, золотую, награду Большого Никифора: три часа... И с удивлением подумал: «Идут... Слаб-слаб, а заводил...»

Работало еще и сердце их хозяина, хотя сам он ни своего сердца, ни своего тела, кажется, не ощущал, но он мыслил, а значит, еще жил и, чтобы не образовалась в сознании пустота, начал вызывать силой воображения знакомые лица: «Мать... Отец... Онисья... Детушки... Фритьоф Нансен — на енисейском берегу в Дудинке — великий путешественник... Старик Сеймэ... Елизар Савельев... Червяков... Иван Коробейников... Пускай Дух Севера теперь к нему благоволит, ему покровительствует... И всем им, всем людям Севера, — это особая артель...» — Никифор Алексеич перестал дышать, Семенов наклонился к нему: «...Нет, жив, задышал...»

А в воображении Большого Никифора появился большой зверь, какого только и можно видеть в воображении, потому что он «допотопный», но бивни его, кости и даже мясо на костях все же довелось увидеть воочию — все на том же острове Дьявола... Животное вроде слона, — только огромное, косматое, северное... «Вот и я, как мамонт, как последний мамонт...» — Никифор Алексеич встречал Смерть спокойно: вся жизнь крутится вокруг солнца, а всякий человек — вокруг Смерти, и рано или поздно Смерть в свою воронку затягивает любого — так заведено Природой; только надо успеть сделать как можно больше и оставить продолжение рода человеческого...

Спокойно подумал Большой Никифор и о том, как будет выглядеть его могила: «...Над крестом будет светить ночью Полярная звезда, буду лежать к ней лицом... Только бы не угодили вырыть могилу в каком-то мочажинном месте, — пускай положат на высоком. Пускай веет со всех сторон дыханье Севера, Дух Севера... Пускай доносит ту песню...» И Большой Никифор запел уже без голоса, но во всю полноту каких-то еще остававшихся в нем чувств:

...Пусть ямщик свою песню за-тя-нет,

Ветер бу-дет ему подпевать...

Что прошло, никогда... не наста-нет,

Так зачем же теперь горевать?..

Затихло сердце Никифора Алексеича в семь часов утра.

Могилу вырыли на возвышенном месте.

День похорон был солнечный. На южных склонах тундровых всхолмлений парко чернели проталины, а с берега, от ледового припая, доносился крик чаек.

Надпись на прибитой к кресту дощечке сделали концом напильника:

«Под сим крестом покоится прах известного путешественника Севера и инициатора промысловой группы Бегичева Никифора Алексеича, скончавшегося 18 мая 1927 года. Вечная память дорогому праху».

Митя Горин, и не думая говорить какие-то особые, положенные при погребении слова, сказал их, — не с печальной торжественностью, а тихо, задумчиво:

— Силен был человек, а сказать — здоровяк — не то слово. Велик... Простой мужик и жил вроде просто, а все равно хочется произнести — не ходил по земле, а шествовал... Я всегда удивлялся его силе, характеру... Груб иной раз бывал наш Никифор Алексеич, а добрей вряд ли и в целом свете сыщешь. Последнюю рубаху отдаст... Приукрашит иной раз, а правдивее человека и не бывает... А рассуждал как!.. Будто адмирал какой... И в то же время какая-то бесшабашная удаль, как в молодом... Я, например, уверен, — не кривя душой говорю, не потому что над могилой, — уверен: получи он в свое время высшее образование, и при его-то любознательности, силе, уме да упорстве, — стоял бы ему в ряду путешественников, какие всемирно прославлены...

Николай ОДИНЦОВ

*Родился в Ивановской области в 1923 году.
Закончил Ленинградский лесотехнический институт.
С первого и до сегодняшнего дня работает в
Дудинском морском порту. Печатался в местной
печати, альманахе «Полярное сияние».
В 1999 году вышла книга воспоминаний «Святые
берега».*

НА ПЕРЕПУТЬЯХ ТЕРНИСТЫХ ДОРОГ *

Снова Фомич

По всем своим статьям я не подлежал отправке в спецлагерь. Но тревожное сомнение не покидало: надо же, осталось полгода, а надежды на спокойное освобождение остается все меньше и меньше. События развивались быстро. По баракам забегали нарядчики, и тем, кто подлежал отправке в спецлагерь (их быстро сами заключенные переименовали в «каторжные»), объявляли: на работу не выходить и ждать сбора на этап.

Такие дни ожиданий всегда можно приравнять к вечности. Хорошо, что ожидать пришлось недолго. Во второй половине погожего солнечного дня к проходной вахте (сейчас на этом месте магазин «Орфей», я уже писал об этом) стали подходить с вещами люди.

Надзиратели, нарядчики со списками ходили вновь по баракам, теперь уже объявляя: «С вещами на выход». Возглавлял эту операцию начальник УРЧ (учетно-распределительная часть). В то время начальником УРЧ был Иван Федорович Дергачев, а старшим нарядчиком — Иван Михайлович Чобитько. Это им довелось по распоряжению высшего лагерного начальства отправлять в спецлагерь первый и единственный этап заключенных из дудинских лагерей. После ликвидации лагерей оба долго работали в Дудинском порту. Из других лагерей (19-й пикет, судоверфь) привели несколько партий заключенных. Толпа увеличилась и росла на глазах.

Из окон второго этажа барака, в котором я жил, мне хорошо были видны вахта и дорога, куда все подходили и подходили заключенные. Выходить не хотелось.

"Болела рука. Я неосторожно оступился два дня назад, устал и вывернул ее из сустава. В поликлинике освободили от работы, думал, отлежусь, и боль утихнет. Но рука болела все больше, пока дневальный не подсказал: «Подвяжи через шею, и легче станет». Я послушался его совета, а действительно боль притупилась.

Может, от этого или уж пришло время переболеть, но облегчение пришло сразу. В толпе все больше и больше стал различать знакомые лица. Собрался и вышел на улицу. Какое-то чувство скованности не покидало меня. Здесь были знакомые по работе и просто так. За два с лишним года многих перевидал. Тех же, что привезли из других лагерей, не знал совсем. Немного освоившись, заметил, что на

меня смотрит довольно пристально немолодой, по-лагерному одетый человек (большинство заключенных в этой толпе одеты были в гражданскую одежду).

Я пригляделся. Вроде бы где-то видел его, но вспомнить не могу. Тот чуть улыбнулся — нет, не знаю. «Так, показалось», — подумал я. В это время ко мне подошел знакомый — главный бухгалтер базы ТМиО Михаил Дмитриевич Разин, у которого я когда-то работал в бухгалтерии фактуровщиком, и отвлек мое внимание от незнакомца:

— Ты что, тоже, что ли, с нами идешь?

— Да нет, Михаил Дмитриевич, — отвечал я, — пока не тревожат.

Немного поговорили. Потом его кто-то отозвал.

Я обернулся. На меня снова смотрел тот самый незнакомец. «Ну, где я его видел?» — думалось мне. Неожиданно он поднял свой узел и пошел в мою сторону. Я сразу же узнал его по рюкзаку. Да это же Петр Фомич, с которым мы протирали бока на омских и красноярских пересылках и ехали в одном вагоне на одних нарах. Он подошел.

— Петр Фомич, а я ведь тебя сразу-то и не признал, — сказал ему, как поздоровались.

— Да ведь немудрено. То болел, то на лесоповале работал. Недавно попал в Дудинку, на 19-м пикете в лагере был. И вот снова на этап. Ну, это уж наверняка последний, — проговорил он.

Мы отошли в сторону. Разговорились. Ведь как-никак вместе горе мыкали. Глядя на увеличивающуюся толпу людей, я поинтересовался у стоящих невдалеке мужиков:

— А что так долго не выпускают, вон уже сколько накопилось?

— А кто знает, почему? — ответил один.

Другой же сказал более утвердительно:

— Руководство порта и Норильскснаба, Стифеев с Ксинтарисом, начальники комбината уже второй день просят отменить отправку этих людей. Работать-то кто будет, если их отправят? Только и сам начальник комбината вряд ли что сделает: указание-то с самого верха, — чертыхнулся я и отошел.

Вероятно, это так и было. Но! Примерно через час объявили, чтобы расходились по своим баракам до завтрашнего утра, а кто из других лагерей — определяют в свободный барак.

Я предложил Петру Фомичу:

— Пойдем к нам в барак. Народу у нас сейчас мало, свободных мест сколько хочешь, отдохнешь и поспишь. А в том бараке, куда вас поведут, холодно. Он пустой совсем. Я

* Продолжение. Начало в альманахе «Полярное сияние» за 1998, 99 гг.

знаю. А завтра утром, если будут собирать (мне хотелось, чтобы этап отменили совсем), и уйдешь. Какая тебе разница? Зато в тепле будешь. Насчет кормежки сейчас разузнаем. А пока попьем чайку да перекурим.

Толпа быстро стала расходиться, оставались только заключенные из других лагерей. Разузнав от нарядчиков, где получать прибывшим из других лагерей обеды и ужины, мы пошли в наш барак. Здесь было тепло и пусто. Несколько человек, которые ушли на работу, еще не возвратились.

— Ну вот, видишь, Петр Фомич, сколько свободных мест, — говорил я ему, показывая на голые нары. — Раздевайся и ложись. А я пойду к дневальному в «кубовую» и принесу кипятку.

Это было совсем рядом, и я через несколько минут с полным чайником возвратился. Достал сахарок, заварку. Выпили по кружке и закурили. При электрическом свете (с начала осени его почти никогда не выключали) Петр Фомич показался мне совсем стариком: как-то еще больше похудел, согнулся, на голове все волосы поседел. Мне стало его жалко.

В бараке мы были только вдвоем, и я, ничего не опасаясь, с озлоблением сказал:

— Опять нашему «отцу отцов», «вождю народов» захотелось поиздеваться над людьми, всех перебудоражил. Кому нужны эти спецлагеря?

Мне думалось, что Петр Фомич меня не только поддержит, а выразит еще большее возмущение. Но он после некоторого молчания начал как-то совсем странно:

— Сталин здесь мало в чем виноват (совсем другого слышался я здесь в эти несколько дней). Всему виной оголтелый империализм, особенно американский. Чтобы сохранить свое владычество, он не остановится ни перед чем. Надо взорвать половину земли — сделают, не моргнув глазом. А наш социализм им поперек горла. Вот и лезут к нам со всех сторон. Вербуют всех мало-мальски недовольных как за страной, так и внутри. Вот он, Сталин-то, и не верит никому, даже самым близким. А те, что пониже рангом, в угоду ему сажают без разбор в тюрьмы и лагеря.

Я же про себя подумал: «Не посадили же Катю Астафьеву, мою одноклассницу, которая всегда первой кричала: «Да здравствует Сталин!», а заперли меня, два листовки клеили на телеграфные столбы, — значит, разбираются». Хотел ему возразить, но не стал: зачем старика расстраивать, ему и без этого тяжело?

Он продолжал:

— Оттого и сидят тысячи ни в чем не виновных, то оговоренных, то проговорившихся. Оттого у всех страх. И спецлагеря создают для устрашения, чтобы и в мыслях не допускали возможность измены или прочего вредительства.

Капитал победит

Его рассуждения мне очень не понравились. Срок на исходе, а тут возьмут да и добавят еще столько же для устрашения. Я миролюбиво, стараясь не обидеть его, заметил:

— Почему же ты тогда в других партиях был, а не в ВКП (б)?

Он помолчал и сказал:

— Ты Пушкина читал? Так вот, там отец своему сыну перед отправкой на службу говорил: «Кому, сынок, присягнул, тому и служи!». Так вот и я делаю. Не мотаюсь от одних к другим. Пусть хоть и плохо сейчас мне, зато душа свободна и чиста. А кроме того, знаешь ли ты, что наши программы мало чем отличались от большевистской? И если бы мы

взяли власть, то тоже бы стали строить социализм. Лучшей идеологии для работников труда, чем идеология социализма, не было и не будет. Только мы бы начали строить несколько по-иному. Но при любом методе строительства социализма империалистические воротилы мешали бы и нам так же, как они это делают сейчас. И нам пришлось бы также применять методы подавления. Здесь середины нет. Или социализм, где для всех равенство, или царство богатых, где одни повелевают, другие в рабстве. Но строить социализм нужно чистыми и честными руками... Которых очень, очень мало! Поэтому в этой беспощадной борьбе победит капитал.

— Ну что вы говорите, Петр Фомич? — воскликнул я. — Сейчас почти вся Европа под нашим правлением, а вы говорите такое!

— Я уже тебе говорил, что буржуазных королей ничто не остановит: для устрашения народов они дотла разбили немецкие города (Гитлер тот тоже был им, как кость в горле), сбросили атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, когда войны уже по существу не было. Сейчас все их помыслы: вернуть в наше государство прежний строй. Я не хотел, чтобы у нас повсюду были лагеря заключенных, но и совсем уж не желал бы возврата изгнанных капиталистических дельцов и прочих кровососов.

Я воспротивился:

— Но ведь у них там демократия!

— Никакой демократии там нет. И правят всем жестокий закон капитала, безраздельная власть денег, закон вольчей стаи.

Петр Фомич немного, как мне показалось, рассердился.

Понимая, что Петра Фомича не так просто переслушать, а, не дай бог, если с этим разговором дожидаться ночи (его, как я помню, допекает бессонница), я стал принимать меры, чтобы перевести нашу беседу на другие темы.

— Расскажи лучше, как ты здесь оказался и где до этого был?

— Что тут особенного? Все очень просто, — сказал Петр Фомич и продолжил. — Привезли меня сюда два месяца назад. И был я в лагере 19-го пикета. Пристроился там неплохо, дневалил в бараке. Но вот, видишь, опять не повезло. Снова на этап.

Я посмотрел на его согнутую стариковскую спину и подумал: «Ну, какой же из него камнем? (Слышал, что в тех клятых спецлагерях будут они кирками долбить каменные скалы. Было ли так или все это преувеличенные домыслы, не знаю.) Надолго ли его хватит?»

Спросил опять (лишь бы только от политических разговоров отвернуть):

— А как ты провел эти два года?

— На лесоповале, — ответил он, — в небольшом лесопункте. Ну, там мне просто повезло. Я был в бригаде лесорубов учетчиком и дневальным. Бригадир пристроил. Наш был. Вместе одним этапом из Красноярска приехали. Да ты его, может, помнишь? Андреем звали. Здоревенный мужичище.

— Уж не тот ли, что раскидал «шарапшиков», которые отнимали у старика мешок с передачей? — спросил я.

— Он самый, — ответил Петр Фомич и улыбнулся светлой улыбкой.

Мне очень захотелось узнать их историю, да и Петра Фомича отвлечь от политики. Я попросил:

— Расскажи, Петр Фомич!

Налил ему еще кружку горячего чая (пусть душа подбреет). Подал ему. Он отхлебнул и сказал:

— Хорошо! Сразу как-то веселее становится.

Вдруг я вспомнил, что давно уже прошло время обеда, взял свой котелок и котелок Петра Фомича. «Сейчас быстро схожу, — думаю, — и мы подкрепимся, а то уже больше трех часов. Обеденное время закончилось. Попрошу, чтобы заодно и ужин дали». Хотя уверенности твердой, что «отоварят», не было. Сказал Петру Фомичу:

— Давай твои талоны.

Он их получил по списку у нарядчика перед уходом всех по баракам.

На кухне уже никого не было. Я постучал в раздаточное окно. Недовольный повар пробурчал:

— Не можешь, что ли, прийти вовремя?

Но взял оба котелка. В один налил супу, а в другой каши. Повар меня знал и поэтому «набухал» оба котелка до краев. Я забежал по пути в хлеборезку. И сразу же обратно к себе, в барак. Петр Фомич разулся и лежал на свободных нарах, рядом с моим местом.

— Быстро же ты, — сказал он.

Мы уселись. Когда закончили обедать, Петр Фомич сказал:

— Хорошо кормят. Теперь до утра ничего не захочется.

— Кормят сносно, — ответил я. — Всем хватает. Многие кое-что промышляют на базе продуктов, так те совсем на кухню не ходят.

— Все ничего, только вот душа от этих потрясений места не находит, — сказал я и предложил. — Давай приляжем, а потом ты уж расскажи, что знаешь об Андрее.

После перекура Петр Фомич рассказал мне горькую историю, каких тогда было много. К великому сожалению, теперь, в наше «время не военное», подобных тоже немало, а некоторые по зверству, изощренности еще страшнее. Затерялись в памяти, затушевались детали, забылись некоторые имена, но смысл и содержание запомнились мне.

Такое, как страшный сон, не забывается. А история такова. Петр Фомич в больнице злобинской пересылки пролежал около двух месяцев. Когда вернулся назад, то на Север больше этапы не отправляли (лето закончилось), стали формировать этап на лесозаготовки в Тайшетлаг. Через несколько недель многих из их этапа увезли на небольшой лесочасток. Люди, в основном, попали туда хорошие, большинство политзаключенных и проштрафившихся хозяйственников. Наглых «бытовиков» и уголовщины не было. Вместе с Петром Фомичом приехал и Андрей. Тут же распределили по бригадам, а через несколько дней Андрея назначили бригадиром.

— Я в этой бригаде, — рассказывал Петр Фомич, — стал учетчиком и дневальным. Бригады были крупные, до пятидесяти человек. Работы на лесоповале тяжелые, нормы большие. Некоторые бригады часто не справлялись с заданием. В нашей почти не было срывов. Люди подобрались крепкие и дружные. Я не в счет, занимался бумажными делами да по хозяйству. Если же назревали по каким-то причинам срывы, Андрей вставал в первые ряды. Так же, как на фронте. Подбирал самых крепких трех мужиков и валил с ними деревья. Он без передыха один, они — по очереди, сменяя друг друга. Могуч был, не знал устали. А, глядя на него, работа шла веселее. Так и дотягивали до задания. Тут вскорости к нему приехала жена. Ольгой звали.

— Постой, — перебил я. — Красивая такая?

— А тебе откуда знать? — спросил Петр Фомич.

Я рассказал Петру Фомичу, что видел их возле ворот пропускной вахты в Злобино в последний день, перед отправкой в Дудинку.

— Ты-то тогда в больнице лежал.

— Вот ведь как, — удивился Петр Фомич и добавил, — что хороша, то хороша. С таких женщин большие художники только иконы пишут. Красоты удивительной, так и льется из глаз какое-то небесное свечение. И душой, словно ангел. Андрей как-то на свидании сказал ей:

— Может, Оля, тебе уж отступить от меня? С фронта ждала, а теперь опять приходится ждать лагерника.

Посмотрела на него Ольга своими большими чистыми глазами, и понял Андрей, что обидел ее своей необдуманной глупостью. Она же вскорости устроилась работать на нашем же лесопункте врачом, по своей специальности.

Обычно в лагерной системе не рекомендуется совместная работа мужа с женой, когда кто-то из них осужден (хотя утверждать не могу). Но нет правил без исключений, тем более что в такую глухомань никто добровольно не ехал. И лагпункт уже около года был без каких-либо медработников, кроме заключенных санитаров. Освободился Андрей за отличную работу досрочно. Тогда еще применялись зачеты. Да и статья у него была слабенькая. И срок только три года.

Уходил он вместе с Ольгой. Многие желали им добра, а я даже не смог удержаться от слез. Вскорости и наш лагпункт весь расформировали. Многих отправили на другие лесочастки, а вот меня и еще нескольких человек, от которых толку мало на лесоповалах, опять в Злобино (я же подумал: «И в спецлагерях от тебя тоже не будет пользы»). А остальное тебе уже все известно.

Задумавшись, я спросил, как бы между прочим:

— Где они сейчас, и пустят ли их в Ленинград?

Петр Фомич сказал утвердительно:

— Пустят! И квартира у них там их прежняя цела, мать Андреева живет с их сынишкой.

Мы долго молчали. За окнами уже стемнело. На улице повсюду горели огни. Вахту освещали прожекторы. Народу возле нее не было никого, только вахтеры чаще выходили. Понял, скоро начнут возвращаться бригады с работы. Мне хотелось узнать об Андрее с Ольгой побольше. Но тревожить Петра Фомича не стал. Он задремал.

Чтобы не валяться по-пустому (что зря опухать?), вышел из барака походить среди людей, может, что-нибудь разузнаю. В бараке, где собрались заключенные из других лагерей, дым стоял коромыслом.

Я подходил к одним, к другим, иногда вступал в разговор. Ничего толкового не узнал: каждый говорил, что ему хотелось. Я возвратился. Бригадники уже пришли. Их было немного. Один спросил у меня, указывая на спящего Петра Фомича:

— Это что, новенький?

Ответил, что этапиремый в спецлагеря. Бригадник сказал:

— Наверное, не будет этапа. Все начальство хлопочет, чтобы оставили. Некому будет работать в порту, если их отправят.

— А ты откуда знаешь? — спросил я, хотя уже и от других слышал об этом.

— Прораб говорил с бригадиром, вот мы и узнали, — ответил тот.

«Дай-то бог, — подумал я, — уж больно много хороших людей собрали».

Продолжение следует.

Виктор АСТАФЬЕВ

*Один из самых известных «деревенщиков».
Родился в таежной сибирской глуши в 1924 году.
Свои первые рассказы начал публиковать в газете
«Чусовский рабочий». Окончил высшие Литературные
курсы в 1961 году. Его рассказы регулярно появляются
на страницах «толстых» журналов, а книги выходят
почти каждый год. Живет в Красноярске.*

ЯШКА-ЛОСЬ

Рассказ

Мать жеребенка Яшки — вислогубая справная кобыла Марианна. Какими путями достигло такое благозвучное имя далекого уральского села, затерянного в лесах за Камским морем, и прилепилось к кривоногой пегой кобыле — большая загадка.

Сельское предание гласит, будто в ту пору, когда Марианна еще была жеребенком и никакого имени не имела, приезжала в село не то из Молдавии, не то с Камчатки свояченица бригадира, девица в темных очках и желтых штанах, и она-то нарекла от скуки кобылу именем, которое иначе, как с насмешкой, селянами не произносилось. И вбила ли себе чего в голову Марианна, заимевши нездешнее имя, принимала ли его за издевательство, а скорей всего от природы она характерная и потому проклята всем населением заречной деревушки от мала до велика.

Неделями, иногда месяцами возила Марианна сани с вонючим силосом либо с дровами, но вдруг на нее находило, и тогда она являлась к конюшне с оглоблями, оставивши где-то в лесу возницу, сани и все, что было на санях. Являлась и ждала, когда конюх, опасливо сторонясь, снимет с нее сбрую и поскорее загонит в отдельное стойло, потому как об эту пору Марианна норовила всех лошадей перелягать, взвизгивала по-пороссячьи, круглила ногами заборки, кормушку и все, что ей попадалось на глаза.

Бывало, когда Марианна не дурит и в благополучии находится, посадит конюх ребятишек на прогнутую вместительную спину ее штук по пяти, и она бережно несет их к долбленной, зеленой взявшейся колоде, что под струйкой ключа уже лет сто, а может, и больше, мокнет.

Неторопливо тянет воду Марианна, сосет ее губами, а ребятишки подсвистывают протяжно, чтобы слаще пилось лошади. Попьет, попьет Марианна, голову поднимет, осмотрится, подумает и, ровно бы сама себе сказавши: «Да пропадите все вы пропадом!», брыкнет задом, сыплет с себя ребятишек и ударится бежать неизвестно куда и зачем. Хвост у нее трубой, глаза огонь швыряют. Бежит она, бежит и в чей-нибудь двор ворвется, выгонит корову, разметет животных и птиц, устроится в стойке, съест корм и стоит, вроде бы проблемы какие решает. И не выгонишь ее с подворья. Надоест — сама выйдет, и отчего-то не воротами двор покинет, а непременно махнет через забор и отправит-

ся к конюшне, еще издали, голосом давая знать конюху: мол, иду я, иду!..

Такая вот мама была у жеребенка Яшки. И с родным дитем Марианна обходилась по-своему. То всего заласкает, зубами ему нежно всю гриву переберет, голову ему на спину положит и успокоенно дышит теплом. А то и к вымени не подпускает, не кормит его, визжит, как сварливая баба, отгоняя сына от себя. Яшка — парень ласковый, ручной, таскается за Марианной, молока требует, внимания к себе и ласки материнской. Лезет с голодухи к другим лошадям жеребенок-несмышлениш, тычется в брюхо без разбору. А его лягают кобылы, люто скалится табунный жеребец. Со всем замордовали Яшку лошади, и стал он от табуна потихоньку отбиваться. Сначала поблизости бродил, а потом дальше и дальше в лес отклоняться начал...

И однажды Яшка не вернулся с пастьбы домой. Его искали по лесам, по речкам, все старые покосы обошли — нет Яшки, ушел он из села и от тесной конюшни, покинул маму Марианну. Волки в этой местности не водятся, рыси есть, правда, и медведи есть. Но рысь с Яшкой не совладеет. Может, задрал голодный медведь Яшку, либо в колдобину провалился он и пропал?

Марианна раскаялась в своем поведении, бегала вокруг деревни, звала Яшку. Но он не откликнулся из лесов. Переключилась Марианна на других жеребят, воспитывать их начала, кормить молоком и ласкать зубами, из-за чего дралась с кобылами. Летом, когда пошли грибы, ягоды и по речке стали бродить рыбаки за хариусами, в заболоченных местах обнаружили они следы лосихи и лосенка, но только след лосенка больше напоминал лошадиные копытца.

Как-то приехал в село лесник с дальнего кордона и сказал, что есть в его обходе осиротелая лосиха — во время грозы и ветровала придавило у нее лосенка листовницей, и долго металась мать по округе, искала дитенка. Она-то скорей всего и приглубила Яшку. Кто поверил этому, кто посмеялся, посчитавши такое предположение досужей небылицей. Ближе к осени пошли лоси на водяную траву и держались у речки. Чаше и чаще стали попадаться широкие следы лосихи и рядом, уже глубокие, четко пропечатанные, следы лошадиных копыт.

Увидели Яшку деревенские ребяташки, бравшие у реки черемуху. Он вышел из пихтача на поляну со старой комолой лосихой и остановился чуть в отдалении, изумленно глядя на людей. Лосиха потрясла головой и выпрямила уши. Яшка, с гривой и хвостом до земли, переступал сильными, пружинистыми ногами, готовый прыгнуть в сторону и исчезнуть в пихтаче. Он уже окреп и напоминал подростка с налившимся телом и мускулами, но еще вовсе не сложившегося.

— Яшка! Яшка! — позвали ягодники.

Угадали они его по светлой проточине, стекающей со лба до храпа из-под спутанной челки, да по желтой, былинно отросшей гриве и хвосту. Взгляд у Яшки чужой, мускулы комьями перекатываются под кожей, натянут он весь, напряжен.

— Яшка! Яшка!

Протягивая ломтик хлеба, несмело двинулись ребята к Яшке. Яшка поставил зайчиком уши, заслышав свое имя, но, когда люди стали подходить ближе, вытянул по-змеиному шею, прижал уши, захрапел и грозно кинул землю копытами.

Лосиха загородила Яшку, оттерла его в пихтач и увела за собой. В глубю леса, на травянистой гриве, Яшка остановился, задрал голову к вершинам лиственниц и пустил по горам протяжный крик. Был его голос высок, переливчат и свободен, как у птицы. Преследовали Яшку колхозники долго, видели издали не раз, но он не подпускал людей к себе, и поймать его не могли. Осень пришла, начались свадьбы у сохатых, и лосиха покинула Яшку, ушла на угрюмый призыв быка, стоявшего в густых зарослях ольховника, запутанного бражно пахнущим хмелем. Яшка по следу вынюхал лосиху и сунулся в спутанный хмель. Но долговзый бык, с налитыми кровью глазами, так шугнул непрошеного гостя, так за ним гнался и ревел, что мчался Яшка верст пять без передышки, треща валежником, ломая кусты и тонкие деревца.

Потерял и вторую мать Яшка. Подули холодные ветры. Облетел лист. На траву стал падать белый иней. Болотца и реку в затишьях ночами прихватывало ледком. Обеспокоились птицы, в стаи сбились и с протяжными криками двинулись в дальний путь. Шерсть на Яшке сделалась густа и длинна, даже ноги до самых копыт взялись мохнатым подпушком. Так вот у боровой птицы к снегу и холодам обрастают лапы — сама природа утепляет жителей своих, и Яшку она тоже утеплит. Несколько раз еще Яшка находил старую лосиху в поределой тайге. Но она не узнавала его и не подпускала к себе. Одиноко сделалось Яшке в притихшем, сиротски раздетом лесу, потянуло его к живой душе, в тепло потянуло, и он начал спускаться с гор вниз по речке и однажды оказался у загородки, обнюхал ее — жерди пахли назьмом, конской и коровьей шерстью, а из-за поскотины наносило дымом.

Яшка двинулся вдоль загороди, часто вскидывал голову, прислушивался. Больше и больше попадалось в траве конских, коровьих и козьих следов. Трава была выедена, выбита копытами и загажена лепешками. Яшка брезгливо фырчал.

У распахнутых ворот поскотины он нерешительно остановился, втянул дрожливыми ноздрями воздух и среди многих запахов выделил один — запах сухой, приморенной травы. Он пошел на этот запах, будто по протянутой нитке,

и среди поляны увидел темный, засыпанный палыми листьями зарод.

Яшка подошел к зароду, начал торопливо тереть из него сухой клевер и жадно хрумкать. За поляной, по скалистым берегам над речкою, темнели зароды, много зародов, и над ними столбился дым, слышались там людские голоса, стук топора, собачий лай, и много другого нетаежного шума было там. Он тревожил Яшку и о чем-то ему напоминал. Яшка натоптал объели и стал спать возле сметанного клевера, а днем отходил в лес.

Здесь его снова увидели ребяташки, молча оцепили. Он стоял в кругу притихших ребяташек, длиннохвостый, мохнатый, с узкой диковатой мордой, и, чуть слышно похрапывая, по-звериному обнажал зубы. Оробели ребяташки, отступили, и Яшка хватил в лес, умчался, треща валежником.

Но голод выгнал его снова к селу, и снова пришли ребяташки, стали протягивать ему клочья сена, хлеб. Привыкая к людям, Яшка не скалился, не храпел, но еду из рук не брал. Один раз, выйдя из-за поскотины, остановился Яшка — в ноздри его ударил вонючий запах. Долго кружил Яшка, не решаясь подойти близко к селу. На сеной объели кто-то лежал, храпя, что-то наговаривая и ругаясь. Далекий проблеск памяти мелькнул — табун лошадей разбродно тащится за человеком, который, шатаясь, идет по полю. Он то падает, то долго поднимается — сначала на четвереньки, а потом уж как полагается человеку. Но сражает его усталость, и он валится окончательно, а лошади, рассыпавшись, пасутся вокруг пластом лежащего человека, и среди них жеребенчишко ходит, любопытно вытягивает шею, слушает, как всхрапывает и ругается поверженный человек. Яшка подошел к зароду. По запаху, по разорванной на груди рубахе, по лохмотому волосу на голове узнал его — это был ругливый, шумный человек, но лошади почему-то любили его. Никто не любил, а лошади любили.

Может быть, потому, что с раннего возраста привыкали к нему пьяному, с людьми грубому. И с ними, с лошадьми, он обходился не лучше — ругал их, но кормил и разговаривал так, будто все они должны были его понимать.

Человек проснулся, сел и потряс головой. Яшка отскочил сажени на три, боком встал, повернул голову.

— Ты где шляешься? — спросил человек. — Ты что об себе понимаешь, люда? Значит, я за тебя отвечаю, а ты, значит, вольничаеть?

Яшка запрядал ушами, переступил, и это не понравилось человеку:

— Пляшешь, пала, танцуешь? А робить кто будет?

Тут человек вскочил с земли и с кулаками бросился на Яшку. Яшка отбежал, остановился. Человек грозил ему кулаком, ругался, а потом сказал:

— Сам придешь, пала, сам! Голодуха тебя, бродягу, домой пригонит!

И ушел, хромая на обе ноги, разговаривая сам с собою. Вместе с ним уплыл и тяжелый, болотный запах.

А назавтра исчез с поля зарод — увезли его по велению бригадира. Осенью зарода хватило ненадолго, да и снег уже выпал к этой поре, завалил траву, приморозило заросли в речке. Вскорости мороз ударил, взнялась первая метель. Яшка пришел в деревню. Сам пришел. Остановился среди улицы, протяжно заржал.

— Лови его, змея! — закричал бригадир.

Прибежали люди. Яшка шархнулся от них, но его поймали арканом, и Яшка чуть было не задавился, ошалев от страха, криков и петли, больно сдавившей горло. Бригадир схватился за удавку, ослабил ее и, когда Яшка отдышался, водворил его в темную и душную конюшню, пнув напоследок в пах. Яшка кричал, мотался в стойле и ничего не ел. Тогда бригадир еще раз громко заругался и подпустил к нему Марианну. Сын с матерью долго бились в тесном стойле, но потом привыкли друг к другу, обнюхались и ели из одной кормушки овес и сено. С Марианной и на улицу выпустили Яшку. Он ударился в лес бежать, но в первом же овраге ухнул по брюхо в снег, забился там бешено, потом, обессиленный, осел в сугроб и запришлепывал плачущими губами.

— А-а, морда беспачпортная? В лес тебе, в ле-ес? Я те покажу ле-ес! — закричал бригадир и погнал Марианну.

Та деловито спустилась в овраги, где лягаясь, где бокком подталкивая, выдворила блудного сына на дорогу. Гриву и хвост Яшке подстригли, длинную шерсть прочесали скребком и попробовали объезжать. Многих наездников поскидывал с себя Яшка, не раз в бега пускался, но бескормная зима, снега глубокие, загоняли его обратно в село.

А когда взгромоздился в седло бригадир, Яшка присмилел, не решился сбросить человека с худыми ногами. Он позволил надеть на себя узду, хотя и кровенил железные удила, пробуя их перегрызть.

— Вот так вот, — самодовольно сказал бригадир. — Я ведмедя топором зарубил по пьянке, тигру немецкую пэтэ-эром угробил, и ты у меня еще сено возить будешь!

Однако в санях и телеге так и не стал ходить Яшка. Он побил почти весь колхозный гужевой инвентарь, и на него рукой махнул даже бригадир.

Верховой лошастью сделался Яшка. Называли его теперь на селе Яшкой-лосем, любили за красоту, но побаивались жеребца, потому как дикий его характер обнаруживал себя. В колхозном табуне он сделался вожакom, и даже сама Марианна относилась к нему с почтением. Ездил на Яшке чаще всего главный заречный начальник — колхозный бригадир. Отправится он посмотреть дальние поля либо нарезать покось, и мчится Яшка, как полевой ветер, стремительно, без рывков, но вдруг застопорит, остановится разом, и летит тогда ласточкой через голову жеребца выпивший и сонный бригадир. А Яшка втянет воздух с прихрапом, вслушивается в тайгу, заржет длинно, переливчато — и голос его летит по горам, повторяясь в распадках, закатится в таежную даль, замрет где-то высоко-высоко.

Кого, Яшка, зовешь? Кого кличешь? Старую лосиху? Но она бродит по тайге со своим уже дитем, ушастым сереньким лосенком. Или тайгу пытаешь — примет ли она тебя снова? Не примет, Яшка, не примет. У тайги свои законы. В тайге живут вольные птицы, вольные звери. Они сами себе добывают корм, сами себя пасут и охраняют. Им нет дела до тебя, пищу и тепло от людей принимающего. Позвякивают удила, стучат кованые копыта о коренья. Мчится жеребец с седоком на спине, и лопочут листья над его головой, таежный, папоротный запах тревожит его нюх, урманной прелью мутит и хмелит ему голову, ветер шевелит желтую гриву и гонит, гонит Яшку в потаенную темень краснолесья.

Все отрадней и громче фыркает Яшка, выбрасывая из ноздрей стоялый дух конюшни. Все громче стучат его

копыта. Все звонче ветер в ушах. Все стремительней его бег. Ликует сердце Яшки, и кажется ему — никогда уж он не остановится, а все будет лететь и лететь по бескрайней тайге, вдыхая ее животворный дух, и все в нем будет петь, радуясь раздолью, свободе и живому миру.

Так вот и жил диковатый Яшка своей лошадиной жизнью и дожил до тянучей весны, о которой, как о плохом лете, говорят: «Два лета по зиме, одно само по себе». Та весна была сама по себе. Она взялась вымещать за осень, в которую до Дня Конституции ходили по Камскому морю порожние пароходы меж зябких, мокрым снегом покрытых берегов.

Уже в конце февраля на припеках прострелились почки на вербах, и белым крапом мохнатых шишечек осыпало угревные опушки леса. В марте дохнуло сырым ветром с юга, быстро съело нетолстый слой снега на льду моря и погнало по нему волну так, что издали море казалось уже полым. Вода быстро проела щели во льду и ушла под него. Проплешистый голый лед начал нехотя пропадать и стачиваться. Но крутыми мартовскими утренниками он делался стеклянным, и тогда катались по нему на коньках ребятишки, развернув полы пальтишек, как паруса, и гоняли ошалевшие от простора пьяные мотоциклисты, падая и увечась.

— Рано началась весна — на позднее наведет, — говорили селяне.

Так оно и вышло.

Не раз еще покрывало лед на море метелями и снова сгоняло снега теплым ветром. Солнца было мало, и дожди не шли. Худой лед угрюмо, пустынно темнел от берега до берега, не давая никакого хода никому. Отрезанные от кирпичного завода неезжалым и даже для пеших людей непригодным льдом, бедовали селяне праздники без вина. Брагу и самогонку они прикончили еще в Пасху — к Первомаю ничего не осталось.

Селяне уныло ходили толпой по вытаявшему берегу, играли на гармошках грустные песни и кляли небесную канцелярию, которая так сильно надругалась над ними, лишив их выпивки. Бригадир достал с полатей старый, еще с войны привезенный бинокль с одним выбитым стеклом и глядел на другую сторону Камского моря, где бойко дымил трубою кирпичный завод. Были там магазины, клуб, и люди вели на той стороне праздник с размахом, без тоски и забот. Надо заметить, что бригадир пил каждый день, начиная с сорок второго года, с тех самых пор, как опущен был из госпиталя по ранению. Ноги у него были обе перебиты, и он, как Чингисхан, почти не слезал с коня, разве что ночью, поспать...

К нему к такому привыкли не только лошади, но и бабы из заречной бригады и теперь пугались его трезвого, потому как сделался он мрачен, молчалив, не крыл их привычно, не орал силпым, сгоревшим от денатурата голосом. Он и не замечал празднично одетых баб, не занимался никакими делами, а все смотрел в бинокль, и руки у него дрожали, и в глазах с красными прожилками стояла голодная печаль. И большое недомогание угадывалось во всем его большом теле и лице, побритом по случаю праздника.

Хватило бригадира лишь на половину праздника. Вюрого мая рано утром он заседлал Яшку и погнал его на лед. Жена бригадира, ребятишки его и вся бригада облепили коня. Схватили бабы Яшку кто за узду, кто за гриву — не да-

вали ему хода. Яшка, напугавшись криков, плача, многолюдства, голо чернеющего источенного льда с промоинами у берегов, храпел, пятался. А бригадир, осатанелый от трезвости, дупил кнутом Яшку, и жену, и детей да и отбилса от народа — раскидал его — и бросил Яшку вперед.

Яшка встал на дыбы, всхрапывая, плясал у промоины на каменшике, выкатив ошалело глаза. Но вдруг сжался пружиной, хакнул ноздрями, рысиным прыжком перемахнул промоину и, вытянувшись шеей, как птица в полете, понес бригадира. Он не шел, он слепо летел по горбам выпнувшейся рыжей зимней дороге, порванной в изгибах верховой водою, касаясь ее копытами так, будто жглась дорога. Возле дороги стояли вешки. Иные из них уже вытаяли, упали, и там, где были стерженьки деревцов и веток, проею дыры во льду. С говором и хрипом катилась вода в лунки, закруживая воронками мокрый назем, щепу и сажу, налевицу на лед из трубы кирпичного завода. Не шарахался Яшка от живых, вертящих пену и сор воронок, от открытх щелей с обточенным водою губастым льдом, а перемахивал их, весь вытянувшись, весь распластавшись в полете. Или бег увлек жеребца, или поверил он в опору, но ослабился, понес седока ровным наметом, скорее, скорее к другому берегу, до которого было версты три, а может, и четыре.

Он не прошел и половину дороги. Лед мягко, беззвучно, как болотина, просел под ним. Таежный инстинкт сработал в Яшке раньше, чем он испугался. Яшка рванулса, выбросил себя из провала, поймалса передними копытами за кромку полыньи, закипевшей под ним, зашевелившейся водою и обломками льда. Бригадир скатился через голову Яшки на лед, пополз от него, вытягивая жеребца за повод. Яшка задираг голову, тянулса на поводу, звенел удилами, но лед, как черствый хлеб, ломалса под ним ломтями. Бригадир, лежа в мокроте, все тянул и звал сиплым, осевшим голосом:

— Яшка, ну! Яшка, ну! Осилься! Осилься! Ну, ну, ну?..

Яшка крушил копытами лед, рвалса на призывный голос человека, выбрасывал затяжелевшее от мокроты тело свое наверх. Он, будто руками, хваталса копытами за лед, скреб его подковами, храпел, и что-то охало в нем от напряжения и борьбы. По-кошачьи изогнувшись, он выполз из полыньи до половины. Еще одно усилие, и выбралса бы Яшка, но в это время свернулось и упало ему под брюхо седло, брякнув по льду стременами. Яшку сдергивало в воду. Скрежетали, цеплялись яростные копыта за кромку полыньи, резало льдом шерсть, кожу на ногах, рвало сухожилия. Лед свинцово прогнулся и осел под Яшкой. Он ухнул в холодное кипящее крошево с головой. Его накрыло всего, лишь всплыла желтая грива, и рвало ее, путало резучими комьями льда. Над Камским морем, над Яшкой, бултыхающимся в полынье, над бригадиром, который размотал и сбросил ременный повод с кулака, чтобы и его не стащию в ледяной провал, вертелса и пел жаворонок. Метались далеко люди в цветастых платках, и зеленовато-серым туманом качалса косогор за исполосованным вешними ручьями глинистым яром. Яшка еще раз, последним уже усилием, выбил себя из воды, взметнулся пробкою и закашлял, выбрасывая ноздрями воду и кровь. Бригадир уже не звал его, не кликал. Он отползал от Яшки все дальше и дальше и, безбожный, давно не только молитвы, но и все

человеческое утративший, повторял сведенными страхом губами:

— С-споди, помилу... с-споди, помилу...

Яшка увидел мерцающий вдаль берег с затаившимся снегом в логах, темнеющий лес по горам, услышал жаворонка и заплакал слезами, а заплакав, крикнул вдруг пронзительно и высоко. И услышал издали, с берега:

— Я-ашенька-а-а!

Вода тянула его вглубь, вбирала в себя, подкатывала к горлу, сдавливала дых и пошла в губы, подернутые красной пеной, в оскаленный рот, хлестанула в ноздри и вымыла из них бурый клуб крови. Тяжко упала узкая голова жеребца, разом, будто перержавевшая, сломилса его шея. Вот и круп залило, и спину сдавило водою. Комья разбитого льда выкатывались наверх, и крутило их в полынье. В глазах Яшка унес далеко синеющий оком, леса, качающиеся по горам, голый берег с пробуждающейся травой и рассеченное облако, в которое ввинтился жаворонок, — все ушло к солнцу и расплавилось в нем.

Еще какое-то время желтела мокрая грива на ноздрястой пластушке льда, еще кружило воду и мусор в полынье — это в последних судорогах билса жеребец Яшка, погружаясь вглубь. Сползла, стянулася со льдины и желтая грива. Мелькнула ярким платом и исчезла, оставив на льду клочья обрезанных волос. Наверх мячиками выкатились и лопнули пузыри, взбурлило раз-другой, и все успокоилось, стихло, и запорошенная полынья сомкнулася над Яшкой.

Все так же билса, трепетал жаворонок в небе, светило ярко солнце, рокотали и мчались из логов снеговые ручьи, и курился дымком лес на горах. А на берегу с визгом, плачем, с мужицкими матюками, били бабы бригадира. Мокрый, драный, он каталса по земле и зывал, как о милости: — Убейте меня! Убейте меня!..

Жена не дала забить его насмерть, отобрала мужа, которому уж и не рада была и намаливала ему смерти. Но вот дошло до нее, до смерти-то, она устрашилась, ползала на коленях по земле, молила освирепевших баб, заклинала их и успевала вырывать из рук дреколье, которое поувесистей. Она спрятала избитого мужа на сеновале и носила ему туда еду, покудова село не успокоилось.

Через неделю сошел-таки лед с Камского моря, осел, затонул, растворился. Началса весенняя страда, и бригадир, снова пьяный, на другой уже лошади, ездил по полям заречным императором, крыл сверху всех по делу и без дела и, если ему напоминали о Яшке, скорее скрывалса с глаз долой, грозясь и стегая лошадь.

А Яшку вынесло верстах в пяти ниже села на песчаный обмысок. Над ним закружились вороны, стали расклевывать его. Обмысок, на который вынесло Яшку, был возле пионерлагеря, и когда готовили его к сезону, то закопали Яшку в песок, а вскорости гидростанция зачала копить воду, сработанную за зиму, и обмысок покрыло вместе с Яшкой, и он навсегда исчез от людей. Бригадира отдали под суд, но на вызовы в суд он не являлся: то был пьян, то занят, и так вот проволынил лето. Осенью вышла амнистия, и дело о погублении коня Яшки-лося было закрыто.

Роман СОЛНЦЕВ

Родился в 1939 году в Прикамье. Автор ряда сборников поэзии и прозы.

С 1965 года член Союза писателей России.

Публиковался в альманахе «Полярное сияние».

УЛЫБКА ЗА СТЕКЛОМ

Рассказ

Самохин бежал зимним ветреным днем по улице, напряженно и мелко переставляя ноги, как бы семена, чтобы не оскользнуться широко и не упасть — гололед сковал тротуары. Возле новых, богатых магазинов ледовая корка была снята осторожными ударами лома и жестяных скребков, но идти от этого не становилось менее опасно — брусчатка, составленная из тесно уложенных, затейливой формы плиточек, была скользкой, как стекло. «Научились укладывать, — тоскливо ворчал про себя Самохин. — Раньше не то что плитняк — кирпич к кирпичу не могли положить, плюхали кое-как в раствор... Капитализм, черт бы его побрал!»

Особенно раздражали и даже вызывали ненависть у него, хотя Самохин и не был вовсе уж бедным человеком, все эти празднично украшенные входы, иностранные слова над ними, сметанно-белые двери с якобы золотыми дверными ручками, музыка, играющая там, в глубине, и главное — за сверкающим стеклом ни человека, кроме двух-трех продавцов. «Но если никто сюда не идет за покупками, для чего же они пооткрывали свои «бутики» и «пассажи»? Или просто-напросто здесь их «представительства», «крыши»? Ночью грабят, убивают, а днем приходят сюда, чтобы постоять за прилавком со своими специально отобранными в нише России юными красавицами, кивая знакомым милиционерам и себе подобным, гладким и жирным, с губками гузкой, перезрелым мальчишкам с толстой цепью на шее?...»

И все бы ничего, и пробежал бы Самохин мимо новых витрин и дверей, да что-то его одернуло... «Что это такое, черт побери?!» Он потряс головой, как делал еще в школе, если не делились числа на числа или не вспоминалась строка из Пушкина.

За хрустальным, как бы самостоятельно мерцающим листом стекла, на белой длинной шкуре полярного волка томно полулежала юная женщина, почти нагая, с лисьей красной шубкой на плече, в золотистых колготках и красных туфельках. Ну, ясно, манекен, каких сотни и тысячи в городах мира. Разумеется, не чета тем советским манекенам, которые еще недавно — без одной руки или ноги — уныло торчали в темных окнах наших универмагов. Нет, эту фигурку сотворили из ласкового, нежного материала (пластик, воск?), а главное — лицо у нее быжгонким, прекрасным и совершенно живым. С неповторимой полу-

улыбкой. Явно слеplенное с одного единственного на земле лица, никак не стандартное — это сразу видно...

«Конечно, встречаются на земле похожие люди, — подумал Самохин, глядя помутившимися от страха глазами на витрину. — И конечно же, умельцы, поставляющие манекены для магазинов, вряд ли всерьез озабочены особой необычностью лица. Перед ними задача проще — муляж должен быть хорошей вешалкой для платья... Разумеется, не должны нарушаться пропорции нормального тела... Для шарма можно удлинить ноги, сделать личико тоньше... Но откуда у этой красавицы, бесстыдно раскинувшейся на мерцающей, как облако, волчьей шкуре, незабываемая, единственная на свете, легкая полуулыбка Нели? Да конечно же, случайно. Скульптор, который лепил форму, и думать не думал, что его поденная работа у кого-то вызовет смятение... Нажал на глину или гипс так, этак, и вот тебе улыбка Нели. Наверняка таких «Нель» сотни в России. И одна попала в наш город...»

Самохин стоял перед стеклом, уставясь, как сумасшедший, на неподвижную, нагую, с острыми грудками современную уличную Данаю, и подростки, уже не раз проходившие мимо него, переглядывались с ухмылкой. «Наверно, дядька давно баб не видел... Может, выпустили из зоны?»

И пошел было дальше Самохин, да снова вернулся. Наверное, ему померещилось. Да, да! Это всего лишь игра света, а на самом-то деле фигурка шаблонная, обычная?

Нет же, похожа. Похожа — как будто Неля Летяева сама тут и лежит. С трудом открыв тугую роскошную дверь, Самохин зашел в магазин.

— Вам что-нибудь показать? — тут же обратилась к нему с улыбкой молоденькая продавщица в бордовом костюмчике.

Здесь был магазин французской одежды, тонко паху духами.

— Скажите... этот манекен... откуда?

— Манекен? Вы хотите что-то для вашей жены? Какие у нее размеры?

Самохин смутился. В более странное положение он еще не попадал. Но его несло, как во сне — в бездну звезд. Он продолжил, упрямо и угрюмо набычась:

— Там, за стеклом, фигурка... Где такие лепят?

— Право, не знаю, — отвечала девица, сразу же потеряв интерес к посетителю.

Но их разговор услышал некий лысый господин в глупине магазина. Он перелистывал за кассовым аппаратом бумажки.

— Что вас интересует?

Самохин, тяжело краснея, повторил свой вопрос.

Лысый, поправив очки в золотой оправе, как-то цепко, с явным интересом смотрел на посетителя.

— О, эти дамы у меня из Питера, — отвечал, наконец, лысый. — Что, красивые?

— А у вас еще есть? — неловко спросил Самохин и только теперь заметил, что и справа от входа сияет такая же сквозная витрина, и в ней стоят две дамочки в роскошных соболях — но с другими (о, счастье!), с другими лицами.

— Сейчас ни в одном приличном окне вы не найдете прежних пугал, — наставительно объяснял хозяин. — Что же вас заинтересовало? Вы не журналист? Не хотите ли сфотографировать наш фасад?

Самохин попытался объяснить, что именно его удивило, не раскрывая сути своего интереса.

— Нестандартность лица?.. — лысый продолжал, улыбаясь, разглядывать Самохина. — Нынешние скульпторы, работающие на торговлю, по-моему, используют уже компьютеры. Как-то это делается... Одна форма не похожа на другую. Да, это дороже, но и наши магазины дорогие...

— Где вы их покупаете?

— В Питере, — вдруг почему-то нахмурясь, ответил лысый господин и отвернулся.

Самохин кивнул и пошел прочь. Значит, компьютер? Ну, конечно, срабатывает закон случайных чисел... Получаются все новые соотношения длины лица, губ, глаз... Но почему хозяин магазина так неохотно назвал Питер? Может быть, дурака валяет, набивает цену? И никакие не компьютеры в петербургских мастерских работают, а обычные натурщицы позируют? И вдруг Неля давно уж обитает в северной столице? Кажется, она мечтала о Питере. Но сколько же ей нынче?.. Они виделись двадцать лет назад, когда Самохин, сразу же после окончания геофака Т-ского университета, залетел в заполярный Норильск. И если Неля позировала нынче...

Но нет, нет! Милая, она уже никак не может быть такой... Она постарела. Это просто похожая на нее молодая женщина. Бывают, бывают похожие... Говорят, у каждого человека на свете как минимум семь двойников...

Ночью он лежал и закрытыми глазами смотрел в прошлое. Жена спросила:

— Ты чего так дышишь? Ты не спишь?

Он что-то ответил. И все продолжал думать: «Нет же, просто так, случайно, не возникает столь полное соответствие. Эту фигурку или с самой Нели лепили, или... — И вдруг его ужалила мысль. — А если у нее дочь родилась?!. Ей сейчас двадцать?..»

К уру сердце изнылось. Что же делать? Может, взять отпуск и слетать в Питер, сказав жене, что летит в НИИГА (Научно-исследовательский институт геологии Арктики), где у его были когда-то знакомые геологи? От них узнать, не видели ли в Питере Нелю? И по Невскому пройти, за-

глядывая безумными глазами в звездные витрины? На работе-то отпустят, тем более что зарплату не платят вот уж с полгода, но на какие шиши лететь?..

Господи, это она, она в камне.

А А А

Молодой, говорливый, с кудрями, как у цыгана (только кудри белесые), с горящими глазами, как у гипнотизера, он прилетел когда-то за Полярный круг. Старенький самолет ЛИ-2 кружил с полчаса над аэропортом и, наконец, дико кренясь и увлекаясь бешеным ветром в сторону, все же приземлился. Подпрыгивая и разворачиваясь против воли, замер... Самохин увидел через мутный иллюминатор, как навалившись на крылья в чернильной мгле человек десять пытаются его удержать.

Летчик, выходя из кабины, добродушно буркнул кому-то из знакомых пассажиров (а впрочем, тут все свои, норильчане, скрывать нечего!):

— Считайте, что во второй раз родились...

И только теперь до Самохина дошла истинная причина того, почему самолет так долго кружил в метельной бездне. На ватных ногах юный геолог последовал за всеми в воющую ночь, где сиротливо кое-где мигали желтые электрические фонари. Полный восторга и страха (был на краю гибели и вот он, жив!), Самохин въехал на криволапом автобусе в незнакомый легендарный город, в его круглосточный электрический свет и, спиной к ветру, хохоча, еле дотащился до гостиницы на краю площади.

Никогда в жизни, ни до того, ни после, он не видел такого радушия, с каким встречают командировочных в этом сером, огромном, вздрагивающем доме, с белыми атлантами и кариатидами, наметенными на балконы снежным бураном. Милые северные красавицы угощали залетных молодых горячим желтоватым мясным бульоном и раскаленными пирожками со сковородки. Наливали алчущим водки. Подавали пожилым крепкий, как деготь, чай. Этот сказочный буфет располагался прямо перед входом, на первом этаже.

Только после ужина, с улыбкою оглядев мокрые кудри Самохина и его шальные глаза, переглядываясь, румяные северянки выдали молодому парню ключ от одноместного номера. Постояв возле окна, через которое ничего не видно, только слышно гул, Самохин решил немедленно выйти в пургу, подышать ею.

На улице и впрямь уже разыгралась пурга — на площади Ленина кружила белая конница, из тундры через город на сваях неслись со страшной скоростью волны снежной бури, мгновенно засыпая все неровности на пути, следы скреперов, рычавших на улице, и сами эти горбатые механизмы, если вдруг заглох мотор...

— Ура! Ура! Как прекрасна жизнь! — закричал во все горло слегка пьяный Самохин.

И за спиной услышал женский смех. Самохин обернулся — парень и две девушки, все трое в унтах и в черных тулупах, в шапках ушанках, пытались развернуться на ветру, не отпуская при этом друг друга — парень держал их крепко под руки. Но вместе они представляли для пурги

что-то вроде паруса — их сносило... Услышав крик Самохина, они согласно завопили:

— Как прекрасна эта ночь!..

Нет, не издевались, это сразу понял Самохин — у них тоже было радостное настроение. И как бывает лишь в молодости, через несколько минут он уже шел с ними, схватив под руку крайнюю справа — бледнолицую, улыбчивую девушку.

И заговорил, заговорил, закричал, срывая голос и кашляя на ледяном ветру, что полчаса назад мог разбиться, но не разбился, и потому он сейчас самый счастливый... Да еще таких девушек встретил... На что парень (его звали Саша) пробасил:

— Ты не двух девушек встретил, эта — моя, а вот ее — точно встретил, зовут Неля.

— Неля! — Самохин тут же заглянул в ее глазки, ласковые, недвижные, как звезды над пургою — их совсем еще недавно Самохин видел из самолета, они никуда не делись, эта бездна там. — Неля! Елки-палки! А давайте выпьем за мое спасение!..

И только в юности так бывает — вскоре они сидели в некоем общежитии, и Саша (он из НИИГА, тоже геолог!) играл на гитаре, и Самохин перехватывал ее, и они пели десятки песен подряд: «И снег, и ветер...», «От злой тоски не матерись...», «На полочке лежал чемоданчик...», «Сиреневый туман»...

Тогда Самохин слышал много неизвестных ему дотоле песен Высоцкого. Саша, скалясь, рычал, потрясающе подражая барду:

— Но и утр-ром все не так, нет того веселья... Или кур-ришь натошак, или пьешь с похмелья... Эх, р-раз!.. йеше р-раз!..

— Сколько вер-ры и леса повал-лено... сколь изведено горя и трас-с-с... А на левой гр-руди пр-рофиль Сталина... а на пра-равой Маринка анфас...

— Я поля влюбленным постелю-ю... пусть поют во сне и наяву-у.. Я дышу — и, значит, я люблю! Я люблю — и, значит, я живу!..

В стену и в дверь среди ночи стали стучать. Затихнув на время, молодые люди разделились. Самохин с Нелей перебежали в другой, соседний дом — оказалось, там у нее своя, однокомнатная квартирка. Включив и выключив свет, снова что-то пили и целовались. На полу мурлыкал магнитофон... кажется, «Весна»... еще тот, примитивный, размером с чемоданчик, у которого крутятся большие бобины с пленкой... Пленка время от времени рвалась, и тут же Неля, встав на колени, ацетоном, а потом и Самохин, быстро научившийся этому искусству, склеивали порванные концы... Внезапно у магнитофона одна бобина стала плохо крутиться — и сыгранная пленка поползла под ноги. И вскоре Неля и Самохин, словно в солому зашли — оказались в тенетах разматывшейся пленки.

— Это кто тут? — шаловливо спрашивала Неля. — Это он, мой залетный Лаокоон!

— А ты Лаокоониха!..

Они стояли, обнявшись. Вдруг устали. Магнитофон захрипел, замолк. Уже явился рассвет — но не по свету в окне, а по часам.

Неля, не глядя на гостя, постелила ему на кухне какие-то пальто и тряпки. На полу было очень холодно. Несмотря на выпитое вино, Самохин под тонким одеяльцем трясся, у него щелкали зубы. Он, конечно, надеялся, что вскоре Неля его «пожалует»... Она сама его несколько раз целовала... Но Самохин не смел торопить события... К тому же был тогда еще стыдлив... Кроме того, знал свою главную беду — крепко напившись от позорной стеснительности, чтобы быть «смелей», он напрочь терял необходимые мужские качества. У него уже была одна позорная ночь на геологической практике, в тайге...

По этой причине, валяясь на ледяном полу, он сделал вид, что обиделся на Нелю, и хотел затихнуть на полчаса, ожидая, пока пройдет хмель. И услышал, как она в темноте тихо смеется.

— Ты чего?

— Ты зубами щелкаешь?

— Ну.

— Давай щелкать вместе...

Милая, нежная, с замершей полуулыбкой, в смутном сизом свете пуржистого утра — на улицах продолжают гореть фонари... Тонкая, горячая, всеми косточками, всем телом податливо принадлежащая ему...

* * *

И они не пошли на работу, она — в библиотеку, он — на комбинат имени Завенягина, куда был командирован по поводу осмия, ниобия и прочих редкоземельных металлов... Она, правда, позвонила от соседей, что заболела... Вставали, ошпаривали себя горячим душем, что-то ели и пили и снова падали на ее узкую кровать, сорвали локтями со стены коврик.

— Ты знаешь, почему я тебя полюбила?

— А почему?

— Ты веселый... У нас парни угрюмые, как эски... Все им не нравится... И апельсинов теперь самолетами не привозят, и денег мало стали платить... Можешь сейчас сказать громко: «Неля, я твой?»

Приподнявшись на локоть, с шумящей, как душ, головою, Самохин кричал в потолок:

— Не-еля, я твой!.. Навсегда-а!..

И она, полуулыбаясь, закрывала глаза.

Неля сказала, что выходила замуж за одного тундровика-охотника, но устала от его хвастливого пьянства.

Она знала множество стихов и читала их Самохину в самое ухо:

Если я заболею, к врачам обращаться не стану...

Обращусь я к друзьям, не сочтите, что это в бреду.

Постелите мне степь, занавесьте мне окна туманом,

Визголовье поставьте ночную звезду...

Устав от лежания, вскочив и наладив кое-как магнитофон, они нагие танцевали. И выдергивая ноги из нарастающего кома гладкой глянцевой пленки, действительно становились похожи на того самого Лаокоона, которого задушили змеи... Они пытались распутать эти восьмерки и круги, намотать на бобину, но не получалось... И они небреж-

но затаптывали их, и неиспорченной музыки оставалось все меньше...

Но пришел день расставания.

* * *

— Я к тебе вернусь, — говорил он, улетаая, как говорят многие возлюбленные на свете своим возлюбленным.

Конечно же, он потом за ней прилетит.

И они вместе переберутся на материк. Где растут зеленые деревья. И ходят живые лошади.

На горнорудный комбинат он попал лишь за три часа до самолета. Боялся, что в канцелярии воскликнут: «И где ты шлялся неделю?» Но там женщины спокойно отметили парню, от которого пахло вином и жаром, сроки пребывания в командировочном удостоверении. И вот он дома, на юге Сибири...

Право же, он сам верил, что для него теперь начнется новая жизнь, и она связана только с нею, с тихой, ласковой, узкобедрой Нелей...

Но под Новый год к Самохину приехала из Т-ска Татьяна, с которой они хотели пожениться еще летом, когда закончили университет (Татьяна училась на юридическом). Но девушка заболела. А может быть, придумала, что заболела, потому что у Самохина с ее родителями не вышло теплого разговора — суровые они у нее, сердитые люди.

— Кудряв, как баран... — передавали подруги Татьяны слова ее отца про Самохина.

— Шибко громко говорит, — обмолвилась мать. — Как радио.

И за прошедшие полгода Самохин стал постепенно привыкать к мысли, что Татьяна к нему уже и не приедет. Как это она пойдет против воли отца? И вдруг она явилась, в желтой дубленке, закутанная в шаль, в варежках и в валенках.

— Я к тебе, — сказала она как-то сумрачно прямо на пороге общежитской комнаты Самохина и прильнула к нему. — Я им сказала: «Не вам, а мне надо устраивать жизнь».

И не хватило у Самохина честности сказать, что он ее уже и не любит почти, а встретил Нелю. Но Татьяна была девица, Самохин был первый у нее мужчина. Опять же она порвала с родителями (и те не скоро простят ей это замужество), и Самохин по-своему полюбил ее. И вспоминая иной раз Нелю, распутывающую глянцево пленки в далеком метельном городе, оправдывался тем, что он у нее был не первый...

* * *

Утром, попив молча с женою чаю, Самохин побрел снова к тому магазину.

Свет в витрине еще не включали. И в раннем сумраке каменная раздетая девушка с небрежно брошенной на плечо лисьей шубкой, была до наваждения похожа на Нелю. Ну, не может, не может случайно получиться столь похожее выражение лица! Особенно эта ее полуулыбка, с которой она даже спала в сладостные ночи... И ходит же мимо всякая наглая публика, глазееет на нее. Правда, она протянула

левую руку, как бы несколько прикрывая низ живота. Но все равно... Кто же, кто, зачем ее вылепил и сюда продал?

Магазин был еще заперт, и вот показался хозяин. Он был в пышной пуховой куртке, в меховой кепке, закрывавшей его лысину, в руке нес кейс. Но Самохин его сразу узнал. И что удивительно — капиталист сразу же признал и его.

— Что? Пришли грабить и не решаются? — хмыкнул он. — Или втюрились? В которую же?

Глядя злыми от тоски и отчаяния глазами на него, Самохин решительно (а что терять?) показал рукою за стекло. И почему-то признался чужому человеку:

— Хочу слетать в Питер. Не знаете ли, сколько сейчас стоит билет на самолет?

— О-оо!.. — протянул хозяин магазина, отпирая дверь и отключая зазвеневший звоночек охранной сигнализации.

— Милый вы мой. Тут какая-то страшная тайна? Да?

Как во сне (он же и не спал сегодня), Самохин ступил за ним следом.

— Я, кажется, догадываюсь, да-да... — пропел хозяин и, задумавшись, показал неестественно белые зубы. — Если все так серьезно, лететь туда, конечно, не надо. Не надо. Хорошо. Я вам продам адрес мастера, который мне делает этих красавиц.

— Сколько?.. — голос у Самохина пресекался.

— Недорого. — Хозяин надел очки. Глаза его смеялись. — Сто долларов.

— Это... сколько же? — начал шарить по карманам Самохин. — Сегодня какой курс?

— Все тот же... краткий курс КПСС, — странно пошутил лысый человек. И вдруг отойдя к окну, очень печально, внимательно оглядел каменную девицу за стеклом. — Неужели на кого-то похожа? Только я попрошу вас... Не говорите, как нашли. Он стесняется, что лепит модели для витрин. Все-таки заслуженный художник России... бывший лауреат...

— Бараев?! — догадался Самохин и хлопнул себя по лбу ладонью. — Костя Бараев?! Так я же его знаю... Спасибо! Никому не расскажу!

И выбежал вон.

Самохин несся по скользким улицам и пару раз уже летел было носом в замороженный камень, но каким-то чудом оттолкнувшись рукою, едва не сломав кисть, успевал выпрямиться...

Конечно же, если кто и мог вылепить Нелю, так это Костя Бараев. Он ее видел, когда Неля неожиданно прилетела в гости к Самохину на «материк».

В городе уже начиналась весна. Пахло мокрыми тополями. Самохин полагал, что Неля все поняла (он перестал ей писать, и она тут же перестала слать ему затейливо раскрашенные фломастером конверты), но вдруг она прилетела.

Вернее, он сначала получил телеграмму, присланную на геолком (Самохин дал ей свой рабочий адрес — из почтовых ящичков в общежитии письма часто пропадали): «ПРИЛЕТАЮ ВСТРЕТЬ ЕСЛИ СМОЖЕШЬ НЕЛЯ».

«А если не смогу, так что? По делам, наверное, летит».

Но когда Самохин увидел в аэропорту ее тоненькую фигурку в черном полушубке, ее бледное личико с прелестной полуулыбкой, в нем сразу все оборвалось: «Какой же я негодяй! Она меня любит, и я же ее люблю... Но что я делаю?!»

Деться им была некуда — дома сидела Татьяна, и он повел ее к местным художникам, где в бывшей церкви, разгороженной фанерой и картоном, были их мастерские, и там по вечерам собиралась местная «золотая молодежь» — с гитарами, с запретными стихами...

Он вез ее в автобусе и что-то громко говорил, даже излишне громко, смеясь и сверкая глазами, — мол, сначала он хочет ее познакомить с друзьями, а потом они поедут к нему. И Неля радостно кивала, держа его за руку, как слепая.

И они прожили два дня в гостях у скульптора Кости Бараева, в пустой, высоченной — уходящей под своды церковного купола — очень холодной комнате, среди стоящих там и сям, пугающих с непривычки темных человеческих фигур, покрытых от чужого глаза тряпками и время от времени обливаемых водою, среди некупленных худсоветом гипсовых памятников Ленину и Чехову (оба в свое время бывали в этих краях). Чтобы Татьяна не запаниковала, Самохин, выбежав в гастроном за шампанским, колбасой и конфетами, в первый же вечер дозвонился с уличного телефона-автомата до общежития — попросил старушку на вахте передать Татьяне из 214-й комнаты, что он срочно уехал в Новосибирск. А на работу Самохин, понятно, вовсе не ходил — гори она синим пламенем...

Но поскольку Самохин, угощая всех вином, сам пил, словно воду, горькую водку, Неля вдруг догадалась, что ее милый запутался в обстоятельствах, как полгода назад в магнитофонных пленках. И как-то среди ночи, в чужой воюющей постели, нежно шепнула ему, глянув на светящиеся часики:

— Мне надо лететь.

Он проводил ее до аэропорта, сутулясь, черный, избражая тяжело пьяного, чтобы только ни о чем не говорить. Только буркнул, что скоро прилетит к ней, и они что-нибудь придумают. О его жене не было сказано ни слова. Но она несомненно существовала, как существует в космосе черная железная звезда, которая отклоняет траектории других звезд, хотя сама и не светит.

Надо сказать, и Татьяна не пыталась мужа ни о чем, когда, наконец, он появился дома. Только и спросила:

— А зачем ты туда ездил?

— Образцы возили...

Какие образцы среди весны? Давно уже отчеты написаны и сданы. А если куда и возят образцы редкоземельных металлов, то в Москву, где имеются для химического анализа хорошие лаборатории... Не говоря уж о режиме секретности, который в ту пору не позволял иметь дело с кем-либо, кроме Москвы...

Может, Татьяна о чем-то и догадывалась, но была мудра. И слава Богу.

Вот и все... И забылась, забылась постепенно Неля. Ее сладкое тело... ее нежная полуулыбка... И что за наваждение — через столько лет... Да еще на ярком свету, за стек-

лом, на потребу публики... Кто мог?! Да никто, конечно, кроме Кости. Он завидовал Самохину. Он всерьез предложил тогда Неле — при всех, за столом — стать его женою.

— Я вдов, — говорил он.

И это была правда. Его жена Рая недавно умерла от рака.

— Мы будем счастливы, как Ромео и Джульетта.

Неля в ответ тихо смеялась и никла к Самохину.

Но с чего вдруг он вспомнил о ней и вылепил манекен? Но так похоже... Или у него с тех времен остался набросок? Самохин, хоть убейте его, не помнил, лепил в те вечера Бараев Нелю или хотя бы карандашом набросал портрет.

А может, все гораздо проще? Он знал, что она с Севера, что библиотекарь, нашел ее в Норильске и женился? И вылепил ее еще ту, молодую? Но в таком виде?.. Разве что это мрачная шутка для домашнего пользования... А ныне решил на ней заработать... Но, во-первых, Самохину старые дружки все равно бы при случае рассказали, кто новая жена у Бараева. А во-вторых, она бы не разрешила себя в таком виде выставлять? Значит, месть художника? А вдруг он шаловливую скульптуру с ее дочери лепил? У Нели вполне могла родиться дочь? Господи, уж не по этой ли причине она внезапно тогда прилетела? Самохин, болван, даже не спросил... Нет-нет, он бы почувствовал... Две ночи провели вместе... да еще через столько времени после встречи в метельном заполярном городе...

Скорее всего, Бараев все-таки разыскал ее, женился... и у них могла родиться дочь. А современной девушке и в витрине лечь лестно.

Но этого не может быть! Неля же сказала тогда Самохину, ласково смеясь глазами в темноте:

— Да я из-за одной хотя бы фамилии за него не выйду. Я лучше выйду за Дуракова, за Хрюшкина, но не за Бараева...

Что уж ей не нравилось в этой фамилии? Бараев, не Баранов же. Да и Баранов...

Вихрем таких нелепых мыслей была набита до ослепления голова Самохина, когда он, добравшись до железной церковной двери на улице Сурикова, принялся нажимать и стучать кулаком по старой кнопке электрического звонка, с трудом следуя тексту выцветшей картонки: «Игнатюк — 1, Зеленое — 2, Бараев — 3, Манасян — 4...»

Бараев неузнаваемо изменился. Он растолстел, стоял в свитере и в бабьем переднике, замаранном на животе глиной, глаза мутны, в очках с белесой роговой оправой. Залысины ушли со лба назад, как будто лицо его выгнулось вроде скрипки. На толстом носу шишечка. А ведь двадцать лет назад это был гусар, с вишневого бабочкой на шее, с копной развалившихся аж до плеч волос, охваченных поверху красной витой тесемкой.

Он, конечно, узнал Самохина и, конечно же, мгновенно догадался о причине, приведшей его сюда. Сопя, молча, усталый на гостя — ни здравствуй, ни до свидания.

— Слушай, — вдруг оробевшим, еле слышным голосом спросил Самохин. И кивнул головой в сторону. — Это твой... твоя работа там, на проспекте Мира?

Бараев, наконец, разлепил крупные губы:

- Нет.

- Ну, послушай... — залебезил Самохин. — Твоя же работа. Гениальная!.. Только зачем ее туда? Отдал бы в музей.

«Какой к черту музей?.. — подумал тут же про себя Самохин. — Музей заплатил бы сотни две... а эти...»

— Как ты догадался? — спросил Бараев. — Что, так похоже? — Он посторонился и зевнул со всхрапом, как старый лев. — Еще немного — и ты бы меня здесь не застал... Переезжаю в мастерскую. Здание возвращают церкви. Только вот как я перевезу это свое гениальное творение?

Самохин только сейчас к своей радости понял, что скульптор пьян. С пьяным легче говорить. С понимающим видом он покивал.

В глубине мастерской до потолка возвышалась гора гипса — это был великан-батыр, как бы предок нынешних хакасов, которого Бараев мечтал поставить в степи, на перекрестке дорог. Но чтобы батыр непременно был высотой метров восемьдесят. Есть же у нас саянский мрамор, почему бы не выпесать? Только нужны деньги и много помощников... В свое время партийное начальство обещало это, но времена переменялись, гигантские проекты скукожились... И остался великан, сидящий на полу, обняв ногами колени. Великан, конечно, голый, каким и должен быть сказочный батыр.

Правда, партия требовала у скульптора, чтобы он мужские причиндалы убрал или хотя бы уменьшил. Но даже слепка уменьшенные, они производили грандиозное впечатление на посетителей мастерской, особенно на дам, посмевавшихся зайти под колени гипсовой фигуры.

Помнится, у Бараева там была и постель для особо дорогих гостей. И ходил анекдот, как некий поэт из Москвы, оставшийся ночевать с провинциалкой в этом темном грозном месте, так до утра и промаялся, не сумев прийти в любвеобильное лоно, ибо размеры некоторых частей тела, висящие над головой, совершенно подавили его впечатлительную поэтическую душу...

И помнилось, когда Самохин с Нелей остались у Бараева ночевать, скульптор предложил им без улыбки на выбор эту постель и диван под осыпавшейся фреской. Сам он угрюмо шел домой. И хохочущий Самохин выбрал и в первую, и во вторую ночь место именно под коленями гиганта. Зачем он это сделал? Боялся, что перед пристальными глазами Нели затрепещет и ослабеет, но в таком случае можно будет, пересказывая в который раз историю с поэтом, намекнуть на то, что и у него самого душа ранима? Но слишком он ее любил, чтобы отвлекаться на всякие посторонние картины. Только вот утром, в день отлета Нели, когда она еще спала или притворялась, что спит, прижавшись всем голым телом к Самохину, когда в древнем витраже разгорались красные и синие обломки неба, а вдоль картонных отгородок шурашали мышки, а может, и крысы, Самохин подумал про каменное мясо, нависшее над ним: «Да, были великаны... а я — дерьмо под ними».

Самохин потоптался посреди мастерской.

— Может, выпьем по случаю переезда?

— У меня есть. Я не бедный. — Бараев налил в захватанный граненый стакан водки.

А когда Самохин выцедил гнусную жидкость, грубовато спросил:

— Ты чего пришел?

Самохин и не знал, что сказать. Ляпнул первое, что пришло на ум:

— Костя... Можешь мне слепить ее головку?

— Нет. — Также выпив водки, Бараев добавил равнодушно. — Я разбил форму.

— А дорого стоит тот манекен?

— У тебя нет таких денег. Да и зачем? Плюнь. Она давным-давно во Франции.

— Где?!

Бараев протянул Самохину кусок черствого бурого хлеба и, жуя то под правой, то под левой скулой, пояснил:

— Помнишь, был такой Олег Дударь? Из ТЮЗа. Еще танцевал классно... хохотун... любил натереться бронзовой краской и в любой компании раздевался до пояса... Очень ей понравился. Он и увез ее. Теперь там какие-то балеты ставит... — И, отвечая на молчаливый крик Самохина, добавил. — А познакомились... она же еще раз прилетала, когда ты в тайге был... Побегала по городу, пришла сюда. А тут он. Подонок! Рассказал, что ты женат... что у тебя трое детей...

«У меня лишь дочь... Зачем так?!» — хотел было оправдаться перед далекой Нелей Самохин, но только склонил голову.

— Они у меня и ночевали... под богатырем... — Хмыкнув, Бараев швырнул остатком хлеба в форточку. — А после этого все годы здесь у меня собака спала... Но тоже недавно околела... Травили крыс, что-то съела, дурочка. Ну, пошли?

И они вышли из мастерской на морозный ветер. У Самохина темно в глазах.

«Возьму сейчас камень и сквозь стекло разобью ее, — подумал он. — Ну, посадят ненадолго. А чинить Костя уж точно не будет. Ему самому эти воспоминания мучительны».

Но, расставшись с Бараевым, он пошел вовсе не на центральную улицу, а в другую сторону — подальше от каменной красавицы. Если она с этим неведомым лживым Олегом живет во Франции, она, конечно, счастлива. Ну и забудь ее. И сам живи дальше.

И он пошел прочь. И, говорят, какое-то время еще жил дальше.

Эдуард РУСАКОВ

По профессии врач-психиатр. Он ищет в самых разных людях доброе начало и отстаивает простую истину: каждый человек имеет право на счастье.

Автор ряда книг: «Очередь за счастьем», «Стеклянные ступени» и другие.

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ

Рассказ

Перед тем, как идти на ночное дежурство, я решила угостить распоясавшихся тараканов сладкой отравой. Расставила по углам кухни блюдца и пластмассовые крышки с белой коварной водичкой: лакайте, гости дорогие, кушайте на здоровье.

— Лида, ты еще не ушла? — донесся из комнаты голос мужа.

— Нет, а что?

— Дай мне, пожалуйста, чаю. Только не очень крепкого.

Муж недавно перенес гипертонический криз — и врачи рекомендовали ему постельный режим. Хотя криз давно прошел и давление было нормальным (уж я-то, как медсестра, знаю — сама измеряю ему через каждые три часа), муж бережет себя, не выходит из дома и вообще целые дни проводит в постели. Мне кажется, ему даже нравится болеть. По себе знаю — в детстве я это тоже любила: все о тебе заботятся, и в школу идти не надо... Вот и мой муженек... А может, он в детство впадает? Но ведь ему всего пятьдесят, возраст зрелости и расцвета, еще жить да жить. И на работе его ценят. Если б не этот криз...

— Лидочка, ты где? — зовет он капризно.

— Здесь я, здесь.

— Я же просил чаю...

— Несу, несу.

Мог бы, кстати, и сам себе чаю взять. Не надорвался бы. Невелик труд — два шага до кухни. У нас квартирка маленькая, однокомнатная. Детей, как говорится, Бог не дал. Вот муж мой и за супруга, и за ребенка сразу... А я...

— Лидусь!

Накормив тараканов, я тщательно вымыла руки с мылом и налила мужу чашку чаю.

— Спасибо, — он придержал меня за локоть, чмокнул в обнаженное предплечье. — А ты на дежурство не опоздаешь?

— Уже иду.

— Когда вернешься?

— Как всегда, завтра утром, часам к девяти. Если что — звони.

— Фу... чай совсем холодный, — поморщился он, глотнув из чашки.

— Извини, я опаздываю. Подогреешь сам.

Поцеловав мужа в лоб, я направилась к выходу. Надо было спешить в больницу. Успела! Но едва я переступила порог приемного покоя, дежурный врач закричал мне:

— Тебе из дома звонили! Случилось что-то!

— Из дома? Я ж только отсюда...

— Позвони и узнай.

Я кинулась к телефону. Из трубки послышался чужой мужской голос. Это был наш сосед по лестничной площадке.

— А где мой муж? — крикнула я.

— Его увезли в больницу, у него инсульт. Хорошо, что успел меня позвать. Я и вызвал «скорую»... И пожарную чуть не пришлось вызвать!

— Да что случилось?

— Приезжайте, я объясню. Только побыстрее, пожалуйста.

И вот, не успев приступить к дежурству, я снова помчалась домой.

— ...Сразу после вашего ухода он вышел на кухню, — торопливо рассказывал мне сосед. — Но едва включил электроплиту, как произошло короткое замыкание... Да вы полюбуйте сами!

Кухня пропахла дымом. Стена, возле которой стояла электроплита, была черной от копоти, обои обгорели и свисали лохмотьями.

— Придется вам, Лидочка, завтра мастера вызывать, — и сосед кивнул на выжженную розетку электроплиты. — Только не вздумайте сами включать...

— Значит, короткое замыкание?

— Ну конечно. Представляю, как польхнуло!.. Слава Богу, ваш муж не растерялся — выключил сразу плиту, загасил пламя халатом... Ведь это его халат?

— Его... Как же все это произошло?

— А я вам сейчас объясню, — и сосед хохотнул. — Анекдот! Гляньте-ка вот сюда... Да не бойтесь!

Я посмотрела на черную стену и увидела в нише, откуда вывалилась сгоревшая розетка, несколькодохлых, обуглившихся тараканов. Трупы террористов. Разумеется, я сразу все поняла, но мне хотелось услышать это от соседа. Я не желала быть слишком уж пронизательной. Я хотела от постороннего человека узнать о причине...

— Все просто, как дважды два! — говорил возбужденно сосед. — Мокрые тараканы забрались в розетку - вот вам и короткое замыкание! И пожар! Мог бы запросто дом сгореть - представляете?

— Да, — сказала я. — Представляю.

И я представила: бешеное пламя, пылающие шторы, горящая мебель, едкий дым... и мечущийся муж... задыхающийся мой муженек... поджаривающийся, как на сковородке... как таракан...

— А ведь он мог погибнуть! — воскликнул сосед.

— Так, значит, он жив?

— Врач сказал — инсульт. Кстати, больница рядом. Хотите, я вас провожу?

Сосед был очень галантен. Я воспользовалась его советом и навестила мужа. Да, это был инсульт.

— Не волнуйтесь, он жив, — успокоил меня дежурный врач. — Но будет нуждаться в уходе... Придется набраться терпения... Впрочем, можно нанять сиделку. Или медсестру.

— Я сама медсестра, — сказала я.

— Очень хорошо. Вашему мужу повезло.

Да, он прав. Моему мужу опять повезло. В который уже раз. Ему всю жизнь везет, в отличие от меня. Двадцать лет назад ему повезло, когда он на мне женился. Потом ему повезло, когда выяснилось, что у нас не будет детей — и он долго упрекал меня за это, хотя я по глазам его видела, что он рад, очень рад, что отныне и навсегда вся любовь моя и привязанность будут принадлежать только ему... И он этим пользовался, пользовался долгие годы, высасывая из меня все соки... И сегодня ему опять повезло, когда мокрые тараканы устроили короткое замыкание (А ведь это я! Я! Я плеснула в розетку сладкой водички... и, кстати, не в первый раз), но пожар, к сожалению, был погашен, и мой муж остался жив, отделавшись инсультом, и теперь я должна буду снова мучиться, ухаживая за ним. Мне придется кормить его, поить, выносить из-под него судно, обмывать его, пропирать камфарным спиртом его пролежни, слушать его капризный бред... да, мне снова не повезло, такая уж я невезучая...

Он, наверное, никогда не умрет, думала я спустя несколько дней, сидя возле его кровати и глядя на его бледное одутловатое лицо, заросшее седой щетиной, на его перекошенные синие губы, на его мутные, все понимающие глаза, следящие за мной со злорадством и страхом.

— Ты всегда был уверен, что осчастливил меня, — говорю я ему, зная, что он не сможет ответить. — Но ты заблуждался... Слышишь? Хоть сейчас-то скажу тебе все, что

думаю. Не закрывай глаза — слушай! Не притворяйся, я знаю, что ты все слышишь и все понимаешь... Конечно, ты умный, я разве спорю... Ты всегда видел меня насквозь, я еще рта не раскрою, а ты уже знаешь, что я скажу. Ты надо мной смеялся, ты меня унижал, подавляя своим превосходством. А что мне твой ум? Зачем он был мне нужен, твой проклятый ум? Мне вообще был нужен совсем другой муж - простой, крепкий, добрый, надежный, щедрый, веселый, с которым и я бы могла шутить и смеяться и быть счастливой... А рядом с тобой я разучилась улыбаться! Я мечтала о муже-товарище, муже-друге, муже-возлюбленном, муже-хозяине, умеющем зарабатывать и тратить, неутомимом в труде и в постели... А ты?!.. Тряпка, гниль, мыслящий тростник, высоколобое ничтожество... Из-за тебя я состарилась в сорок лет... Посмотри, на кого я похожа!.. Да открой ты глаза, не притворяйся спящим! Врач сказал ты еще меня переживешь — и ты меня пережил!.. А теперь будешь гнить тут заживо, а я рядом с тобой загибаться... За что мне все это?! Прожив столько лет с тобой, я почти смирилась с таким прозябанием, но — знаешь ли ты? — совсем недавно я встретила одного человека — слушай, слушай! — он был молод, глуп, наивен, как мальчишка, да он и есть мальчишка, он намного моложе меня, но он дал мне возможность хоть один раз в жизни испытать настоящее женское счастье! А ты? Что ты дал мне?! Ничего, никогда, ни разу... С этим мальчиком я впервые — впервые! — почувствовала себя женщиной. И я с ужасом и восторгом шептала тогда: дорогой, ненаглядный, любимый... Как же много я потеряла с тобой... Я потеряла с тобой всю свою жизнь... А этот мальчик... Он, конечно, исчез из моей судьбы, и я больше с ним не встречалась. После нашего с ним единственного свидания я уже не могла обнимать тебя, терпеть твои вялые ласки... Ты стал мне противен... прости. Но, несмотря на свой ум, ты ведь так ничего и не понял, ни о чем не догадался — и продолжал самодовольно считать себя хозяином, баринном, падишахом... Радуйся, гад. Ты опять победил.

Виктор МИЗОНОВ

Живет в Лесосибирске.

Член городского литературного объединения

«Зарница». Многие из его лирических стихов положены на музыку, автор ряда песен о Сибири.

КРАСНАЯ СМОРОДИНА

Через пень — колодину
Жизнь моя идет.
Красная смородина
По ручью растет.
Молодой, отчаянный
Да бедовый был.
Красную смородину
С сахаром любил.
Кушал и не морщился,
На тебя смотрел.
Поцелуй украденный
На губах горел.
С песнями и танцами
Были вечера.
И гармонь под пальцами
Пела до утра.
И была молодуха
Рядом, как огонь!
И плыла лебедушкой —
На плече ладонь.
Были губы алые
И глаза в глаза...
Красная смородина
По ручью цвела.
Жизнь казалась сказкою
Тысячи ночей;
Не было нас ласковей,
Слушая ручей.
Все куда-то минуло,
Скрылось, не найти.
Красную смородину
Растерял в пути.

Не хватает единственной малости:
Молодым оставаться всегда.
Сохрани свое детство до старости
И ты будешь счастливым, как я.

Мне моя запоздалая осень
И милей, и дороже весны;
Там я только был счастлив, здесь — очень,
Это просто подарок судьбы.

Никому ничего ты не должен,
И достаточно творческих сил.
Еще есть — до чего ты не дожил —
Жажда видеть, чего не открыл.

Хочешь жизнь свою заново выстроить?
Так вперед, дорогой, не лежи!
Так начни, чтоб успеть, чтобы выстоять,
Добежать до заветной мечты.

Мне моя запоздалая осень
И милей и дороже весны.
Там я только был счастлив, здесь — очень,
Это просто подарок судьбы.

Анна ВОРО

Анна Воро пришла в литературное объединение в сентябре этого года, и первые ее литературные опыты были далеки от совершенства, но за нескладными строчками угадывалось истинное поэтическое призвание. Кроме того, удивительное трудолюбие, цельность натуры и открытая душа. Произведения ее взрослеют на глазах. Кажется, что ей удается все: и проза, и стихи.

Грустная осень живет за окном,
Грустно на улице высится дом,
Грустные люди куда-то идут,
Грустно последние птицы поют .
Грустные листья на землю летят,
Грустные тучи в лужи глядят,
Грусть поджидает за каждым углом.
Грустная осень прокралась в мой дом.

О чем я гадаю, о чем я мечтаю?
Тебе все равно.
Когда засыпаю, зачем я летаю?
Забыто давно.
О ком я страдаю, кого вспоминаю?
Не знаю сама.
Я жизни читаю, нет просто листаю
Большие тома.
Тома я листаю, узнать я желаю:
Кому я нужна?
Узнать я желаю, хотя понимаю,
Что буду одна!

Не спится.
Первый снежок за окошком неслышно
Ложится,
В свете неоновых вывесок пышно
Искрится.
Хочется плюнуть на все и ужасно
Напиться
Или безумно, до гроба, в кого-то
Влюбиться,
Словно водой родниковой поутру
Умыться,
Чтобы любовью и радостью снова
Лучиться,
Чтоб за спиною твоей от напастей
Укрыться.

И снова жестокий ветер
Испытывает ставни на прочность,
Ход часов проверяет на точность
Домовенок, а бедный сеттер
У двери скулит и тоскует
По свежему воздуху, только
Меня не волнует
Вот уже сколько
Времени, как ветер дует,
И к кому меня пес ревнует,
Почему не включен телевизор,
И зачем надывается Визбор,
И кого Пугачева целует.
Домовенок давно не находит
На условленном месте еды.
Утекло больше моря воды,
Как сказал ОН, что просто уходит.

Сергей КУЛАЕВ

Возраст — шестнадцать лет. Заканчивает среднюю школу № 7 города Дудинки. Мечтает стать профессиональным защитником Отечества: готовится к поступлению в высшее военное училище.

ПРЕДРАССВЕТНОЕ ВРЕМЯ

Предрассветное время прекрасно:
Недвижимая гладь реки,
И мелькают от блика красного
По спокойной воде огоньки.

И стоит над землей печальная,
Предрассветная тишина,
Словно песня ночи прощальная,
Словно гимн приходящего дня.

И как будто все в мире замерло
В этот ранний, чарующий час...
Вдруг горячее, жгучее зарево
Ворвалось ярким светом в нас...

Начинает солнце искрить
Меж высоких, прямых стволов...
Мы молчим... А зачем говорить,
Когда ясно все и без слов?

ЖИЗНЬ НА СЕВЕРЕ

Кто в суровый пришел этот край,
Впереди встретит много преград.
Жизнь на Севере — это не рай,
Но и все же это не ад.

Ты уехать решил? Прощай!
А останешься — будешь, как брат.
Жизнь на Севере — это не рай,
Но и все же это не ад.

Жить тебе здесь иль нет? Выбирай!
Только помни: пути нет назад.
Жизнь на Севере — это не рай,
Но и все же это не ад.

Здесь привычен собачий лай,
У ветров здесь особый лад...
Жизнь на Севере — это не рай,
Но и все же это не ад.

Оставайся! Себя испытай!
И увидишь, ты будешь рад.
Жизнь на Севере — это не рай,
Но и все же это не ад.

Евгений КЛИКУН

Родился в Дудинке в 1953 году. Закончил Брянский строительный техникум по специальности техник-архитектор. Сейчас работает художником в Дудинской ЦБС. Публикуется впервые.

СЕВЕРНЫЕ ЗАГАДКИ

Комья снежные лежат,
Комья снежные дрожат.
Это птицы, а не снег.
Обитают возле рек.
Только клювик да глаза
Могут нам их указать.
Белые, как хлопья ватки,
Полярные... {куропатки}.

В тундре всем он главный враг,
Любит он глухой овраг,
Причиняет много бед,
Рыщет, чтоб найти обед.
Но охотник знает толк,
Как ни кровожаден... {волк}.

Вот он из-за сопки вышел,
Гордо вскинул головой,
Тальников прибрежных выпиз
Встал на миг перед тобой.
Ищет ягельник копытом,
И рога бросают тень.
Косит глазом любопытным
Дикий северный... {олень}.

В тундре есть один зверек -
Быстрый маленький комок.
Белый сам, а хвостик черный,
Юрких ящериц проворней.
И живет один, вне стай.
Это, дети,... {горноста́й}.

И красив, и быстр, и ловок,
Сотня у него уловов.
Он для леммингов — султан,
Самого же ждет капкан.
Кто пушистый тот хитрец?
Отгадали вы — ... {песец}.

Он попал к нам в сеть вчера,

В нем икры на два ведра,
Может быть, и на одно,
Мне, признаться, все равно.

Сам шершавый, на спине
Зубья, словно на пиле.
Нашу лодку так толкнул —
Благо, не перевернул.

Характерная деталь —
Говорят, он рыба — царь!
Кто ж попал к нам в сеть вчера?
Мы поймали ... {осетра}.

Осенью на перекатах
Он сидит на задних лапах.
Бурый, грузный, косолапый,
Ловит рыбу толстой лапой.

Для рыбалки не нужны
Ни наживка, ни крючки,
Ни удилище, ни сеть.
Ловкий тот рыбак —... {медведь}.

Геннадий КУЗНЕЦОВ

Родом с Тамбовщины. В Норильске — с 1992 года.

Член городского литературного объединения.

Публиковался на родине, в местной печати, альманахе «Полярное сияние».

СНЕГИРЬ

Снегирь сидеть
Не любит в клетке,
И петь не хочется ему,
Не хочет есть
Снегирь конфетки,
Он любит волю, потому
Пусти его скорей
На волю.
Не улетит он
В чисто поле.
Усядется снегирь
На ветке,
И будет петь —
Ведь он не в клетке. •

ЗЕБРЫ НА СКАМЕЙКЕ

На скамейке, в сквере, под вербой
Отдыхали две тетушки зебры,
Но откуда же им было знать,
Что полезно уметь и писать и читать.
На скамейке в сквере, в Простоквашино,
Написал дядя Федор: «Окрашено».
Зебры надпись прочесть не смогли
И с полосками дальше пошли.
В вашем парке, пусть не в Простоквашино,
На скамейке прочтете: «Окрашено».
Не садись на скамейку под вербу,
И не будешь похожим на зебру.

✓ ОТЧЕГО И ПОЧЕМУ?

Отчего
Начинается ветер?
Оттого,
Что деревья качаются.
Почему
Солнце ярко так светит?
Потому
Что в реке отражается.
Почему
Вода мокрая в луже?
Потому
Что дождь мокрый прошел.
Почему
Если делаешь хуже,
Не выходит
Всегда хорошо?
Почему
Не всегда есть ответы,
А вопросы
Опять не кончаются?
Отчего
Начинается ветер?
Оттого,
Что деревья качаются.

Владимир ЭЙСНЕР

Родился в 1947 году. Работает в госзаповеднике «Таймырский». Публиковался в окружной, краевой печати, альманахе «Полярное сияние». Лауреат литературного конкурса имени Огдо Аксеновой за 1998 год. Живет в Хатанге.

ТАЙМЫРСКИЙ МАМОНТ

Очерк

В последнее время в СМИ (наших и зарубежных) муссируются самые невероятные слухи о «мамонте Жаркова», найденном на Таймыре. Исковеркано все: от фамилии и профессии руководителя и спонсора программы Бернара Бюига (Veypac! Vñiciez) до целей и задач программы[^] а «Российская газета» в заметке от 9 октября сего года, подписанной Александрой Сорокиной, сообщила читателям, что французы, которые, дескать, «едят все», стакнулись с местными оленеводами, надыбали в тундре мерзлого мамонта и хряпают древнюю мертвечину в упоении... Мне жаль и А. Сорокину, и редактора, поместившего непроверенный материал, вместо того, чтобы позвонить на место событий.

Другие СМИ — нет сил их перечислять — сообщают о клонировании мамонта, предпринятом предприимчивыми французами.

Дорогой читатель! Совместная русско-французская программа «Таймырский мамонт» — серьезное начинание. Участники: палеонтологи, палеозоологи, палеогеографы, археологи — уважаемые в научных кругах люди, каждый — светило в своей области, каждый — автор многочисленных трудов и монографий.

Знакомьтесь: Николай Верещагин, профессор, доктор зоологии, один из ведущих мамонтоведов России, раскопавший за свою жизнь более 150 мамонтов, ученый с мировым именем.

Ив Коппенс (Французская Республика), профессор, доктор археологии, палеонтолог, крупнейший мамонтовед Франции, ученый с мировым именем.

Дик Моль (Голландия), палеонтолог, специалист по фауне позднего плейстоцена, ученый с мировым именем.

Лэрри Эйдженброд (США), доктор геологии и минералогии, профессор Северо-Аризонского университета, палеонтолог, описавший костные останки 52 мамонтов, погибших 26 тысячелетий назад в местечке Хот Спрингс (Горячие Ключи), в штате Южная Дакота. Ученый с мировым именем.

Как же начиналась «мамонтовая эпопея»?

В конце мая 1996 года (в мае на Таймыре еще минусовые температуры) пожилой оленевод Алексей Жарков споткнулся в тундре на берегу речки Кырса-Юрях о торчащий из снега пень или старую кость. Дедушке Алексею под семьдесят, со зрением у него неважно, и он позвал сына

Гаврила и зятя, Геннадия Попова, осмотреть место находки. Молодые пастухи, увидев торчащий из мерзлой глины кончик бивня мамонта, заметили место и вернулись сюда в начале сентября, когда грунт уже оттаял на глубину около метра. Они выкопали оба бивня, вывернув их из альвеол черепа, так что череп, как оказалось потом, сильно пострадал. Винить в этом пастухов нет смысла: для кочевников тундры ценность представляют только бивни мамонта. Их можно продать или обменять на продукты, бензин, запчасти к снегоходу. Из бивней так же делают элементы оленьей упряжи, пряжки мужских поясов, пуговицы и амулеты, но весьма редко рукоятки ножей: мамонтовая кость на морозе скользит и обжигает руку, а дерево «теплое». Я видел даже поварешку из бивня мамонта и палку для глушения налимов, с богато изукрашенной ручкой из того же материала.

Пастухи увидели в раскопе много шерсти, да и запах был не совсем уж того...

Гаврила и Геннадий — люди грамотные, отслужили в армии, повидали не только тундру. Они сообщили о находке главе местной администрации Николаю Фокину. Николай Андреевич загорелся идеей устроить в Хатанге, в вечной мерзлоте одного из обширных ледников (погребов для хранения мяса и рыбы) музей мамонта и животных мамонтовой фауны. В последние годы Хатанга стала центром международного экстремального туризма. Отсюда стартуют многочисленные экспедиции на Северный Полюс и в таймырскую тундру, и открытие подобного музея привлекло бы еще больше туристов на благо поселка.

Идею поддержали директор заповедника «Таймырский» Юрий Карбаинов и глава французской туристической фирмы «Паралель-90» Бернар Бюиг.

И вот в конце мая 1998 года пятеро французов и пятеро русских высадились на крутом берегу речки Кырса-Юрях (Песцовая река) на 74 параллели, в 200 км от Хатанги, «у самого, самого мамонта».

Железными ломами, кайлами и клиньями, а где и пилой по бетону мы освободили из мерзлоты череп мамонта, с прекрасно сохранившимися зубами величиной с мужской ботинок 45-го размера. Надо сказать, что зубов у мамонта, как и у слона, всего четыре: по два в каждой челюсти. Зубы эти меняются шесть раз в течение жизни животного. Молодые растущие зубы постепенно выталкивают старые, стер-

тые, и зависимость тут такая: чем меньше зуб, тем старше мамонт, а жили мамонты до 80 лет.

Были взяты многочисленные пробы грунта: геологические, со стенок самого раскопа, пробы с поверхности зубов и костей, пробы шерсти, шкуры и мягких тканей (По спутниковому телефону мы проконсультировались с Н. Верещагиным, находившимся в Санкт-Петербурге). Принялись мы за дело с большим воодушевлением, но густой дух «старой помойки» надолго отшибает энтузиазм, и впоследствии мы стали работать в раскопе по двое, по трое, менялись через короткое время.

В начале июня раскопки были прекращены: начались плюсовые температуры, раскоп стал оплывать и наполняться водой, бешеный западный ветер сорвал палатку-кухню и остальные «две расплющил», кончились продукты, заболел Бернар, часами пролежавший в раскопе на «спине» мамонта с феном для сушки волос и жесткой кистью в руках. Таким способом он расчистил большой кусок шкуры, с буро-желтой шерстью, которую и продемонстрировал на пресс-конференции в Хатанге 5 июня 1998 года прилетевшему для такого случая из Санкт-Петербурга Николаю Кузьмичу Верещагину.

В начале июня мы с Бернаром и двумя рабочими снова вылетели «к мамонту». Прокопали канаву, спустили воду из ямы, а Бернар рассказал нам, что по данным радиоуглеродного анализа, сделанного в г. Утрехте, в Голландии, возраст «Жаркоффа» определен в 20380 плюс-минус 140 лет, микробиологические анализы показали отсутствие «жутких» бактерий, а надо сказать, что все мы слегка опасались какой-либо заразы типа сибирской язвы: неизвестно же, отчего погибло животное, и сообщил еще одну любопытную деталь: клетки мягких тканей оказались мумифицированными, обезвоженными и разорванными мерзлотой, так что если кусок такого мяса оттаять, оно растеклось бы по тарелке, как медуза по песку, а вот костные клетки, хоть и мертвые, оказались целыми и, возможно, годятся для клонирования. Забегая вперед, скажу, что и в этих клетках ДНК разорван, но кто знает, может, со временем ученые научатся «сшивать» спирали ДН К, тогда вся эта история с мамонтами приобретет совсем другой окрас...

Вода из ямы раскопа вытекла, Бернар подхватил рукой шмат жидкой грязи с волосами и спустился к ручью для промывки. И тут — везет француз — из древней шерсти «вымылся» цветок! Свежий, как будто вчера сорванный, с пятью плотными кожистыми лепестками, он ничуть не потерял своего синего цвета за 200 прошедших веков!

Старые кости не волнуют воображение. Трудно домыслить, одеть их в плоть и представить, как выглядело животное. Но тут, глядя на сухие травинки в бурой шерсти и на этот невообразимо древний цветок, — в четыре, а то и в пять раз старше египетских пирамид! — я вдруг реально представил себе мамонта: как он переплывает реки и речки, купается в озерах, валяется на мху, по лошадиному задравверху «копыта» или чешет спину о береговые утесы. Удивительное творение Создателя — мамонт, удивительное — вечная мерзлота, удивительное — третья планета!.. Когда жена профессора Лэрри Эйдженброда Ванда промыла шампунем волосы мамонта, они заблестели, засияли, приобрели цвет крепкого чая и — мы измерили их рулеткой, оказались длиной в 120 см! До сих пор в науке описаны лишь волосы длиной до 70 см. Жесткие, грубые, как проволока. Но у этого мамонта длинные и тонкие, тоньше волос

лошадиной гривы и вовсе не жесткие, они скорее напоминают женские волосы, чем волосы древнего животного.

Мы знаем из анализа его зубов и бивней, что это был самец в возрасте 47 лет, его бивни прекрасной сохранности длиной 294 см весят 60 кг, и весил «Жаркофф» около шести тонн. «Судя по состоянию жевательных поверхностей зубов, это животное погибло от голода», — заметил профессор Верещагин. Именно этот мамонт погиб от недоедания, или эти прекрасные животные вообще вымерли оттого, что вследствие изменения климата истощилась кормовая база? На этот вопрос современная наука все еще не может дать однозначного ответа.

О клонировании мамонтов

Профессор Верещагин: «Это утопия. Еще не найдено неподвергшейся разложению клетки. А семенники у самцов располагались внутри тела, рядом с почками, при гибели животного разлагались в первую очередь. Так что найти самца с живым семенем не представляется возможным».

Дик Мольт: «Мы не ставим такой задачи. Зачем? Чтобы это благородное животное мучилось в зоопарке? Ведь исчезла среда обитания мамонтов, малоснежная и холодная «Мамонтова степь»...

Ив Коппенс: «Я сомневаюсь, что это возможно».

Лэрри Эйдженброд: «Со временем, может быть, даже в этом десятилетии, мы научимся «сшивать» ДН К, тогда посмотрим»...

Полный ли «мамонт Жаркова»? Как очевидец и участник программы смею утверждать, что нет. Бивни и голова — в музее Хатанги, остальное в замерзшем блоке мерзлоты, доставленном из тундры в Хатангу в середине октября. Мы надеемся, что там весь позвоночник, куски плоти, шкуры, желудок с содержимым — то есть масса работы для исследователей. Бернар уже получил заявки от многих лабораторий мира на проведение анализов грунта, шерсти, мягких тканей. Особый интерес проявили... паразитологи. Не только пыльца древних растений осталась в глине и среди волос шкуры животного, но и всякие микробы и паразиты. Интересно их изучить и сравнить с современными. И вообще — чуется мое сердце — «Жаркофф» предоставит науке и туристам еще много интересного.

Но «Жаркофф» не единственный. Летом этого 1999 года мы очень много летали по тундре, проверяя информацию рыбаков, пастухов, геологов, которая на 90% оказалась неверной. Найден полный скелет мамонта на реке Новой, впадающей в Хатанге кий залив. Отсутствуют только бивни. Мы искали их радаром шведского изобретателя Пера Викстрема, но не нашли. Николай Кузьмич Верещагин, несмотря на свои годы, — ему 91 год, — две недели провел с нами в тундре, и он показал на позвонки скелета этого (с речки Новой) мамонта: четыре позвонка срослись, образуя уродливые наросты. И мамонты болели остеохондрозом. И мамонты, как и люди... На озере Мунгурдах, недалеко от реки Попигаи, мы исследовали и привезли в Хатангу череп большого самца и несколько костей скелета, среди которых ребро, погрызенное древней гиеной. На озере Налимьем, в районе Волочанки, найдены остатки трех мамонтов, в отложениях, которым порядка 40 тыс. лет. И так далее. Программа «Таймырский мамонт» будет продолжена весной 2000 года, и, надеюсь, мы найдем еще много интересного для науки, а значит и для туристов. И, значит, в Хатанге люди станут жить лучше.

Нина ПРЕДТЕЧЕНСКАЯ

*Родилась на Чукотке. На Таймыр приехала 1962 году.
Окончила Московский государственный университет.
В настоящее время работает в Окружном
краеведческом музее. Живет в Дудинке.*

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ТАЙМЫРА (XVII - XIX ВВ.)

Русские старожилы

Формирование русского населения в Приенисейском крае связано с периодом присоединения Сибири к Русскому государству. Устремляясь за «мягкой рухлядью» — пушминой, русские землепроходцы на рубеже XVI — XVII столетий проникли в бассейн Енисея. Движение это, как считает С.В. Бахрушин, не было случайным: оно шло под руководством крупных торговых людей, которые из года в год направляли в Сибирь обозы с русскими товарами для меня их на пушнину и для снаряжения промысловых экспедиций

К концу XVII века вся Сибирь была прочно освоена и заселена русскими. Русское население становится преобладающим по своей численности. Правда, основное население сосредоточивается в Западной Сибири. По данным Сибирского приказа, в 1697 году в 19 сибирских уездах численность русского населения составляла примерно 150 тыс. человек, нерусского — 125 тыс. человек (без жителей Приамурья и Камчатки, чукчей, коряков, эскимосов).

Осваивая Таймыр, русские опирались на Мангазею, которая была основана в 1601 г. на реке Таз, на территории современного Ямало-Ненецкого округа. Этот древний русский город, расположенный за Полярным кругом, сыграл важную роль в заселении и освоении Арктики и Таймырского полуострова.

«Златокопящая государева вотчина», как образно называли Мангазею современники, в период своего расцвета (первая половина XVII века) ежегодно поставляла казне до 100-150 тысяч соболиных шкурок. Мангазейские воеводы контролировали важнейший речной путь из реки Таз и Енисейский волок, ведущий через реку Турухан на Енисей и Хатангу.

В составе Мангазейского уезда, простиравшегося от Оби до Лены, Таймыр в XVII веке был присоединен к Росийскому государству.

Как свидетельствует историк М.И. Белов, «писаная история» Таймыра началась в XVI-XVII веках.

Тогда совершались первые походы и плавания русских землепроходцев в Пясиду (так называли Таймыр в XVII веке).

Известно, что не позднее 1604 года по распоряжению сибирского воеводы и при участии «многих жителей Сибири» были организованы два похода на восток, за Енисей. Один из этих походов на «особых крытых лодках-кочах» возглавил «некий Лука». Флотилия Луки вышла из реки

Оби и морским путем дошла до устья Енисея, из устья Енисея двинулась дальше на восток и открыла устье реки Пясины (Пясины).

Экспедиция должна была «тщательно изучить берег и все то, что они найдут достойным исследования». Участники похода побывали в горах Путоранах и в полиметаллических рудах нашли серебро, также «много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей — все это далеко за Енисеем». Сам «капитан Лука» и часть его спутников умерли во время этого похода, остальные вернулись в Сибирь.

К 1610 году относится плавание русских промышленников-поморов Кондратия Курочкина и Осипа Шепунова. Из Туруханска на кочах они доплыли до устья Енисея, миновав Енисейский залив, вошли в реку Пясины. За рекой Пясиной обнаружили реку «Катынга» (Хатанга). Между Пясиной и Хатангой «были найдены различные минералы, один похожий на золото, другие белые, как серебро». Отважные землепроходцы сделали важное открытие: оказалось, что Енисей впадает «в морскую губу Студеного моря, которым ходят немцы из своих земель кораблями ко Архангельскому морю».

Вначале главным при освоении Таймыра были природные богатства этого края — пушнина, позже — поиски морских и сухопутных путей на восток.

Продвижение русских землепроходцев шло преимущественно по рекам, что и определило концентрацию населения вдоль водных путей. На Таймыре они селились в низовьях Енисея, на Хатанге, Хете и Дудыпте. К началу XVII века, по мнению Троицкого, относится появление первых русских поселений на Таймыре, в районе Дудинки и Норильска. Самое раннее ясачное зимовье появилось в 1610 году, на реке Хантайке. С 20-х годов XVII века в таможенных книгах Мангазеи упоминается ясачное зимовье «пясидское», находившееся в истоках реки Пясины.

Река Дудина и волок в озеро Пясино уже в первой четверти XVII века стали главной дорогой, по которой русские люди попадали в Пясиду. По системе притоков реки Пясины в 20-е годы XVII века они проникли на реки Хету и Хатангу.

1626 год считается годом возникновения первых русских поселений на Хатанге. С 1630 года в документах упоминается Хетское зимовье в верховьях Хеты, которое стало

исходным пунктом проникновения землепроходцев на Анабару. По предположению ученых, Хетское ясачное зимовье было разгромлено в 1666 году, во время мятежа «тавгицкой самояди». Взамен появляется Авамское зимовье. В 1628—1629 годах в Хетском зимовье служил целовальником — сборщиком податей — поморский крестьянин Ерофей Хабаров, впоследствии знаменитый исследователь Амура. Сопровождал Ерофея его брат Никифор. М.И. Белов, с помощью архивных документов, восстановил путешествие на Таймыр братьев Хабаровых. Из Устюга они добрались до Тобольска, белокаменной столицы Сибири, из Тобольска до Мангазеи. В Мангазею прибыли в 1628 году и зазимовали в городе. К этому времени в районе реки Таз соболь исчез, сбор в казну исчислялся десятками тысяч, а не сотнями, как в пору расцвета Мангазеи. Многие охотники промышляли этого зверька в далекой Пясида. Ерофей Хабаров нанялся на таможенную службу в Хетское зимовье, в отряд Ивана Горохова, а брат решил заняться промыслом пушнины.

Летом из Мангазеи по Енисейскому волоку они достигли Туруханского зимовья, которое считалось второй столицей в Мангазейском уезде. Путь на реку Пясино и дальше волоками до Хеты считался в те годы трудным и опасным. В Хетское зимовье Хабаровы прибыли летом 1629 г. Путешествие братьев Хабаровых на Таймыр составило путь в пять тысяч верст.

Ареал деятельности Хабаровых на Таймыре не вполне удалось выяснить ученым. Известно, что Никифор возглавил промысловую экспедицию в новые, нехоженые земли в южной и средней части Таймырского полуострова, в районе реки Большой Балахни и реки Таймыры. М.И. Белов сделал вывод о том, что Хабаровы участвовали в географическом открытии северо-восточных районов огромного Таймырского полуострова, а также приняли участие в промысловом его освоении.

Во второй половине XVII века добыча соболя на Таймыре почти прекратилась. Сократился и приток новых русских поселенцев. Промысловики, осевшие по разным причинам на Хете и Хатанге, образовали здесь постоянное русское население. В основном это были малоимущие стрельцы распущенного в начале XVIII века стрелецкого гарнизона Мангазеи, не попавшие в число вновь образованного мангазейского (туруханского) казачества. Это русское население, занимавшееся пушным промыслом, в 20-х годах XVIII века было причислено к сословию государственных крестьян, образовавших Затундринское крестьянское общество Авамской или Затундринской волости.

Население это было многочисленным. В 1791 году «за тундрой» проживало 327 русских крестьян. Среди затундринских крестьян в документах ХVIII-XIX веков встречаются фамилии Аксеновых, Рудинских, Бархатовых, Поповых, Дураковых, Киргизовых, Уксусниковых.

Предком всех потомков Дураковых стал ясачный сборщик с Оленека — Василий Игнатьевич Дураков. Предком Рудинских, по данным Б. О. Долгих, был боярский сын Степан Рудницкий, возглавлявший в 1681-1682 годах перепись коренного населения, подлежащего обложению ясаком в Хантайском и Авамском зимовьях.

Потомками служилых людей являются многие Лаптуковы. Павел Третьяков приводит убедительный рассказ одного из Лаптуковых, записанный в конце прошлого века.

Этот рассказ дает представление о характере заселения нашего края в XVII веке.

«Прадедушка наш, казак Лаптуков, говорил, что наш пращур находился на Есейском озере для усмирения взбунтовавшихся тунгусов. Когда, после принятых мер, инородцы эти поуспокоились, то Лаптуков ездил отсюда с ясаками в Якутскую область, где и получил отставку. По возвращении в Туруханский край Лаптуков через Есейское озеро переправился на реку Пясино и здесь основал себе жилище...» Ласковостью и гостеприимством он приобрел дружбу местных жителей и вошел с ними в родственные связи, женившись на 16-летней дочери самоеда. Когда девушка освоилась с русским языком и бытом, Лаптуков обвенчался с нею в селе Дудинском. От этой четы родилось 19 человек детей, из которых осталось в живых пятеро сыновей и столько же дочерей. Все дочери вышли замуж «за пришлецов, прибывших с реки Енисея и поселившихся по рекам Дудыпте и Пясиной».

В Авамской тундре в XVIII веке по реке Дудыпте были зимовья Семена и Степана Ивановичей Хвостовых, Якова Васильевича Уксусникова и Андрея Ивановича Самойлова, Михаила Ивановича Баженова и Кирилла Ефимова, Марка Терентьевича Туркина. По реке Пясино жили братья Лаптуковы — Федор Алексеевич, Архип и Алексей с семьями (17 чел.), Харлам Иванович Пленских (7 чел.), Герасим Иванович Хвостов со взрослыми дочерьми и внуками (18 чел.).

Именно эти зимовья послужили пунктами, которые соединила Затундринская дорога, пересекающая весь Таймыр с низовой Енисея до низовой Хатанги, где группировалось несамодийское население: тунгусы, якуты, русские, образовавшие в начале XIX века новую народность — долганы.

В метрических книгах Хатангской Богоявленской церкви конца XIX — начала XX веков, хранящихся в фондах Таймырского краеведческого музея, упоминаются крестьяне Затундринского общества Игнатий Васильевич Малетин, Василий Алексеевич Тюприн, Дмитрий Александрович Бархатов, Андрей Евфимович Суворов, Александр Прокопьевич и Иван Прокопьевич Хвостовы, Дмитрий Титович Лаптуков, Иосиф Сосипатрович Рудинский, Ефстафий Мартынович Рудинский, Марк Гаврилович Портнягин, Поповы: Мефодий Лазаревич, Григорий Евфимович, Назарий Никандрович с сыновьями Онисимом и Афанасием, Прокопий Никандрович — предки Григория Романовича Попова, первого долганского ученого и Николая Анисимовича Попова, первого долганского журналиста.

До середины XIX века потомки русских промышленных людей продолжали оставаться русскими: говорили на русском языке, жили оседло. Процесс быстрого слияния русских с якутами и эвенками относится ко второй половине XIX и первой половине XX века. Ученые объясняют быструю ассимиляцию русских на Таймыре тем, что в середине XIX в. русское население (уже будучи довольно смешанным) перешло к кочевому оленеводству. Вследствие браков с местными женщинами затундринские крестьяне постепенно утрачивали русские национальные черты. Рождавшиеся от таких браков дети обычно воспринимали язык матери.

Русская по происхождению группа населения Таймыра полностью влилась в долганскую народность. Но вплоть

до 20-х годов XX века статистика все еще выделяла их в отдельную группу населения — затундринских крестьян. По данным П.Т. Ващенко, последним старостой затундринских крестьян был Герасим Петрович Дураков со станка Летовье на Дудыпте.

В связи с общим экономическим упадком Мангазеи, вызванным уничтожением соболя в районе, правительство распорядилось перенести в 1672 году административный центр Мангазейского уезда из Мангазеи на реке Таз в Туруханское зимовье на Енисее.

Это обстоятельство послужило благоприятным фактором для промышленной эксплуатации тундровых районов, богатых песцом, в частности, низовьев Енисея. По мнению историка Н.К.Ауэрбаха, этот момент имел место около 1665 года.

Тогда же строится Дудинское зимовье.

На карте Семена Ремезова (последняя четверть XVII века) весь правый берег Енисея, начиная с Гольчихи, усеян промышленными зимовьями, и вдоль этого берега идет надпись: «зимовья промышляют песцов и медведей белых», на левом берегу зимовий меньше, здесь промышляют «песцы белые и черные».

Начавшееся во второй половине XVII века заселение русскими низовьев Енисея усилилось в начале XVIII века. В 1719 году в низовьях Енисея насчитывалось 100-110 промысловых хозяйств, в которых было занято не менее 300 человек взрослого населения.

Заселенность низовьев Енисея в XVIII веке объясняется ценностью песка, который очень высоко ценился на сибирских ярмарках. Расчеты между торговцами производились на песка, на него переводили стоимость продуктов и вещей. Например, священник Хатангского погоста Петров, жалующийся в 1743 году на обиды, причиненные ему в Дудинке бывшим винным откупщиком Тюрепиным с братом, пишет: «...онные Тюрепины взяли у меня нижайшего...Иван — нартенное полозье доброе, цена десять песцов, две собаки — 20 песцов, Михайло — песца черного доброго, цена два рубли, беремья собачьего корму — цена два песца».

Большая часть зимовий на Енисее в XVIII веке сосредоточивалась в руках туруханского Троицкого монастыря. В документах этого монастыря зафиксированы имена их владельцев. Песцовые зимовья на Казанцевом носу имел «торговый человек Лука Ларионов, выше речки Гольчихи было промышленное зимовье Никиты Колмогорова», а вниз по Енисею на Усть-Дудиной реке промышлял мангазейский казак Федор Данилович Строганов.

Названия многих географических пунктов в низовьях Енисея происходят от имен первых русских промышленников, имевших здесь промыслы. Бреховские острова получили свое название от семьи Бреховых, промышлявших на этих островах в начале XVIII столетия. Насонов остров — от владельца зимовья на острове Василия Насонова, Нифантьевы Яры — от Тимофея Яковлевича Нифантьева. Встречаются в документах XVIII века имена промышленников Селиванова, Грибанова, Ананьина.

В 80-е годы XIX века численность русских старожилов, проживавших на 18 станках вниз по Енисею, была немногочисленной и составляла 286 человек.

Эта группа населения, так называемого Низовского крестьянского общества, оказавшись в окружении энцев и

ненцев, в отличие от затундринских крестьян сохранила свое этническое лицо. Им не пришлось менять хозяйственный уклад, основанный на рыболовстве. Крестьяне низовьев Енисея живут оседло, занимаются рыбным и пушным промыслом, сохраняют русский язык.

Кроме добычи рыбы и пушнины, крестьяне готовили и продавали дорогостоящую продукцию: рыбий и белужий жир, рыбий клей, икру. В прошлом веке, по данным П. Третьякова, в Туруханском крае ежегодно вели торговлю 100-120 купцов. С наступлением весны из Енисейска в Туруханский край отправлялись суда торговцев. В село Дудинское они приплывали к 20 июня. Купцы скупали песцовые шкуры, пух, мамонтовую кость, которые вывозились местными торговцами от жителей, проживавших по рекам Дудыпте, Пясины, Хете, Хатанге, в низовьях Енисея на островах, где собиралась значительная часть рыбопромышленников, енисейские купцы обменивали завозимые товары на рыбу. Продукция рыбных промыслов сбывалась в Енисейске по цене в два, три раза выше покупной. Например, пуд красной рыбы в низовьях Енисея покупался за рубль, а продавался в Енисейске за три рубля.

Интересны зарисовки быта русских старожилов низовьев Енисея, сделанные Ф. Нансеном во время путешествия по Енисею в 1913 г. В селении Казанцевском, где было 2-3 русские избы, норвежец познакомился с четой русских старожилов, уроженцев этих мест. Из разговора с ними выяснилось, что хозяин, отец многодетной семьи, пятидесяти лет, ни разу за всю свою жизнь не выбрался даже в Туруханск. Их дом представлял «красивое, светлое и уютное помещение, с выбеленными стенами, на которых красовались портреты-олеографии Петра Великого, иконы и фотографии русского духовенства наряду с олеографиями, изображавшими невероятно декольтированных парижских дам, пышные груди которых внушали опасение за прочность их воздушного полуприкрытия». В течение всей зимы единственным средством сообщения служил санный путь на собаках и оленях, поэтому к собакам здесь было особенно бережное отношение. Когда хозяин возвращался из долгой поездки по морозу, все обитатели избы, как правило, уступали излюбленные места на русской печи уставшим упряжным собакам.

Разнообразие русских типов поразило Нансена сходством со скандинавами. Попадалось много блондинов, с голубыми глазами, а также русых с вьющимися волосами. У многих русских, как у мужчин, так и у женщин, были на редкость крепкие и белые зубы.

В метрических книгах к XIX — началу XX века среди крестьян Низовского крестьянского общества упоминаются жители села Толстый Нос — Бычевы: Януарий Васильевич и Дмитрий Васильевич, Кокшаровы Петр Васильевич и Александр Афанасьевич, Иннокентий Прохорович Кашкаров, Пановы: Максим Трофимович, Иван Максимович, Андрей Елисеевич, Гликерия Андреевна и Анна Ивановна проживали на станках Малышевский, Поликарповский, Ермиловский, Каргаполовы (станок Денисовский), Турковы, Савва Трофимович Туркин, Андрей Филимонович Орлов, Василий Семенович Кочнев, Диомид Матвеевич Теткин, Константин Афанасьевич Сотников, Теткины: Диомид Матвеевич и Константин Диомидович (станок Казанцевский), Росляковы: Варвара Лаврентьевна, Константин

Федорович, Николай Гаврилович со станка Селякинский, Гавриил Маркович Росляков (село Толстый Нос).

В низовьях Енисея и сегодня живут потомки русских поселенцев. В разные годы, будучи в командировках, сотрудники музея встречались с ними, записывали воспоминания, собирали материалы о них.

В 70-е годы интересные воспоминания о русском быте были записаны сотрудником Т. Н. Токаревой в семье Турковых Константина Осиповича (1907 г.р.) и Аграфены Устиновны (1908 г.р, урожденной Ананьевой).

Так сложились музейные коллекции о семьях русских старожилов Байкаловых, Теткиных, Туркиных.

Из анализа имеющихся в нашем распоряжении метрических книг следует, что население Таймыра в конце XIX — начале XX вв. состояло из инородцев (термин XIX века), старожилов-крестьян, предки которых еще во второй половине XVII века начали освоение нашего края, туруханских и енисейских мещан, отставных казаков, духовенства и ссыльно-поселенцев.

Наглядно состав населения начала века характеризует Ведомость Дудинской Введенской церкви Туруханского края за 1917 год. При означенной церкви насчитывалось 240 дворов, 1178 жителей православного вероисповедания: 596 — «инородцев», 582 — «иные граждане», казаков — 42 чел., статских — 9 чел., купцов, мещан и других обывателей — 101 чел. (54 муж., 57 жен.), граждан — 430 чел. (235 муж., 195 жен.).

Выделяется довольно многочисленная прослойка мещан, выходцев из Туруханска и Енисейска. По церковным книгам удалось установить их имена и фамилии. Это семьи Поповых, Ивановых, Хвостовых, Байкаловых, Уксусниковых, Горкиных, Ананьиных, Машихиных, Соколовых.

Среди прихожан Дудинской Введенской церкви числятся семьи туруханских и енисейских казаков Сотниковых, Даурских, Юрловых, Седельниковых, Власьевых, Перепрыгиных, Яроцких, Томиловых.

Казаки служили вахтерами при хлебозапасных магазинах, которые были учреждены по инициативе сибирского губернатора М. М. Сперанского в 1822 году в Туруханском уезде для спасения северных народностей от голода. Предполагалось, что в таких магазинах жители могли всегда купить, обменять пушнину на муку или зерно по твердым государственным ценам.

В середине 50-х годов XIX века вахтером хлебозапасных магазинов Дудинского участка служил Киприан Михайлович Сотников. В качестве проводников казаки принимали участие во многих научных экспедициях. Естественным испытателем А.Ф. Миддендорфу в его путешествии по Таймыру в 1843 году помогали казаки Егор Даурский и Василий Седельников. Проводником и пастухом в экспедиции Н.Н. Урванцева в 1919 году был дудинский житель Т. Даурский.

Сотрудники музея с помощью документов и воспоминаний местных жителей пытаются воссоздать историю отдельных семей, проживавших на Таймыре и в Дудинке в XIX — начале XX вв.

Совсем недавно в музей поступила редкая фотография из семьи потомков Седельниковых — Юрловых. На фото-

графии запечатлен в казачьей форме урядника молодой человек Василий Васильевич Седельников.

На фотографии сделана надпись: «На добрую память дорогим брату и сестре Александру Степановичу и Александре Ивановне Юрловым от урядника Василия Васильевича Седельникова. Г. Туруханск. 1906 год».

Принесла эту фотографию в музей Екатерина Николаевна Сизова (урожденная Уксусникова). Она же помогла восстановить семейную биографию русских старожилов Седельниковых — Уксусниковых.

Как вспоминает Екатерина Николаевна, у ее прабабушки, туруханской казачки Екатерины Федосеевны Седельниковой было четыре дочери и сын. Сына она потеряла в годы гражданской войны, он был расстрелян в Енисейске, а дочери вышли замуж. Мария — за туруханского мещанина Николая Киприяновича Уксусникова, Августа — за его брата Константина, третья сестра Анна стала женой местного купца Архипа Попова, Александра вышла замуж за туруханского казака Александра Степановича Юрлова. Именно ей и ее мужу адресована фотография, о которой мы говорили выше.

По словам Екатерины Николаевны Сизовой, ее бабушка Мария Ивановна Уксусникова умерла очень рано, в 1916 году, в возрасте 29 лет, оставив на руках мужа четверых детей.

На окраине нашего города, в районе бывшего совхоза «Полярный», где до революции было село Малая Дудинка, чудом сохранился памятник из черного мрамора на ее могиле. Потомки этой семьи и сейчас живут в нашем городе.

В Таймырском окружном краеведческом музее, где собрались потомки русских старожилов, отметила свое 80-летие Нина Николаевна Уксусникова, чья жизнь и судьба тесно связаны с историей нашего города. Ведь когда-то ее дед по материнской линии, Степан Тычинский, построил в Дудинке церковь, которая в 1913 году поразила своей красотой норвежца Ф. Нансена. По его словам, на берегу Енисея возвышалась «маленькая прелестная церковка с колокольней, на которой было не меньше семи колоколов...».

В скором времени на том же самом месте поднимутся купола новой Дудинской церкви.

Ирина СОТНИКОВА

Закончила Красноярский пединститут, работала учителем, заместителем председателя Дудинского горисполкома.

В настоящее время является методистом ТОНМЦ.

АРГИШ В ОДИН ДЕНЬ

Зарисовка

Аргиш... Сколько их было в жизни моих родителей? День аргиша - день необычный, почти праздничный, и его отменить может только болезнь людей, оленей. Но такое, к счастью, случается крайне редко.

Сколько времени прошло, многое забылось, а память об аргише не тускнеет...

...Взрослые к очередному аргишу готовятся загодя. Мужчины собираются за хлебосольным столом у самого уважаемого старейшины и за чашкой чая ведут неторопливый разговор о будущем нелегком переходе по этому маршруту: кому первому прокладывать дорогу впереди каравана, стада оленей, как найти удобное место стоянки с обильным ягелем и сберечь животных от волков.

Аргишить будут четыре хозяина, четыре больших балка, с огромным стадом оленей. Теперь место стоянки известно мужчинам. Они знают, что там много корма для оленей, мало волков, есть сушняк для топлива, рядом озеро. Все обговорив, бригадир назначает день отъезда.

Каждый хозяин приводит в порядок упряжь, подправляет кое-что в балке. Тому, кто нуждается в помощи, помогают все. В день отъезда встают до рассвета. Мужчины собираются около балка. Молчаливы и слегка озабочены, как бы в пути не осрамиться с мелкой поломкой, а то потом стыда не оберешься, прославив нерадивым хозяином.

Дядя Иван пошел с собакой в лес за стадом, остальные освобождают полозья саней и балков из-под наледи, складывают на сани дрова, туши мяса, разную домашнюю утварь.

Без принуждения мы, дети, помогаем бабушке Пелагее, готовим ее балок к аргишу. Повезет его старший сын бригадира дядя Иван. После смерти дедушки вся бригада шефствует над старушкой. Бывало, от первой добычи отца мама со мной отправляла ей гостинец. Бабушка радостно поглаживала меня, ласкала и ни когда не отпускала без подарка...

...В это время мальчики с маутами ходят в ожидании стада. Они уже знают, какого оленя к каким саням подвести, запрячь.

Отец для большого балка сам вылавливает оленей, шесть крупных и сильных хоров.

А уж мама свои сани не доверяет никому! Упряжь ее оленей, самая красивая. Нашечники из мамонтовой кости инкрустированы, украшены красными, голубыми разводами красок, в узелке колокольчики. В поездке ее сопровождает их перезвон. Олени у нее свои, упитанные и ухоженные. Только на них она аргишит и в будни, и в праздники, будь то встреча солнца или День оленевода. Мама их очень балует, и они всегда узнают ее. Подготовив сани, она обходит стоянку, проверяет, все ли чисто убрано нами. Остается довольна увиденным, крестится, тихо приговаривая: «Боже, ты нас оберегал на этом месте, не оставил без еды. Дети все здоровы, оставляют стоянку, как яичко, чистой». Потом мама возвращается к саням, застилает их большой черной шкурой, покрывает пушистым одеялом и с улыбкой говорит, что сегодня на ее роскошных нартах восседать буду и я. Затем она заносит - в балок наши паркы, бокари - они специально для аргиша: паркы на песчовом меху, очень теплые и удобные.

Моя старшая сестра тоже знает, что нужно делать. С верхних полок она снимает посуду. Обернув полотенцем, ставит ее в ящик, готовит для маленькой сестренки теплое пуховое одеяло, чтобы на него поставить люльку, и тогда дитя всю дорогу будет безмятежно спать в такой качели.

Около печурки аккуратной стопкой сложены лучины и сухие дрова. В балке чисто, уютно. Всё и все готовы в дорогу. Кто был на улице, заходят в свои балки, греются, пьют чай, передеваются в теплые паркы и бокари, и каждый направляется к своим саням.

...Заскрипели нарты, зазвенели колокольчики. Кажется, что в этом огромном белом пространстве нет и не может быть дорог, но аргиш уверенно ведет самый опытный и мудрый. Им является мой отец, и это наполняет меня гордостью. Замыкает караван оленья стадо, подгоняемое специальным пастухом и двумя собаками, чтобы ни один олень не отбилась от стада.

В пути несколько раз останавливаемся. Отдыхают люди, олени, собаки. Мужчины собираются около проводника, делятся мнениями по поводу перехода, покуривают, не забывают отметить, как выросли их сыновья и насколько они стали самостоятельными. Затем — опять в путь. Сквозь дрему слышу, как под санями поскрипывает снег, как олени копытами выбивают единый ритм. В душе звенит песня, никому неведомая и никем не слышимая. Хоть зима и в разгаре, а как красиво кругом! Вот сугроб свернулся калачиком, будто хвост моей собаки! Вот выплывают навстречу вершины лиственниц, с аккуратными снежными шубами, а рядом вверху вспыхивает полярное сияние. Я сижу на санках, завороженная этим неповторимым зрелищем!

...На новом месте у мальчиков много работы: распрягают оленей, потом обследуют новое место, берут дрова, колушают серу — жвачку в лиственницах, ставят на куропаток сети-ловушки, ищут щели во льду озера, чтобы наколоть его для воды, проверяют, богат ли здесь ягель - олений любимый корм. За чаем дети обо всем доложат старшим, а уж те сами оценят выбранную стоянку.

... Пока мужчины и дети на улице, мама растапливает печку, кормит малышку, сестра расставляет по местам посуду. С повозки заносят большого, горбатого от жира чира. Будет вкусная строганина!

Чтобы в балке было-тепло и не поддувало, снаружи вокруг стен балка каждый из нас сооружает завалинки из снега.

И, наконец, все срочные дела на улице закончены. Упряжь убрана в том порядке, в котором она пригодится для следующего аргиша. Легковые и грузовые сани заняли свои места. Олени мирно пасутся около стойбища, как будто и не было для них тяжелой пятичасовой работы. Собаки-лайки подремывают в ожидании пищи.

Мы, краснощекие, веселые и голодные, заходим в теплый балок. За чаем, рассказав старшим о новой стоянке и о своей «разведке», мы молча слушаем разговоры взрослых. Сладкая истома усталости охватывает меня. Мама, ласково улыбаясь, помогает раздеться и горестно вздыхает:

— Каникулы кончаются, опять детям в интернаты, что-то их там ожидает...

Казимир ЛАБАНАУСКАС

*На Таймыре работает четверть века.
Является составителем серии сборников фольклора
народов Таймыра. Публиковался в альманахе
«Полярное сияние», а также в ряде научных изданий.*

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ НГАНАСАН

На основе фольклора

Изучение устного народного творчества нганасан дает возможность заглянуть в те отдаленные времена истории Таймыра, когда становление нганасанского народа только еще начиналось. Сохранились легенды, повествующие о том, что предки нганасан сталкивались в таймырской тундре с какими-то людьми, которые не были истинными нганасанами, но вели похожий образ жизни, то есть охотились на дикого оленя, ловили рыбу. В нганасанском фольклоре эти донганасанские насельники тундры называются двумя словами — бонка и сюся.

В науке не существует определенного мнения, кто такие были бонка и сюся. Известный этнограф, исследователь истории и культуры малых народов Крайнего Севера Борис Осипович Долгих писал в комментариях книги «Мифологические сказки и исторические предания нганасан» следующее:

«Очевидно, это какие-то обитатели севера Сибири, жившие здесь до прихода тунгусских и самодийских оленеводов. Это были так называемые палеоазиаты, не имевшие домашних оленей и жившие охотой на диких оленей».

Возможно, племена бонка и сюся были таймырским ответвлением древнейших предков юкагиров и говорили на каком-то диалекте, близком к юкагирскому языку. Сами их названия весьма загадочны. Слово «бонка» переводится как «житель землянки». Это позволяет думать, что бонка были полуседлыми охотниками и рыболовами, жили не в чумах, а в жилищах типа голомо. Про это жилище, кстати, тоже известно только из фольклора. Как рассказывали нганасанские старики, помнящие древние легенды, голомо представляло собой жилище конической формы из бревен или плах, засыпанных землей. Пол в голомо был несколько ниже уровня почвы, так что это жилище являлось полужемлянкой. В современном нганасанском фольклоре эта полужемлянка называется не голомо, а сатума, что в переводе означает «глиняный чум». Но, несмотря на все эти сведения, так и остается неясным, кто были бонка, какова была их этническая принадлежность. Можно лишь с определенной долей уверенности предположить, что когда предки нганасан появились на Таймырском полуострове из-за Хатангского залива, бонка жили как самостоятельный народ и, вполне вероятно, вступали в контакты с предками нганасан.

Эти контакты, возможно, были весьма продолжительными и оставили значительный след в нганасанском фольклоре. Правда, трудно сказать, какова фактически была судьба народа бонка после того, как они познакомились с предками нганасан. Хочется думать, что они были ассимилированы. Но легенды не дают основания так думать. Наоборот, там говорится, что бонка, увидев нганасан, куда-то исчезли. Как повествует легенда, записанная от Турдагина Атакая в 1957 году в поселке Усть-Боганида, «бонка за море ушли. Сейчас остатки пастей бонка еще можно найти у устья Пясиной». В этой же легенде указывается, что бонка охотились на диких оленей самострелами. Одежда у них была из шкур морских зверей, глухая, типа современной ненецкой малицы. К одежде была пришита другая шкура, которую постоянно носили с собой и на которой спали ночью. Других сведений о народе бонка в нганасанском фольклоре не имеется.

Не менее загадочен другой древний, донганасанский, народ Таймыра — сюся. Само название ассоциируется со словом чукча, и в науке была даже попытка поставить вопрос, о каких чукчах здесь может идти речь, поскольку на Таймыре пребывание чукчей никогда не фиксировалось. Нганасанское слово «сюся» в научной литературе переводится словом «чукча». Создается впечатление, что предкам нганасан, переселившимся на Таймыр из анабарской тундры и низовьев Попигая, была известна какая-то этническая группа, имеющая сходство с истинными чукчами. Кто знает, может, так оно и было. Но удивляют два факта из нганасанского фольклора: во-первых, о так называемых чукчах известно не от самих нганасан, а от ненцев, которые якобы гостили у чукчей, разговаривая с ними на ненецком языке, во что, согласитесь, вообще трудно поверить. Во-вторых, нганасанские легенды повествуют, что народ сюся живет за морем, рядом с русскими, и имеет много домашних оленей. Эти сведения уводят нас так далеко, что, в конечном счете, становится неясным, кто такие сюся на самом деле.

С моей точки зрения, видимо, надо полагать, что на ранней стадии формирования нганасанского фольклора имелись реалистические сведения о народе сюся. Но со временем, переходя из уст в уста, эти первоначально реалистические рассказы обросли фантастикой, исказились,

потеряли свое истинное содержание и, в конце концов, превратились в обычную мифологическую сказку, правильно истолковать которую уже не представляется возможным. Самых нганасан удивляют некоторые детали этих сказок. Так, например, в дополнении к сказке «В земле чукчей», записанной в 1948 году от Турдагина Монтуку в поселке Воронцово, рассказчик выражает свое непонимание того, как могли ненцы разговаривать с чукчами на ненецком языке. В другой сказке, записанной от того же сказителя, упоминаются другие факты, вызывающие большие сомнения. Говорится, что чукчи жили около реки Пясины и самые удалые из них имели одну руку и одну ногу. Но были они настолько трусливые, что, увидев двух хатангских нганасан, покончили жизнь самоубийством. Нганасаны же, завладев оленями чукчей, стали очень богатыми. Те чукчи, которые жили подальше от места этого события, ушли за море.

Ясно видно, что эта нганасанская сказка прошла длительный путь различных переосмыслений, переделок и домыслов. История свидетельствует, что до начала формирования нганасанского народа около реки Пясины никаких чукчей не было, а жила какая-то этническая группа тундровых энцев, предки которых вышли из бассейна реки Таз и через низовья Енисея проникли в западную часть Таймырского полуострова. С этими-то энцами столкнулись тунгусо-язычные предки нганасан, переняли от них язык и оленеводческую материальную культуру и стали, в конце концов, теми нганасанами, которых мы видим в настоящее время.

Ну, а что с народом сюся? Это, по всей видимости, навечно останется загадкой. Если бы нганасанский фольклор был записан более полно, то наверняка были бы легенды, дающие правдивое описание этого загадочного народа. Но и те отрывочные, порой даже сомнительные сведения, которые имеются в современном фольклоре нганасан, дают основание думать, что предки нганасан, появившиеся в таймырской тундре, были не одни, что здесь жили еще более древние пешие охотники на дикого оленя, принявшие, возможно, активное участие в формировании нганасанского народа.

